

The background of the cover is a dark, moody illustration. It depicts a woman with long, dark, wavy hair and bright red lips. She is holding a sword with a blue, ornate hilt and a silver blade. The sword is positioned diagonally across the frame. The woman's face is partially visible, looking towards the right. The overall style is reminiscent of classic pulp magazine covers.

Мелисса де ла Круз

Откровения

Annotation

Тень поражения нависла над бессмертным родом вампиров Голубой крови, которым отщепенцы из клана Серебряной крови объявили Великую войну. Ценой предательства демон Левиафан, брат Князя тьмы Люцифера, выпущен на свободу. В жестокой схватке он побеждает могущественного вампира Тедди Неумирающего, деда вампира-полукровки Шайлер ван Ален, и бессмертный вампир покидает этот мир навсегда. Но перед уходом он успевает предсказать Шайлер, кто станет гибелью, а кто спасением для всего племени Голубой крови. Впервые на русском! Новая книга сериала, разошедшегося миллионными тиражами!

- [Мелисса де ла Круз](#)
 - [БИТВА ПРИ КОРКОВАДО](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Эпилог](#)
-

Мелисса де ла Круз

Откровения

Посвящается Майку и Мэтти — навеки.

А также — Стивену Грину и Кэрол Фокс, моим старейшим поклонникам.

Величайшее испытание мужества — потерпеть поражение и не пасть духом.

Роберт Г. Ингерсолл

О, был вампиром ты, и никогда я больше не увижу света!

«Конкрит Блонде». Кровопускание

И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остается времени.

Откровение Иоанна Богослова, гл. 12:7-12

БИТВА ПРИ КОРКОВАДО

Она подняла голову и увидела, что Лоуренс сошелся в яростной схватке со своим противником. Его меч упал на землю. Над ним возвышался белый сияющий силуэт. Сияние слепило глаза — как бывает, если взглянуть прямо на солнце. Это был Несущий свет. Утренняя звезда.

У нее кровь застыла в жилах.

— Шайлер! — раздался хриплый голос Оливера. — Убей его!

Шайлер вскинула материнский меч и увидела, как тот сверкает в лунном свете: длинный, бледный, смертоносный луч. Вскинула и направила на врага. Разбежалась что было сил и ударила в сердце.

И промахнулась.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Расшифровка доклада венатора, зарегистрировано 5 января

(Шипение, затем отчетливый щелчок.)

Я занял надежное положение в заданном районе. Мне надлежит провести расследование смерти Августы Карондоле, умершей в результате потребления. Жертва была обнаружена в нью-йоркском ночном клубе «Банк» полностью обескровленной. Из тех, кто находился неподалеку в ночь нападения, интерес представляли следующие:

Шайлер ван Ален: полукровка. Смертный отец ничем не примечателен. Мать: Аллегра ван Ален (Габриэлла). Пятнадцать лет.

Блисс Ллевеллин: в этом цикле — дочь сенатора Форсайта Ллевеллина. В официальной записи о рождении мать не указана по имени. (Правильно ли это?) Пятнадцать лет.

Маделайн Форс: в этом цикле — дочь Чарльза Форса (Михаила)

и Тринити Барден Форс. Шестнадцать лет. Ее брат-близнец, Бенджамин Форс, также находился неподалеку вечером 12 сентября, но был исключен из числа подозреваемых, после того как было подтверждено, что он покинул помещение до нападения. Ситуация чрезвычайно щекотливая, поскольку среди подозреваемых — дочь нынешнего региса. Не следует показывать список подозреваемых регису, пока дело не будет разрешено окончательно.

Первоначальный подозреваемый, Дилан Вард, все еще на свободе. Его местонахождение неизвестно.

Глава 1

Ранним, пронзительно-холодным мартовским утром Шайлер ван Ален скользнула за стеклянные двери школы Дачезне и с чувством облегчения зашагала через высокий сводчатый вестибюль, над которым господствовала картина работы Джона Сингера Сарджента, изображающая основателей школы. Девушка прятала пышные черные волосы под капюшоном отделанной мехом парки, предпочитая быть незаметной и не обмениваться небрежными приветствиями с другими учащимися.

Странно было думать о школе как о прибежище, об избавлении, о месте, куда она с нетерпением стремилась. До недавних пор Дачезне с ее мраморными полами и видами на Центральный парк ассоциировалась у Шайлер с камерой пыток. Девушка содрогалась от страха, поднимаясь по величественной парадной лестнице, чувствовала себя несчастной в классных комнатах с их чрезмерным отоплением и даже отчего-то презирала великолепный мозаичный пол из терракцо в школьной столовой.

В школе Шайлер часто чувствовала себя уродиной, пустым местом, хотя ее глубоко посаженные синие глаза и нежное личико фарфоровой куклы не давали для этого основания. Всю ее жизнь богатые одноклассники обращались с ней как с уродцем, посмешищем, парией — нежеланной и неприкасаемой. Хотя ее семья носила одно из старейших и самых прославленных в истории города имен, времена изменились. Ван Алены, некогда бывшие горделивым и влиятельным кланом, за прошедшие века умалились и исчахли, так что теперь их практически не осталось. Шайлер была одной из последних ван Аленов.

Некоторое время Шайлер надеялась, что с возвращением ее дедушки из изгнания ситуация изменится и присутствие Лоуренса в ее жизни положит конец одиночеству. Но эти надежды разбились вдребезги, когда Чарльз Форс забрал ее из ветшающего особняка на Риверсайд-драйв, служившего Шайлер домом, сколько она себя помнила.

— Ты шевелиться будешь, или тебе нужно придать ускорение?

Шайлер вздрогнула. Оказалось, что она, сама того не замечая,

стоит в оцепенении перед своим шкафчиком — и тем, который расположен над ним. Звонок, возвещающий о начале нового дня, трезвонил вовсю. А за спиной девушки стояла Мими Форс, с которой Шайлер с недавних пор проживала в одном доме.

Шайлер всегда чувствовала себя в школе не в своей тарелке, но это не шло ни в какое сравнение с тем арктическим холодом, с которым она каждый день встречалась в роскошном особняке Форсов, стоявшем напротив музея «Метрополитен». В Дачезне ей не приходилось ежеминутно выслушивать нудеж Мими, прохаживающейся по ее адресу. Или если приходилось, то всего раз в несколько часов. Неудивительно, что в последнее время Дачезне казалась ей такой желанной.

Хотя Лоуренс ван Ален стал теперь регисом, главой Голубой крови, он оказался не в состоянии прекратить судебный процесс об удочерении. Кодекс вампиров требовал строгого подчинения человеческим законам, дабы голубокровные не привлекали к себе внимания. Бабушка Шайлер в своем завещании объявила внушку свободной от родительской опеки, но юристы Чарльза Форса предприняли коварный ход и опротестовали отдельные положения завещания в суде Красной крови. Суд вынес решение в их пользу, и Чарльз Форс был назначен душеприказчиком, получив в дополнение к имуществу и саму Шайлер.

— Ну?!

Оказалось, что Мими все еще ждет.

— Ой! Извини! — Шайлер, схватив учебник, отодвинулась.

— Да уж, есть за что извиняться.

Мими прищурила изумрудно-зеленые глаза и смерила Шайлер взглядом, полным презрения. Точно так же она смотрела с другой стороны обеденного стола вчера вечером и точно таким же взглядом наградила новоявленную сестру утром, когда они столкнулись в прихожей. И во взгляде этом читалось: «Что ты здесь делаешь? Ты не имеешь права существовать!»

— Что я тебе сделала? — прошептала Шайлер, запихивая учебник в потрепанную полотняную сумку.

— Ты спасла ей жизнь!

Мими бросила свирепый взгляд на рыжеволосую девушку,

произнесшую эти слова.

Блисс Ллевеллин, саженец, перенесенный с техасской почвы, и бывшая правая рука Мими, отплатила ей тем же. Щеки Блисс пылали не хуже ее волос.

— Она спасла твою шкуру в Венеции, а у тебя даже не хватает порядочности поблагодарить ее!

Некогда Блисс была тенью Мими и с радостью выполняла любое ее указание, но после последнего нападения Серебряной крови, когда выяснилось, что Мими добровольно, хотя и безуспешно, призывала этих тварей, доверие между бывшими подругами рухнуло. Мими приговорили к сожжению, но Шайлер пришла ей на помощь и провела суд крови.

— Ничего она меня не спасла! Всего лишь сказала правду! Мне и так ничего не угрожало! — отозвалась Мими, проведя серебряной расческой по своим роскошным волосам.

— Не обращай на нее внимания, — посоветовала Блисс Шайлер.

Шайлер улыбнулась. Теперь, когда у нее появилась поддержка, она немного осмелела.

— Легко сказать! Это все равно что делать вид, будто глобального потепления не существует.

Она знала, что впоследствии поплатится за эту реплику. Что ее будут ждать камешки в овсянке. Деготь на простынях. Или последнее изобретение Мими — исчезновение еще какой-нибудь вещи из быстро убывающего имущества Шайлер. Девушка и так уже недосчиталась медальона, доставшегося ей от матери, своих кожаных перчаток и любимого потрепанного тома «Процесса» Кафки с написанными на первой странице инициалами «Дж. Ф.».

Шайлер готова была признать, что вторая гостевая спальня в особняке Форсов (первую оставили для высокопоставленных гостей) — отнюдь не чуланчик под лестницей. Отведенная ей комната была красива и заполнена всем, чего только может пожелать девушка. Тут была и огромная кровать с пологом и мягчайшим пуховым одеялом, и шкафы, забитые модной одеждой, новейший музыкальный центр, десятки игрушек для Бьюти, ее гончей блаухаунда, и новый ноутбук, легонький, словно перышко. Но каким бы роскошным ни был ее новый дом, ему не доставало очарования старого.

Шайлер скучала по своей старой комнате с ее желтыми стенами и шатающимся столом. Она скучала по пыльной гостиной с ее мебелью в чехлах. Она скучала по Хэтти и Юлиусу, служившим их семье еще с тех времен, когда сама Шайлер была младенцем. Она, конечно же, скучала по бабушке. Но сильнее всего она тосковала по свободе.

— Ты как, в порядке? — спросила Блисс, слегка подтолкнув Шайлер локтем.

После возвращения из Венеции Шайлер обзавелась новым адресом — и неожиданным союзником. Они с Блисс всегда хорошо относились друг к другу, но теперь сделались почти неразлучны.

— Да. Я уже привыкла. В боях без правил я ее уж как-нибудь сделаю.

Шайлер улыбнулась. Встречи с Блисс были одним из тех мгновений счастья, которые теперь дарила ей Дачезне.

Девушка поднялась по задней, винтовой лестнице вместе с потоком учащихся, движущихся в ту же сторону, и заметила краем глаза краткий промельк. Шайлер не нужно было присматриваться, она и так знала, что он сейчас находится среди идущих навстречу. Она всегда ощущала его присутствие, как будто ее нервы были высокочувствительными антеннами, улавливающими его приближение.

Вероятно, это вампирская кровь давала ей возможность сказать, кто находится рядом, а может, это вообще не имело никакого отношения к ее сверхъестественным способностям. Джек.

Он смотрел строго вперед, как будто не видел ее. Его блестящие светлые волосы, того же оттенка, что и у сестры, были зачесаны назад, открывая горделивый лоб. В отличие от прочих парней вокруг, одетых с той или иной степенью небрежности, Джек выглядел царственно в блейзере и галстуке. Он был так красив, что у Шайлер перехватывало дух. Но Джек игнорировал ее в школе точно так же, как и в особняке — Шайлер отказывалась называть это домом.

Девушка украдкой бросила еще один взгляд в его сторону и заспешила вверх по лестнице. Когда она добралась до кабинета, урок уже начался. Шайлер попыталась как можно незаметнее прошмыгнуть по привычке на заднюю парту у окна. Там, склонившись над тетрадью, сидел Оливер Хазард-Перри.

Но она вовремя спохватилась и прошла через кабинет к батарее отопления, даже не поздоровавшись с лучшим другом.

Чарльз Форс ясно дал ей понять: теперь, когда живет под его крышей, она должна подчиняться установленным им правилам. И первым из них был запрет встречаться с дедушкой. Враждебность между Чарльзом и Лоуренсом усилилась, и не только потому, что Лоуренс сместил Чарльза с его места в Совете.

«Я не желаю, чтобы он забивал тебе голову ложью, — заявил Чарльз. — Может, он правит Комитетом, но на мой дом его власть не распространяется. Если ты меня слушаешься, то пожалеешь об этом, обещаю».

Вторым правилом стал запрет общаться с Оливером. Чарльза чуть удар не хватил, когда он выяснил, что Шайлер сделала Оливера, предназначенного ей проводника, своим фамильяром.

«Прежде всего, ты еще слишком молода. Во-вторых — это отвратительно! Проводники — это слуги. Они не... они не оказывают услуги фамильяров. Ты должна немедленно взять себе другого человека и прекратить всякие отношения с этим мальчишкой!»

Если бы Шайлер прижали как следует, она, хотя и с неохотой, согласилась бы, что в этом Чарльз, возможно, прав. Оливер был ее лучшим другом, и она вдобавок сделала его своим фамильяром, взяв его кровь, — а это повлекло за собой определенные последствия. Иногда Шайлер хотелось, чтобы они могли вернуться в прежние времена, до того, как все настолько усложнилось.

Шайлер понятия не имела, какая Чарльзу разница, кого она сделала своим фамильяром, — Форсы все равно отказались от старомодного обычая держать при себе проводников. Но она исполняла правила буквально. Насколько кто-либо мог видеть, она не поддерживала никаких контактов с Лоуренсом и воздерживалась от свершения священного целования над Оливером.

В ее новой жизни было теперь столько всего, что она могла и чего не могла делать!..

Но существовали места, где правила не действовали. Места, где Чарльз был бессилен. Места, где Шайлер могла быть свободна. Для этого существовали тайные убежища.

Глава 2

Мими Форс нравилось слушать стук каблуков-шпилек по мрамору. Ее лакированные туфли от Джимми Чу цокали по мраморному полу, и цоканье это разносилось по всему вестибюлю Башни Форсов. Сверкающая новая штаб-квартира империи ее отца включала в себя несколько зданий в районе, примыкающем к центру Манхэттена. Блестящие лифты то и дело изрыгали из своих недр компании «форси» красивых работников медиаимперии Форса: редакторов по дизайну, редакторов отделов моды, редакторов отделов образа жизни, направляющихся на ланч в «Майкле» либо усаживающихся в лимузины, чтобы разъехаться по всему городу на встречи. Они были хорошо одеты, но с одинаково измученными лицами, как будто плотно забитое рабочее расписание не оставляло им времени улыбаться. Мими влилась в этот поток.

Ей было всего шестнадцать, но, когда она прошла через толпу, миновала вестибюль и зашла в темный укромный уголок — там располагался лифт, попасть в который можно было лишь при помощи тайного ключа, не поддающегося никакой подделке, — она почувствовала себя невероятно старой. Она помнила, как Башню Форсов изначально нарекли особняком ван Аленов. Много лет он оставался трехэтажным, потому что запланированная башня так и не была построена из-за биржевого краха двадцать девятого года и Великой депрессии. Лишь год назад компания отца наконец-то перестроила здание в соответствии с изначальным планом и нарекла новым именем.

Мими огляделась по сторонам и предусмотрительно внушила желание не обращать на нее никакого внимания всем, кто мог ее заметить. Она взялась за дверную ручку и прижала палец к замку, уколов до крови. Анализатор крови, встроенный в замок, был не новинкой службы безопасности, а допотопной штуковиной. Результаты анализа сравнивались с данными, содержащимися в хранилище. Совпадение должно было подтвердить, что у входа стоит истинный представитель Голубой крови. Эту кровь нельзя было ни сдублировать, ни извлечь. Вампирская кровь, выпущенная из жил, исчезала в считанные минуты.

Дверь отворилась с тихим шипением, и Мими отправила лифт

вниз. Чего не знал никто из краснокровных, так это того, что в тысяча девятьсот двадцать девятом году здание таки было завершено — только вниз, а не вверх.

Башня на самом деле была «землескребом» — зданием, устремленным в глубины земли, а не к небу. Мими следила за мельканием цифр, обозначающих этажи. Пятьдесят, сто, двести, тысяча футов под поверхностью земли. В прошлом Голубая кровь жила под землей, скрываясь от нападений Серебряной крови. Теперь Мими поняла, что имел в виду Чарльз Форс, когда, насмехаясь, сказал, что Лоуренс и Корделия, будь их воля, заставили бы вампиров снова забиться в пещеры.

В конце концов, лифт остановился и дверь отворилась. Мими кивнула проводнику, сидящему за столом. Краснокровный напоминал слепого крота — вид у него был такой, словно он давно уже не видел солнца.

«Ну прямо как в этих лживых легендах насчет вампиров!» — развеселившись, подумала Мими.

Она чувствовала охранные заклинания, мощную защиту, установленную вокруг этого места. Считалось, что здесь находится самое тайное и защищенное убежище Голубой крови. Лоуренс с нескрываемым удовольствием любовался сверкающим, бросающимся в глаза зданием, построенным поверх подземелья. «Мы прячемся прямо на виду!» — как-то высказался он с усмешкой. Хранилище истории недавно перенесли сюда, на несколько нижних этажей. После нападения логово под клубом было покинуто. Мими до сих пор чувствовала себя виноватой из-за того, что произошло там. Но она же не собиралась причинять никакого настоящего вреда! Просто хотела убрать Шайлер ван Ален со своего пути. Возможно, она была наивна. Ну ладно, хватит об этом думать.

— Добрый вечер, Маделайн, — вежливо поздоровалась с Мими элегантная женщина в изысканном костюме от Шанель.

— Добрый вечер, Доротея, — кивнула Мими и зашагала следом за старой каргой в зал совещаний.

Она знала, что некоторые члены Совета были не в восторге оттого, что ее допустили во внутренний круг. Им не нравилось, что Мими еще слишком молода и не полностью овладела своими воспоминаниями, всей полнотой мудрости прошлых жизней. Процесс

полного раскрытия способностей и возможностей Голубой крови начинался с трансформации в пятнадцать лет и продолжался до конца Закатных лет (примерно до двадцати одного года); к этому времени человеческая оболочка полностью развеивалась и из-под нее проступала вампирская сущность. Но Мими было наплевать на их мнение. Она здесь, чтобы исполнить свой долг, и помнила если и не все, то достаточно.

Мими очутилась здесь потому, что как-то поздним вечером, вскоре после их возвращения из Венеции, Лоуренс заявился в особняк Форсов, чтобы поговорить с Чарльзом. Мими подслушала их разговор.

Когда Лоуренса избрали регисом, Чарльз добровольно отказался от места в Совете, и вот теперь Лоуренс настойчиво просил его изменить мнение.

— Нам требуются сейчас все наши силы. Ты нужен нам, Чарльз. Не отворачивайся от нас.

Голос Лоуренса был низким и сиплым. Он несколько раз кашлянул, и сладковатый запах его табака заполонил весь коридор у отцовского кабинета.

Чарльз был непоколебим. Его унизили и отвергли. Если Совет не желает его видеть, значит, он не желает видеть Совет.

— Зачем им я, когда у них есть вы, регис! — огрызнулся Чарльз таким тоном, словно даже сами эти слова внушали ему отвращение.

— Я пойду.

Лоуренс при виде возникшей перед ними Мими лишь приподнял бровь. Впрочем, Чарльз тоже не был особо удивлен. Умение проходить через закрытые двери с самого детства входило в число талантов Мими.

— Азраил, — пробормотал Лоуренс. — Ты помнишь?

— Не все. Пока что не все. Но я помню тебя... дедушка, — ухмыльнулась Мими.

— Для меня этого достаточно, — улыбнулся в ответ Лоуренс. Манерой улыбаться он очень походил на Чарльза. — Решено! Чарльз, она займет твое место в Совете, в качестве твоего представителя, и будет отчитываться перед тобой. Можешь быть свободна, Азраил.

Мими чуть было не начала возражать, но вовремя сообразила, что к ней только что применили Контроль, да так, что она и не заметила. Старый дурень оказался умен. Но ничто не могло помешать ей подслушивать под дверью.

— Она опасна, — негромко произнес Лоуренс. — Я удивился, узнав, что ты призвал двойняшек в этом цикле. Это действительно было настолько необходимо?

— Как ты уже сказал, она сильна, — Чарльз вздохнул. — Если впереди нас ждет битва — как ты всех нас убеждаешь, Лоуренс, — она потребует тебя, на твоей стороне.

Лоуренс фыркнул.

— Если она останется верна.

— Она всегда была верна! — отрезал Чарльз. — И она не единственная из нас, кто некогда любил Утреннюю звезду.

Лоуренс кивнул.

— Все мы совершили эту печальную ошибку.

— Нет, не все, — негромко возразил Чарльз.

Мими отплыла от двери. Она услышала все, что ей было нужно.

Азраил. Он назвал ее подлинным именем. Именем, врезавшимся в ее сознание и в саму ее кровь. Кто она, как не имя? Если живешь тысячи лет, принимая одну кличку за другой, имена становятся подобны обертке праздничного подарка. Декоративной оболочкой. Взять, например, имя ее нынешнего цикла — Мими. Это имя светской львицы, взбалмошной женщины, сорящей деньгами и интересующейся исключительно вечеринками и салонами красоты. Оно скрывало ее подлинную сущность.

Для себя она была Азраил. Ангел смерти. Она несла тьму в свет. Это был ее дар и ее проклятие.

Она была Голубой кровью. И, как сказал Чарльз, одной из сильнейших. Чарльз с Лоуренсом говорили о конце времен. О падении. Во время войны с Люцифером именно Азраил и ее брат, Аббадон, изменили ход событий, переломив течение последней битвы. Они отреклись от своего князя и примкнули к Михаилу, преклонив колени перед золотым мечом. Они остались верны свету, хоть и были сотворены из тьмы.

Это дезертирство стало решающим. Если бы не они с Джеком — таково было в этом цикле имя Аббадона, — как знать, кто тогда победил бы? Кто знает, если бы они не покинули Люцифера, может, он был бы сейчас царем царей и восседал на небесном престоле? И что они получили взамен, кроме бесконечной жизни на земле? Этот вечный круг исправления и отпущения грехов. Кого и чего ради они исправлялись? Может, Бог вообще больше не помнит об их существовании? Обретут ли они когда-нибудь вновь потерянный рай?

«Да и стоит ли он того?» — подумала Мими, занимая свое место, и лишь теперь заметила, что члены Совета чем-то взволнованы.

Девушка взглянула туда, куда смотрела Доротея Рокфеллер, и чуть не рухнула от потрясения. В самом защищенном, самом безопасном убежище Голубой крови, на почетном месте рядом с Лоуренсом восседал не кто иной, как разжалованный бывший венатор, предатель, переметнувшийся на сторону Серебряной крови, Кингсли Мартин.

Он поймал взгляд Мими и, сложив пальцы пистолетиком, изобразил, будто целится в нее. И — да, это точно был Кингсли! — улыбнулся, спуская курок.

Глава 3

В отличие от демонстрационных залов большинства модельеров, которые обставлялись очень сдержанно, почти по-больничному — ослепительную белизну в них разбавляли разве что цветочные композиции, — помещение, в котором расположилась коллекция Рольфа Моргана, напоминало уютный старомодный клуб для джентльменов: на полках выстроились книги в кожаных переплетах, а на мягких коврах, вокруг камина, в котором горел огонь, стояли кожаные кресла. Рольф Морган прославился, продавая широким массам одежду в стиле выпускников престижных школ; из всех его творений наибольшее распространение получила обычная рубашка с отложным воротничком и вышитой эмблемой модельера, двумя скрещенными воротцами для крикета.

Нервничающая Блисс сидела в одном из кожаных кресел, удерживая на коленях портфолио. Ей пришлось уйти из школы чуть раньше, чтобы успеть на назначенную встречу для кастинга, и однако же, добравшись до места, она обнаружила, что модельер опаздывает на полчаса. Как всегда!

Девушка взглянула на других моделей. Все они были миловидны по-американски, как девушки на рекламе «Крокета от Рольфа Моргана»: загорелые лица, золотистые волосы, вздернутые носики. Блисс понятия не имела, с чего вдруг модельер заинтересовался ею. Она с ее длинными, по пояс, рыжеватыми волосами, бледной кожей и большими зелеными глазами скорее походила на героиню картины прерафаэлитов, чем на девушку, которая только что вышла с корта после увлекательной партии в теннис. Но, опять же, Шайлер тоже пригласили на кастинг, только на другой день, так что, возможно, они сейчас ищут другие типы.

— Девочки, может, вам что-нибудь принести? Воды? Диетической колы? — с улыбкой спросила секретарша.

— Спасибо, мне ничего, — отклонила предложение Блисс.

Другие девушки тоже покачали головой. Но все равно приятно было, что им что-то предлагают. За свою карьеру модели Блисс успела привыкнуть к тому, что персонал их игнорирует или смотрит на них свысока. Никто и никогда не проявлял особого дружелюбия.

На кастингах Блисс всегда вспоминала, как ее дедушка осматривал коров на своем ранчо. Он проверял, в каком у них состоянии зубы, рога и бока. Вот и с моделями обращались как с коровами или как с кусками мяса: взвешивали их, измеряли и прикидывали достоинства.

Блисс хотелось, чтобы модельер поторопился. Ей не терпелось побыстрее покончить с этим. Она чуть было не ушла, и лишь чувство долга по отношению к своему агентству (ну и еще, честно признаться, некоторый страх перед букером — лысым надменным геем, помыкавшим ею, словно рабыней, и никак не наоборот) заставило Блисс остаться сидеть.

Она все еще нервничала из-за того, что произошло в школе перед этим, когда она попыталась поделиться секретом с Шайлер.

— Со мной что-то не в порядке, — сообщила подруге Блисс во время обеда в столовой.

— Это в каком смысле? Ты болеешь? — поинтересовалась Шайлер, разрывая пакетик с картофельными чипсами со вкусом халапеньо.

Блисс задумалась — а не больна ли она в самом деле? В последнее время она определенно чувствовала себя плохо. Но это было дурное самочувствие другого рода: у нее болела душа.

— Трудно объяснить, — отозвалась Блисс, но все-таки решила попытаться. — Мне вроде как мерещатся всякие вещи. Скверные.

А точнее сказать — ужасные. Блисс рассказала Шайлер о том, как это все началось.

Как-то раз она отправилась на пробежку по берегу Гудзона и в какой-то момент, когда моргнула, вместо спокойной коричневатой глади реки она увидела поток крови — красный, вязкий, идущий водоворотами.

Потом однажды ночью через ее спальню с грохотом пронеслись всадники: четверо, в масках, на рослых черных конях; выглядели они отвратительно, а воняли еще отвратительнее. Словно ходячие мертвецы. Но видение, посетившее ее в другую ночь, было еще хуже: младенцы, пронзенные штыками, выпотрошенные тела, монахини, развешанные на крестах, обезглавленные жертвы... Это продолжалось.

Что же страшнее всего на свете?

Прямо посреди видения появился какой-то мужчина. В белом костюме. Красивый мужчина в ореоле сияющих золотых волос и с прекрасной улыбкой, от которой Блисс пробрало холодом до костей. Мужчина пересек комнату и уселся рядом с ней на кровать.

— Блисс, — произнес этот мужчина, положив руку ей на голову, словно благословляя ее. — Дочь моя.

Шайлер оторвалась от бутерброда с тунцом и подняла голову. Блисс было любопытно, как это Шайлер до сих пор удается с аппетитом есть обычную пищу; самой Блисс она давно уже казалась безвкусной. Может, это потому, что Шайлер — наполовину человек. Блисс из чистого любопытства запустила руку в пакетик с чипсами и взяла кругляшок. Он был солоноватый и приправленный специями — довольно приятно на вкус. Блисс взяла еще.

Шайлер задумалась.

— Ну ладно, значит, какой-то жутковатый тип назвал тебя своей дочерью. Ну и что? Подумаешь! Это всего лишь сон. А насчет всего прочего — ты уверена, что не засиделась допоздна за фильмами Роба Зомби?

— Нет... просто...

Блисс покачала головой. Она никак не могла объяснить, до чего же жутким был тот мужчина, и это ее раздражало. И слова его звучали так, словно он говорит правду. Но как это могло быть правдой? Ее отец — Форсайт Ллевеллин, сенатор от штата Нью-Йорк. Девушка снова задумалась над тем, кем же на самом деле была ее мать. Отец никогда не говорил о своей первой жене, и всего несколько недель назад Блисс, к удивлению своему, обнаружила фото, на котором ее отец был запечатлен вместе с белокурой женщиной. Блисс всегда считала эту женщину своей матерью, но на обороте фотографии было написано: «Аллегра ван Ален».

Аллегра была матерью Шайлер и одновременно самой известной в Нью-Йорке больной, пребывающей в коме. Если Аллегра — ее мать, значит ли это, что Шайлер — ее сестра? Впрочем, вампиры не имели семей в том смысле, какой вкладывала в это слово Красная кровь. Они были бывшими детьми Бога, не имеющими отцов и матерей.

Форсайт всего лишь был ее «отцом» в этом цикле. Может, и Аллегра была ей родней лишь в том же смысле. Блисс предпочла не

говорить Шайлер о своем открытии. Шайлер очень трепетно относилась к матери, а Блисс как-то неловко было заявлять о родстве с женщиной, с которой она даже никогда не встречалась. Однако же с тех пор, как девушка нашла ту фотографию, она стала ощущать некое родство с Шайлер.

— А с тобой все еще случаются эти твои провалы в памяти? — спросила Шайлер.

Блисс покачала головой. Помрачения сознания, сопровождавшиеся провалами в памяти, прекратились одновременно с тем, как начались видения. Она даже не знала, что хуже.

— Скай, ты когда-нибудь вспоминаешь про Дилана? — нерешительно спросила она.

— Постоянно. Хотелось бы мне знать, что с ним случилось, — сказала Шайлер и снова взялась за бутерброд, поедая его по отдельности: откусить от хлеба, потом куснуть тунца, потом заесть салатом. — Мне его не хватает. Он был хорошим другом.

Блисс кивнула. Как бы теперь перейти к этой теме... Она слишком долго скрывала тайну. Дилан, которого все считали мертвым, которого забрала Серебряная кровь, который исчез бесследно, вернулся обратно, влетев в ее окно прямо через стекло, и теперь рассказывал ей невероятные истории. С той самой ночи, как он вернулся, Блисс уже не знала, чему и верить.

Дилан, наверное, совсем свихнулся. То, что он сказал той ночью, было полным безумием. Это не имело смысла, но Дилан уверял, что это чистая правда. Блисс никак не удавалось переубедить его, а в последнее время он принялся угрожать, что что-нибудь предпримет. Вот и сегодня утром он был совершенно не в себе — нес какой-то бред, кричал как ненормальный. Прямо смотреть трудно. Блисс пообещала ему, что она... она... а что она может сделать? У Блисс даже никаких идей на этот счет не было.

— Блисс Ллевеллин!

— Я здесь, — отозвалась Блисс, поднялась с кресла и сунула портфолио под мышку.

— Мы ждем вас. Извините за задержку.

— Ничего страшного, — отозвалась Блисс, сопроводив свои слова профессиональной улыбкой фотомодели.

Она зашагала следом за секретаршей в просторную комнату в глубине здания. Пока она дошла до небольшого стола, за которым восседал модельер, девушке уже казалось, что комната эта длиной с футбольное поле.

Вот всегда так. Им нравится смотреть, как ты идешь, и едва успеваешь поздороваться, как тебя просят развернуться и пройти еще. Рольф отбирал модели для своего шоу «Неделя моды». Рядом с ним сидели его помощники: загорелая белокурая женщина в темных очках, худощавый женоподобный мужчина и несколько ассистентов.

— Привет, Блисс, — произнес Рольф. — Это моя жена, Ранди, а это Сайрес, он занимается составлением шоу.

— Здравствуйте. — Блисс крепко пожала протянутую руку.

— Мы хорошо знакомы с вашими работами, — сказал Рольф, бегло проглядев портфолио.

У модельера было сильно загорелое лицо и темные волосы с проседью. Когда он скрестил руки на груди, под кожей отчетливо обрисовались выпуклые мускулы. Рольф выглядел настоящим ковбоем, он и обут был в сшитые на заказ сапоги из крокодильей кожи. Если, конечно, бывают ковбои, загорающие на Сент-Бартсе и покупающие рубашки в Гонконге.

— На самом деле мы совершенно уверены, что вы именно то, что нам нужно. Нам просто хотелось встретиться с вами лично.

Отчего-то дружелюбие модельера вместо того, чтобы успокоить Блисс, заставило ее занервничать еще сильнее. Она была уверена, что не получит эту работу.

— Э-э... очень хорошо.

Ранди Морган, жена модельера, была настоящим воплощением образа «моргановской девушки», вплоть до свободно распущенных волос. Блисс знала, что Ранди была первой моделью Моргана, еще в семидесятых, и что она до сих пор время от времени получала главную роль в какой-нибудь рекламной кампании. Ранди сдвинула солнцезащитные очки на макушку и одарила Блисс ослепительной улыбкой.

— Наш бренд собирается выбрать для показа новое направление. Мы хотим вновь представить эдвардианское настроение, эдакую старомодную романтику. В коллекции будет множество бархата и

кружев и, может, даже парочка корсетов. Нам нужна девушка, которая выглядит не чересчур современно.

Блисс кивнула, хотя не вполне поняла, что же именно им требуется, поскольку до сих пор все фирмы, бравшие ее для рекламы своих товаров, как раз полагали, что она выглядит вполне современно.

— Вы хотите, чтобы я прошла, или...

— Да, пожалуйста.

Блисс повернулась лицом к выходу, глубоко вздохнула и пошла. Она шла, словно бы по вересковым болотам в ночи, словно была одна в тумане. Как будто погрузилась в грезы и не вполне понимала, куда направляется. Когда она дошла до точки поворота, комната закружилась и на Блисс обрушилось очередное видение.

Как Блисс и говорила Шайлер, с ней больше не случались помрачения сознания. Она по-прежнему видела саму комнату, модельера и его помощников. Однако же между Рольфом и его женой теперь сидела тварь с темно-красными глазами и серебристым раздвоенным языком. Из глаз твари ползли червяки. Блисс захотелось закричать. Но вместо этого она закрыла глаза и продолжила идти.

Когда девушка открыла глаза, Рольф и его помощники заплодировали. Невзирая на апокалипсические видения, Блисс получила эту работу.

Глава 4

— Я скучал по тебе.

Губы Оливера у ее щеки были мягкими и теплыми, и от глубины его чувств у Шайлер мучительно заныло под ложечкой.

— Я тоже по тебе скучала, — шепнула она в ответ.

Это по-своему было правдой. Они не были вместе, как сейчас, уже две недели. И хотя Шайлер хотелось прижаться губами к его шее и последовать дальше, она сдержалась. Она не нуждалась в этом прямо сейчас и остерегалась это делать из-за того, какие ощущения это в ней вызывало. Церемония Оскулор была настоящим наркотиком, искушающим и непреодолимо манящим. Она давала Шайлер слишком много силы. Слишком много власти над Оливером.

Она не могла. Не здесь. Не сейчас. Позднее. Может быть. Кроме того, это было небезопасно. Они находились в чуланчике за комнатой, где стоял копировальный аппарат, — здесь хранились расходные материалы. Сюда в любой момент мог зайти кто угодно и застать их вместе. Они встретились, как обычно, между первым и вторым звонком после четвертого урока. У них было всего пять минут.

— Ты будешь там... сегодня вечером? — хрипло спросил Оливер.

Шайлер захотелось запустить пальцы в его густые волосы цвета жженого сахара, но она удержалась. Вместо этого она уткнулась в его волосы лицом. Запах, исходящий от Оливера, был таким чистым...

Как она могла столько лет дружить с ним и даже не знать, чем пахнут его волосы? Но теперь она знала — травой после дождя. Этот запах был настолько прекрасен, что Шайлер чуть не расплакалась.

— Не знаю, — заколебавшись, отозвалась Шайлер. — Я попытаюсь.

Ей хотелось поставить его на место как можно мягче. Девушка взглянула в доброе, красивое лицо друга, в его светло-карие глаза с коричневыми и золотистыми крапинками.

— Обещай. — Голос Оливера был холоден. — Обещай.

Он прижал девушку к себе, и Шайлер удивилась его силе. Она и не знала, что люди в каких-то случаях могут быть не менее сильными, чем вампиры.

Сердце ее разрывалось. Чарльз Форс был прав. Ей следовало держаться подальше от Оливера. Кто-то должен был пострадать, а ей нестерпима была мысль о том, что Оливер страдает из-за нее. Она того не стоила.

— Олли, ты же знаешь, что я...

— Не говори ничего. Просто будь там, — грубо оборвал ее Оливер и отпустил так быстро, что девушка чуть не потеряла равновесие.

А потом он ушел, так же стремительно, а Шайлер осталась одна в темной комнате, со странным ощущением, будто что-то утратила.

Вечером того же дня Шайлер пронеслась по темным дождливым улицам; в своем новом дождевике она была подобна размытому серебристому пятну. Можно было бы взять такси, но под дождем их было не видеть, и девушка предпочла пройтись — или, скорее, проскользнуть. Шайлер нравилось напрягать свои мускулы вампира, нравилось то, какой быстрой она может быть, если сосредоточится на этом. Она прошла всю дорогу до острова, словно кошка: она двигалась так стремительно, что оставалась сухой. На нее не упало ни капли.

Здание было одним из ослепительных стеклянных жилых домов, построенных по проекту Ричарда Мейера. Оно стояло на углу Перри-стрит и Вест-Сайдского шоссе. В туманных сумерках дома эти сверкали подобно хрусталу. Шайлер никогда не надоедало любоваться ими, настолько они были прекрасны.

Шайлер проскользнула в боковую дверь, наслаждаясь вампирской скоростью, благодаря которой была невидима для охраны и жителей дома. Девушка прошла мимо лифта; вместо него она предпочла воспользоваться своими сверхъестественными способностями и взбежать по черной лестнице, перескакивая за раз по четыре-пять, а то и по десять ступеней. В считанные секунды она добралась до пентхауса.

В квартире было тепло, и свет уличных фонарей, проникающий через стеклянные стены, заливал помещение. Девушка нажала на кнопку, и автоматика закрыла окна шторами. Они снова оставили

окна открытыми, выставленными напоказ — поразительно, но их тайное убежище располагалось в одном из самых заметных зданий Манхэттена.

Домработница заблаговременно уложила в камин наколотые поленья, так что Шайлер быстро развела огонь. Это было не труднее, чем нажать еще одну кнопку. Пламя взметнулось и принялось лизать дерево. Шайлер некоторое время наблюдала, как горят дрова, а потом, словно увидев в языках огня свое будущее, схватилась за голову.

Что она здесь делает? Зачем она сюда пришла?

Это неправильно. Они поступают неправильно. Он это знает. Она это знает. Они всякий раз говорили друг другу, что этот раз будет последним. Как будто они могли это вынести. Одна лишь мысль о грядущей встрече повергала Шайлер в экстаз и печаль.

Чтобы чем-то занять время, Шайлер достала посуду из посудомойки и накрыла на стол. Зажгла свечи. Подключила свой айпод к стереомагнитофону, и вскоре комнату заполнил голос Руфуса Вайнрайта. Это была песня страстного желания — их любимая.

Девушка подумала, не принять ли ванну; она знала, что ее халат висит на крючке в стенном шкафу. Здесь мало что свидетельствовало об их присутствии: несколько книг, немного одежды, две зубные щетки. Это был не дом, это было тайное убежище.

Шайлер взглянула на себя в зеркало. Волосы ее растрепались, а глаза ярко блестели. Он скоро придет. Конечно, придет. Ведь это он потребовал встречи.

Назначенный час миновал, но никто не появился. Шайлер уселась, подтянув коленки к груди и стараясь сдержать нарастающее разочарование. Она чуть было не уснула, когда на террасе возникла чья-то тень.

Шайлер выжидающе вскинула голову; ее затопила смесь предвкушения и глубокой, неизменной печали. Сердце ее лихорадочно забилось. Хотя она видела его ежедневно, для нее все равно каждый раз был словно бы первым.

— А, вот и ты, — произнес чей-то голос.

И из тени выступил юноша. Но не тот, кого она ждала.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Расшифровка доклада венатора, зарегистрировано 1 февраля

Шайлер ван Ален: с равными — заметная враждебность. Предпочитает общество своего проводника, человека Оливера Хазард-Перри. Пережила два нападения, предположительно со стороны Серебряной крови. Наблюдение будет продолжено, однако же я уверен, что вероятность того, что виновной окажется она, невелика.

Блисс Ллевеллин. Интересный случай. Жалобы на головную боль, головокружения, так называемые провалы в памяти. Возможно, побочный эффект преобразования? В ночь на двадцать восьмое ноября была обнаружена тонущей в озере в Центральном парке. Мне удалось спасти объект, не раскрыв маскировки.

Маделайн Форс. Обладает значительной темной силой и выказывает вопиющее неуважение к правилам, особенно в той их части, что касается людей-фамильяров.

Дополнение касательно Дилана Варда. Лонг-Айлендская команда доложила, что объект видели выбегающим из дома Бардов на Шелтер-Айленде. Требуется подкрепление, дабы арестовать его.

Глава 5

Совещание шло по накатанной колее. Секретарь вел протокол. Присутствовали представители всех старых семейств; к изначальной семерке — ван Аленам, Катлерам, Эрлихам, ван Хорнам, Шламбергерам, Стюартам и Рокфеллерам — добавились Ллевеллины, Дюпоны (от них была племянница покойной Присциллы, нервничающая Элиза), Уитни и Карондоле. Это был Совет старейшин, собрание элиты Голубой крови. Именно здесь принимались решения, определяющие будущее народа.

Лоуренс сердечно приветствовал всех пришедших на первое весеннее заседание и принялся прокручивать пункты повестки дня: о приближающемся сборе средств для Нью-Йоркского банка крови, о последних новостях, касающихся врожденных заболеваний крови и того, как они влияют на Голубую кровь, о состоянии их трастовых счетов — деньги Голубой крови интенсивно вкладывались в ценные бумаги, и последний экономический спад привел к потере нескольких миллионов долларов.

Мими была вне себя. Лоуренс вел заседание так, словно ничего особенного не происходило, словно рядом с ним не сидел предатель. Это бесило просто несказанно! Ведь это же был тот самый Кингсли, который призвал Серебряную кровь, устроил нападение на Хранилище, который исподтишка руководил всем — и вот теперь этот самый Кингсли восседал за столом, как будто так и надо!

Внешне члены Совета выглядели спокойными, невозмутимыми и безмятежными, как всегда, хотя Мими ощущала легкое беспокойство, едва уловимый отзвук несогласия в рядах присутствующих. Почему Лоуренс ничего не говорит? Старый дурень нес что-то про субстандартный рынок и недавние бедственные события на Уолл-стрит. А, ну наконец-то!.. Лоуренс повернулся к Кингсли. Надо думать, сейчас последует объяснение.

Но нет. Лоуренс самым будничным тоном объявил, что у Кингсли имеется доклад, и передал слово этому так называемому венатору, говорящему истину, представителю тайной полиции вампиров. Кингсли кивнул присутствующим и мрачно улыбнулся.

— Старейшины... и э-э... Мими, — начал он.

Кингсли был все так же порочно красив, как и всегда, но теперь, когда стало известно, что он — венатор, он выглядел старше. Не юнец, с которым сладу нет, — взрослый, серьезный, хмурый, в темном пиджаке, при галстукe.

Несколько членов Совета переглянулись, приподняв брови, а седовласый Брукс Стюарт закашлялся, да так сильно, что Кашинг Карондоле постучал ему по спине. Когда шум улегся, Кингсли, никак не откомментировав заминку, продолжил:

— Я принес грозные вести. Равновесие в Южной Америке нарушено. Моя команда засекла зловещие признаки, указывающие, что, возможно, имело место инфрактио.

Мими поняла это слово из священного языка: Кингсли говорил о какой-то ломке или разрушении. Но что это за ломка? Что разрушено?

— Что произошло? — пожелал узнать подробности Дэшиел ван Хорн.

Мими узнала его: во время суда над ней он исполнял обязанности инквизитора.

— Трещины в основании Корковадо. Сообщения об исчезновении старейшин местного Совета. Альфонсо Альмейда не вернулся из своей обычной поездки в Анды. Его семейство обеспокоено.

Эсме Шламбергер фыркнула.

— Альфи просто любит раз в год забиться в глушь. Он утверждает, что это помогает ему сохранять близость к природе. Это еще ничего не значит.

— Но Корковадо — это действительно повод обеспокоиться, — произнес Эдмунд Эрлих, ставший после смерти Присциллы главой стражей.

— При том, что нам известно о Серебряной крови — что один из них смог проникнуть даже в Хранилище, — возможно все, — сказал Кингсли.

— Да, верно, — согласился Дэшиел ван Хорн, сдвинув очки с переносицы.

Лоуренс кивнул.

— До всех вас, без сомнения, дошли слухи о том, что Серебряная кровь перед своим исчезновением бежала в Южную Америку. Голубая кровь удержала за собой север, и некоторые полагали, что Серебряная кровь направилась на юг перегруппировать силы. Конечно, у нас никогда не было доказательств, подтверждающих эти слухи...

Несколько членов Совета поежились. После нападения на Хранилище им пришлось признать, что Лоуренс, бывший изгой, все это время был прав. Что стражи упрямо игнорировали все знаки, прятали головы в песок, словно стадо страусов, и все потому, что боялись признать правду: Серебряная кровь, демоны из мифов, их древние враги, — вернулась.

— У нас и поныне нет доказательств. — Кингсли кивнул. — Но похоже, что подозрения Лоуренса оказались правильными.

— Если Корковадо оказалась под угрозой, я даже передать вам не могу, насколько серьезная опасность нам грозит, — подхватил Лоуренс.

— Но новых... смертей не было? — неуверенно поинтересовалась Элиза Дюпон.

— Насколько нам известно, нет, — сообщил Кингсли. — Пропала также одна девушка, Яна Рибейро, но ее мать считает, что та удрала со своим парнем на импровизированный уик-энд в Пунтадель-Эсте, — ухмыльнувшись, сказал он.

Мими хранила молчание; она единственная из всех членов Совета пока что никак не поучаствовала в беседе. В Нью-Йорке после того вечера в Хранилище не случилось ни одного нападения и ни одной смерти. Мими злилась, потому что не могла вспомнить, чем же настолько важно Корковадо, — судя по всему, все остальные члены Совета знали, в чем дело, а она — нет. И то, что память еще не полностью вернулась к ней, раздражало девушку.

Это слово, «Корковадо», абсолютно ничего ей не говорило. А спрашивать у кого-то Мими не собиралась, для этого она была слишком горда. Может, попозже Чарльз просветит ее — хотя, похоже, после ухода из Совета он потерял интерес к чему бы то ни было; он лишь копался в старых книгах и фотографиях и слушал глухие, скрипучие записи на бобинном магнитофоне.

— Как показало нападение на Хранилище, Серебряная кровь

перестала быть мифом, который можно игнорировать. Нужно действовать, и действовать быстро. Корковадо необходимо удержать! — заявил Лоуренс.

Мими снова отчаянно пожалела, что не понимает, о чем речь.

— Ну и каков план? — спросил Эдмунд.

Атмосфера в зале изменилась. Стресс, вызванный присутствием Кингсли, преобразовался в стресс от принесенных им известий. Кингсли перелистал лежащие перед ним бумаги.

— Я присоединюсь к своей команде в столице. Сан-Паулу — это крысиное гнездо. Там нетрудно спрятаться. Потом мы отправимся в Рио пешком, проверим, как обстоят дела с Корковадо, и поговорим с некоторыми тамошними семьями.

Лоуренс кивнул. Мими подумала было, что сейчас он объявит заседание оконченным, но нет. Вместо этого Лоуренс достал из кармана рубашки сигару. Кингсли протянул ему горящую зажигалку, и Лоуренс с силой затянулся. Воздух наполнился дымом. Мими захотелось помахать рукой и напомнить Лоуренсу, что в Комитете курить не принято, но она не осмелилась.

Регис сурово оглядел присутствующих.

— Я осознаю, что некоторые из вас недоумевают, чем вызвано нынешнее присутствие Кингсли, — произнес Лоуренс, озвучив наконец вопрос, не дающий всем покоя.

Он снова затянулся.

— Особенно в свете свидетельства, прозвучавшего на суде крови. Однако же с тех пор мне стало известно, что Мартины, и Кингсли в частности, невиновны. Их действия обоснованы заданием, полученным от предыдущего региса. Исходя из интересов защиты Комитета, я не могу открыть ничего сверх этой информации.

Ее отец! Чарльз был как-то связан с этим! Но почему Лоуренс не желает говорить, в чем там дело?

— Каким заданием? — решительным тоном поинтересовался Эдмунд. — Почему Совет должен оставаться в неведении?

— Задавать вопросы регису — не наше дело, — оборвал его Форсайт Ллевеллин.

Нэн Катлер кивнула.

— У нас это не принято.

Мими видела, что присутствующие поделились почти строго надвое. Половину членов переполняло возмущение и беспокойство, а вторая половина готова была принять заявление Лоуренса без вопросов. Правда, особого значения это не имело. Совет не был демократическим учреждением. Регис являлся неоспоримым главой, а его слово приравнивалось к закону. Мими трясло от едва сдерживаемого гнева. Что произошло с тем Советом, который обрек ее на сожжение всего несколько месяцев назад? Это нечестно! Как они могут доверять этому «исправившемуся» типу из Серебряной крови?!

— Желает ли кто-то официально выразить несогласие? — поинтересовался Лоуренс небрежно. — Эдмунд? Дэшиел?

Дэшиел склонил голову.

— Нет. Мы верим тебе, Лоуренс.

Эдмунд заворчал, но кивнул.

— Спасибо. Кингсли снова является членом Совета, в статусе венатора, и имеет право голоса. Давайте вместе поздравим его с возвращением в наши ряды. Без Кингсли мы не узнали бы о Корковадо так быстро.

Раздались редкие аплодисменты. В заседании наступил перерыв, и старейшины, разделившись на группы, принялись перешептываться. Мими заметила, что Лоуренс успокаивающе говорит что-то Нэн Катлер.

Кингсли подошел к Мими и тронул ее за локоть.

— Я хотел тебе сказать, что сожалею о произошедшем. О суде и всем прочем.

— Ты подставил меня! — прошипела девушка, стряхнув его руку.

— Это было неизбежно. Однако же я рад, что ты в порядке, — сказал Кингсли.

Но голос его безошибочно свидетельствовал, что Кингсли глубоко безразлично, в порядке ли Мими.

Глава 6

Юноша выступил на освещенное место; на лицо его легли отблески пламени. Он выглядел прежним — все те же печальные глаза и растрепанные черные волосы. И одежда на нем была та же самая, что при их последней встрече, — грязная футболка и джинсы.

— Дилан! Откуда ты взялся?! Что случилось? Где ты был?

Шайлер с восторгом кинулась к юноше, желая обнять его. Дилан! Живой! Она не ждала его, но очень обрадовалась его приходу. Ей о стольком хотелось его расспросить! Что случилось в ту ночь, когда он исчез? Как он бежал от Серебряной крови? Как ему удалось выжить?

Но стоило ей приблизиться к Дилану, как она поняла: что-то тут не так. На лице Дилана застыло мрачное, гневное выражение. Взгляд его был расфокусирован, и похоже было, что юноша находится на грани истерики.

— Что происходит?

Дилан молниеносно нанес Шайлер ментальный удар, но девушка оказалась проворнее и увернулась.

— Дилан! Что ты делаешь?!

Она вскинула руки, словно пытаясь защититься, как будто физическая преграда могла ей чем-то помочь.

Удар! Еще удар! На этот раз внушение принуждало ее спрыгнуть с балкона.

Шайлер задохнулась; ей казалось, будто мозг ее сейчас взорвется от давления. Она бросилась на террасу, не в силах воспрепятствовать внушению, овладевшему ее чувствами. На бегу она оглянулась. Дилан следовал за ней по пятам. Он выглядел безумным и жестоким, словно был одержим какой-то злобной силой.

— Зачем ты это делаешь?! — выкрикнула девушка, но Дилан лишь послал ей новый мучительный, терзающий приказ: «Прыгай!»

«Да. Я должна выполнить приказ, я должна повиноваться». — «Прыгай!» — «Да, я все сделаю, но если я не буду осторожна и у

меня не будет времени, чтобы... я могу оступиться... я могу... О господи, а вдруг Лоуренс ошибается? Вдруг я не бессмертна? В конце концов, я ведь наполовину человек!.. Вдруг я не выживу? Вдруг эта жизнь — все, что у меня есть? Но теперь уже поздно об этом беспокоиться — у меня нет выбора». — «Прыгай!».

Она не видела, куда идет, она лихорадочно цеплялась, за что могла, в поисках опоры... Он у нее за спиной, и потому ей придется...

Шайлер спрыгнула с террасы и полетела...

Некогда, некогда вскарабкаться на другой ярус, некогда уцепиться за ограду... Тротуар угрожающе приближался...

Шайлер собралась в комок и с глухим ударом приземлилась на ноги. Хорошо, что на ней ботинки. Она упала прямо посреди стильно разодетой толпы, сгрудившейся перед входом в ресторан «Сент-Перри». Это были ньюйоркцы, отданные на волю стихий за привычку курить.

В мгновение ока Дилан очутился рядом. Как быстро, до чего же он стремителен... На девушку обрушилось мощнейшее давление; это уже не было простое внушение — это была мертвая, сокрушающая хватка тисков. Тот самый малоизвестный пятый фактор Контроля, о котором ей говорил Лоуренс. «Консуммо алиенари». Полное растворение одного разума в другом.

Для Красной крови алиенари означало мгновенную смерть. Вампиров же безвозвратно разбивал паралич: разум уходил и воля оказывалась полностью подчинена. Лоуренс рассказывал, что Серебряная кровь не только отнимала кровь и память у сородичей-вампиров, проводя над ними церемонию Оскулор, — водилось за ними и другое. У них имелось и много других пыток и приемов. Они выпивали досуха не все свои жертвы; некоторых оставляли в живых, потому что они были более полезны для Серебряной крови в качестве орудия.

По мере того как сила алиенари окутывала ее, Шайлер становилось все хуже. Она сейчас не выдержит... гораздо легче сдаться, чем сражаться... силы ее иссякали под этим давлением... Что останется от нее, если Дилан добьется своего? Шайлер подумала о матери, живой — и не живущей. Не станет ли это и ее собственной судьбой? Девушку мутило, она шаталась. Скоро все кончится... Но потом она сумела обнаружить среди темных эманации нечто

наподобие хвоста — хвоста Контроля, — и ей удалось изолировать сигнал и вычислить, которая часть пытается контролировать ее. Шайлер скрутила его, словно боролась с аллигатором, врезала ему по голове — и вскоре начала брать верх, и вот уже она навязывала ему свою волю, и...

«Дилан кричит. Ему больно. Он прижался к стене. Он не в силах шелохнуться — ее разум держит его в тисках. Она чувствует это, чувствует, как ее господство крепнет, она неистово ликует, наслаждаясь своим триумфом. Она стискивает его — все его существо — силою разума.

Она убивает его...

Скоро он перестанет быть собою... станет лишь продолжением ее воли... Если не...»

— Шайлер!!! Остановись!!! Не надо!!! Шайлер!!!

Рев.

Ее имя. Кто-то зовет ее по имени. Оливер. Говорит ей, чтобы она остановилась.

Шайлер ослабила хватку, но полностью ее не разжала. Рука ее была вытянута вперед, а Дилан — в двадцати футах от нее — прижат к стене. Его удерживала там сила ее разума. Он издавал странные булькающие звуки. Он задышался.

— Пожалуйста!!!

На этот раз голос принадлежал девушке. Блосс. Да. Надо его отпустить. Дилан осел наземь.

Глава 7

Блисс мчалась со всех ног. Она видела все. Она подъехала на такси и увидела все: прыжок Шайлер, Дилана, последовавшего за ней, смену ролей. Она видела мучения Дилана и мастерство Шайлер.

О господи, только бы она его не убила!

— Дилан!

Блисс упала на колени рядом с юношей.

Он лежал ничком на тротуаре; Блисс осторожно перевернула его и прижала к себе. Он был таким худым... одна кожа да кости под футболкой. Девушка держала его осторожно, словно птенца. Он пострадал, он был жалок — но он был с ней. По лицу Блисс текли слезы.

— Дилан!

Когда она вернулась домой после поездки на кастинг, а Дилана там не оказалось — хотя они договаривались, что он ее встретит, — Блисс тут же поняла: стряслось что-то неладное. Она позвонила Оливеру и попросила прийти к дому на Перри-стрит как можно скорее. Дилан постоянно твердил, что он собирается что-то предпринять — и вот предпринял-таки. К счастью, Блисс знала, где его искать, потому что была посвящена в тайну Шайлер и была в курсе, куда та собирается сегодняшним вечером.

Дилан открыл глаза. Увидев Блисс, он отшатнулся, а потом повернулся к Шайлер и прорычал низким, рокочущим голосом:

— Аргенто Кроатус!

— Ты что, спятил? — поинтересовалась Шайлер.

Оливер стоял рядом, готовый в любой момент броситься на помощь. Шайлер ушам своим не верила. Дилан только что обозвал ее Серебряной кровью. Что происходит? Что с ним стряслось? Почему у него сделался такой голос?

— Дилан, прекрати. Скай, он сам не понимает, что говорит, — нервно произнесла Блисс. — Дилан, пожалуйста, хватит, ты несешь чушь.

Дилан, похоже, плохо осознавал окружающую реальность; зрачки юноши стремительно расширились, как будто в его глазах мигал маяк. Затем он расхохотался, пронзительно и визгливо.

— Ты знала, что он вернулся, и не сказала мне, — произнесла Шайлер.

Обвинение повисло между ними.

— Да. — Блисс резко вдохнула. — Я не хотела тебе говорить, потому что...

«Потому что ты рассказала бы Совету. Ты сделала бы так, что они забрали бы его. И да, он изменился. Он другой. Он уже не тот, что был. С ним произошло нечто ужасное, такое, что и словами не выразишь. Но я по-прежнему люблю его. Ведь ты же меня понимаешь? Ты, ждавшая здесь парня, который так и не пришел».

Шайлер кивнула. Они с Блисс поняли друг друга без слов. Как это принято у вампиров.

«Но его нельзя оставлять в таком состоянии. Он нуждается в помощи».

Шайлер придвинулась поближе к Блисс и Дилану.

— Не прикасайся ко мне! — прорычал Дилан.

Внезапно он вскочил и схватил Блисс за горло; его костлявые пальцы с силой вдавились в белую кожу шеи.

— Раз ты не помогаешь мне, значит, ты тоже из них! — с угрозой произнес он, усиливая хватку.

— Дилан! — взмолилась Блисс. — Не надо!..

Шайлер рванулась к Дилану, но Оливер удержал ее.

— Подожди, — произнес он. — Подожди. Я не могу допустить, чтобы ты снова пострадала.

Тем временем Дилан все усиливал давление на разум Блисс, яростно и неумолимо, и от такого безрассудства его сила пугала еще сильнее. Блисс рухнула на колени. Она не упражнялась в телепатии.

Теперь настал черед Шайлер кричать. Ее очередь умолять Дилана остановиться.

Не обращая на них внимания, Дилан ударил Блисс по щеке.

Потом подался вперед и приник губами к шее девушки. Шайлер видела, как выдвигаются его клыки. Еще чуть-чуть — и он начнет пить кровь.

— Нет... Дилан... пожалуйста, — прошептала Блисс. — Нет...

— Пусти! — Шайлер стряхнула державшего ее Оливера.

Блисс смотрела, как подруга лихорадочно готовит заклинание, способное разрушить хватку Дилана.

Но прежде чем Шайлер успела применить силу, плечи Дилана затряслись и он, внезапно выпустив свою жертву, осел наземь. Блисс скорчилась на тротуаре; на шее у нее проступали фиолетовые пятна — следы пальцев Дилана.

Дилан уткнулся лицом в колени и зарыдал.

— Да что за хрень тут творилась?! — воскликнул он, и наконец-то Блисс узнала его голос.

Впервые за весь вечер Дилан заговорил нормально, как всегда.

Глава 8

— Попробуй, — сказала Мими, держа ложку, на которой дрожал студенистый холмик. — Это восхитительно!

Ее брат с подозрением взглянул на предлагаемую закуску. Желе из морских ежей со взбитой спаржей — звучит как-то не очень аппетитно. Но он мужественно откусил кусочек.

Мими улыбнулась.

— Ну как?

— Недурно, — кивнул Джек.

Мими была права, как всегда.

Они сидели на их личной скамье у стены в ресторане, расположенном в сверкающем «Тайм уорнер центре». Ресторан этот на данный момент был самым дорогим и самым престижным во всем Манхэттене. Зарезервировать столик в «Пер Се» было все равно что попасть на аудиенцию к Папе Римскому. Деяние на грани невозможного. Но в конце концов, для этого и существуют отцовские секретари.

Мими нравился новый торговый центр: он был такой роскошный, весь блестящий и сверкающий, совсем как Башня Форс. И пахло в нем захватывающей дороговизной, как от нового «мерседеса». Само здание и все, что в нем располагалось, было хвалебной песнью капитализму и деньгам. В любом из его четырехзвездочных ресторанов было просто невозможно заплатить меньше пяти сотен долларов за трапезу для двоих. Это был Нью-Йорк времен пост-бума, Нью-Йорк семизначных премиальных, Нью-Йорк финансистов и шаблонных миллиардеров, Нью-Йорк работников зарвавшихся хеджевых фондов и их шеллаковых выставочных жен, похваляющихся своими фигурами, шедеврами пластической хирургии и размерами модных причесок.

Джек, конечно же, все это ненавидел. Он предпочитал тот город, которого, в сущности, не знал. Он тосковал по легендарным временам Виллиджа, когда на мощеных мостовых можно было встретить кого угодно, от Джексона Поллока до Дилана Томаса. Ему нравились песок, грязь и Таймс-сквер, известная своими жуликами,

шулерами и нелегальными джус-барами (поскольку в стрип-клубах спиртное не подавали). Он терпеть не мог Нью-Йорк, наводненный подобиями «Джамба джюс», «Пинкберри» и «Колд стоун».

Джек приготовился было презирать этот манерно-изысканный ресторан на шестнадцать столиков, расположенный посреди центра, который по сути своей был скопищем магазинов. Но Мими видела, что по мере появления все новых и новых перемен блюд — икра и устрицы в подливке «сабайон», белые трюфели, щедро натертые поверх лапши «тальятелле», говядина из Кобе с выложенным поверх костным мозгом — мнение Джека начало меняться. Каждое блюдо подавалось крохотными порциями, буквально на несколько укусов — ровно столько, чтобы взволновать чувства и оставить их в ожидании новой дозы наркотика для гурманов.

Зайдя сюда этим вечером, они обнаружили, что ресторан набит представителями Голубой крови; это было несколько неожиданно, поскольку вампиры ели только развлечения ради — но, очевидно, даже те, кто не нуждался в пище как таковой, любили пощекотать свои вкусовые сосочки. Угловой столик заняла пара старейшин, заслуженных деятелей Совета, ныне находящихся на заслуженном отдыхе, Марджери и Амброуз Барлоу. Мими заметила, что Марджери заснула снова, — она засыпала между всеми переменами. Но официант — судя по его виду, он к этому привык — просто будил ее каждый раз, как доставлял к их столу что-то новое.

— Как прошло собрание? — небрежно поинтересовался Джек, положил ложку и кивнул помощнику официанта, давая понять, что с этим блюдом он покончил.

— Интересно, — отозвалась Мими, отпив глоток из бокала с вином. — Кингсли Мартин вернулся.

На лице Джека отразилось удивление.

— Но он же...

— Знаю. — Мими пожала плечами. — Лоуренс не стал ничего объяснять. Очевидно, какие-то причины на то есть, но они чересчур важны, чтобы делиться ими с Советом. Честное слово, он ими правит так, будто на дворе семнадцатый век. Все эти «члены с правом голоса» — просто фарс. Он не спрашивает нашего мнения ни по каким вопросам. Просто делает что хочет, да и все.

— Должно быть, у него есть на это веские причины, — сказал

Джек.

Тут он заметил официанта с новым блюдом, и глаза его вспыхнули. Но он тут же насупился, обнаружив, что это не какие-нибудь деликатесы, а всего лишь солидная порция картофельного салата.

Мими тоже нахмурилась. Она ожидала гастрономического фейерверка, а не еды для пикника. Но первый же положенный в рот кусочек полностью изменил ее мнение.

— Это... самый лучший... картофельный... салат... на свете!

Джек, жадно поглощавший салат, согласился с ней.

— Правда, здесь мило? — произнесла Мими, указывая на зал ресторана и на открывающийся вид на Центральный парк.

Она потянулась через столик и взяла Джека за руку.

В Венеции ее чуть было не убили — но это, возможно, было лучшим, что только могло произойти с их взаимоотношениями. После того как он чуть не потерял свою близняшку навсегда, Джек сделался просто-таки воплощением заботы и любви.

Мими до сих пор помнила, как он прижимал ее к себе в ночь после суда крови. За предыдущий день лицо его словно постарело от беспокойства.

— Я так боялся! Так боялся потерять тебя!

Мими была тронута достаточно, чтобы простить Джеку его проступок.

— Никогда, любовь моя. Мы будем вместе всегда.

После этого о Шайлер даже не упоминалось. И когда эта крыса переехала в их дом, Джек оставался холоден и безразличен. Он никогда не разговаривал с ней и едва достаивал ее взгляда. Насколько могла судить Мими — она тайком исследовала сознание Джека, когда тот был открыт, — он вообще не думал о Шайлер. Она была просто вызывающим раздражением гостем дома. Чем-то вроде пятна, которое не получается стереть.

Возможно, она все-таки достигла цели, к которой стремилась. Она не сумела избавиться от Шайлер, но нападение помогло ей сохранить любовь ее близнеца-вампира.

— Лобстер, сваренный в кипящем сливочном масле, — негромко произнес официант и бесшумно поставил на стол два новых блюда.

— Я думаю, мы уже можем приглашать всех на заключение уз, — произнесла Мими в перерыве между двумя кусочками лобстера.

Джек буркнул нечто неразборчивое.

— О, я знаю. Ты предпочел бы что-нибудь старомодное: типа лишь мы двое, лунный свет и все такое. Но помнишь Ньюпорт? Ну а теперь это будет прием. Чтоб ты знал, сейчас принято, чтобы на заключении уз присутствовали Четыре сотни. Я слыхала, Дэйзи ван Хорн и Тоби Абевиль только что заключили узы на Бали. Это было «судьбоносное заключение уз», — хихикнув, поведала Мими.

Джек жестом велел официанту принести еще бутылку вина.

— Знаешь, большинство краснокровок в нынешнее время вступают в брак лишь ближе к тридцати годам. К чему спешить? — произнес он, с глубочайшим удовлетворением разглядывая седьмое — или уже восьмое? — блюдо, глубокую тарелку с охлажденным гороховым супом.

Мими скривилась.

— Ну моя-то кровь голубая, друг мой.

Да, верно, те представители Красной крови, которых они знали, по-нелепому долго ждали заключения уз, хотя у них это было всего лишь бракосочетание. Люди нарушали свои обеты ежедневно без всяких последствий. Это была небесная ситуация. Хотя традиция требовала, чтобы вампиры-близнецы заключали узы в свой двадцать первый день рождения, Мими не видела никаких причин ждать так долго, да и в кодексе не содержалось ничего, что запрещало бы делать это раньше. Чем скорее они произнесут свои обеты, тем лучше.

Когда они обменяются клятвами, их души сплавятся воедино. Ничто не сможет встать между ними. Они станут едины в этой жизни, как были во всех прочих. Если узы скреплены, разрушить их на протяжении этого цикла уже невозможно. Шайлер превратится в смутное воспоминание. Джек позабудет о чувствах, что она ему внушала. Узы действовали таинственным и неотменяемым образом. Мими уже видела это в предшествующей жизни — как ее близнец в юности чах по Габриэлле (носящей в этом цикле имя Аллегры ван

Ален), но стоило ему произнести обет, как он и думать о ней перестал. Азраил была единственной темной звездой его вселенной.

— Может, нам все-таки следует сперва окончить школу? — произнес Джек.

Мими не слушала. Она уже обдумывала, что ей надеть для такого случая.

— Даже не знаю... Или, может, нам тайно сбежать в Мексику — как ты думаешь?

Джек улыбнулся и продолжил есть суп.

Глава 9

Шайлер вдруг подумалось, что в последний раз она была в «Одеоне» с Оливером и Диланом. Это случилось как раз год назад: Дилан тогда недавно перешел в Дачезне. Шофер Оливера отвез их на окраину. Они бродили по улицам, заходили в магазины и книжные лавки, совали нос в аптекарские склянки и протягивали ладони цыганке на тротуаре. Потом, ближе к вечеру, они двинулись в ресторан, устроились в одной из удобных кабинок, отделанных красной колеей с напылением, и поужинали картофелем фри и вареными на пару мидиями, а Дилан заказал себе пива по своему поддельному удостоверению личности и рассказывал истории о том, как его выгоняли из всех частных средних школ от Вашингтона до Бостона.

Теперь Дилан рассказывал им новую историю, а рядом с ним тихо сидела Блисс. Он объяснял, что с ним произошло.

Теперь, когда он не пытался ее убить, Дилан не казался таким... жутким, таким безумным и отрешенным. Сейчас он просто выглядел ужасно худым, как кот, которого хозяева, уезжая в отпуск, оставили под дождем. Глаза его были прикрыты, а на скулах виднелись черные синяки. Кожа юноши выглядела желтоватой, и у него были порезы — множество небольших порезов на предплечьях, как будто он полз по битому стеклу. Возможно, так оно и было.

Оливер обнял Шайлер за плечи. После того, что произошло, ему было не до мыслей о том, не увидит ли их кто вместе. И на этот раз Шайлер не спорила. Ей нравилось, что он ее обнимает. Нравилось чувствовать себя защищенной. Мысли ее вернулись к пустой квартире на Перри-стрит. Но девушка заставила себя сосредоточиться на Дилане:

— На самом деле я мало что помню. Я убежал — это вы знаете. Я отправился в старый дом Бардов на Шелтер-Айленде... Там я спрятался. Но в конце концов тварь схватила меня. Я плохо помню, что происходило, но мне снова удалось сбежать, и на этот раз мне помогли. Помогли венаторы, — с благоговейным трепетом произнес он. — Вы про них знаете?

Слушатели кивнули. Они также знали, что один из венаторов

был направлен в Дачезне. Блисс рассказала им, что Кингсли Мартин вернулся обратно. Ее отец был на том собрании Совета. Но Шайлер не обратила внимания на эти новости. Она хотела знать, что произошло с Диланом.

— Как бы то ни было, мне позволили остаться с ними и заботились обо мне, пока я восстанавливал силы. Один из Серебряной крови здорово попортил мне шею. Но венаторы сказали, что все в порядке, я не извращен... ну, в смысле, меня не превратили в такую же тварь. Во всяком случае, — юноша осторожно взглянул на Шайлер, — я подслушал их разговор... насчет того, что Совет в конце концов выяснил, кто же эта Серебряная кровь, что скрывается среди нас, и они сказали...

— Они сказали, что это я. Верно? — спросила Шайлер, забирая с тарелки Оливера картофель фри.

Дилан не стал это отрицать.

— Они сказали, что это была ты — ну, той ночью в «Банке». Последнее, что я помню, — это как мы с тобой были рядом, Шайлер, и они сказали, что именно ты на меня напала.

— Ты в это веришь? — поинтересовалась Шайлер.

— Я не знаю, чему верить.

— Да ты вообще знаешь, кто она такая? — возмутился Оливер. — В смысле, я рад, что ты вернулся, приятель, и все такое, но ты несешь чушь. Шайлер — она... ее мать...

Оливер был настолько рассержен, что никак не мог закончить фразу.

— Ты знаешь историю Габриэллы? — спросила Шайлер.

— Немного, — признался Дилан. — Габриэлла, Добродетельная, связанная узами с Михаилом, Чистым Сердцем. Они — единственные два вампира, не согрешившие против Всемогущего. В этом цикле Михаил носит имя Чарльза Форса. Ну и что?

— Габриэлла — моя мать, — сообщила Шайлер.

— Покажи ему! — воскликнула Блисс.

Шайлер сдвинула с запястья большие мужские часы, которые носила на правой руке. Сдвинула точно тем же жестом, что и Чарльз

в ту ночь, когда она обвинила его в принадлежности к Серебряной крови. Забавно: теперь ей приходится очищать свое имя тем же способом.

На коже виднелся знак, как и у Чарльза. Он был выпуклым, словно след от ожога, словно печать. Меч, пронзающий тучи.

— Что это? — спросил Дилан.

— Знак архангела, — объяснил Оливер. — Она — дочь света. Она никак не может быть Серебряной кровью. Она — их противоположность. Она то, чего они боятся.

Шайлер коснулась знака. Он всегда был там, с самого ее рождения. Пока Лоуренс ей все не объяснил, она думала, что это просто такая необычная родинка.

Дилан в изумлении рассматривал сияющий знак. Потом юноша перекрестился. Он уставился на свою тарелку, на стейк с картошкой.

— Тогда кто они — те венаторы, которые помогли мне? — хриплым голосом спросил он.

Оливер криво улыбнулся. Он постучал по столу перед другом.

— А что, разве не ясно?

— Нет.

— Я точно знаю, кто они. Они — Серебряная кровь.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Расшифровка доклада венатора, зарегистрировано 15 февраля.

Дополнение касательно Дилана Барда. Объект был допрошен и отпущен.

Запись допроса уничтожена согласно распоряжению региса.

Глава 10

— Ты уверен, что все будет в порядке?

Блисс оглядела грязный гостиничный номер. Она никогда не бывала здесь, внутри. Дилан всегда настаивал, чтобы они встречались в вестибюле гостиницы «Челси». Гостиница знавала лучшие времена. Она пришла в упадок и обветшала — один из памятников старого Нью-Йорка, с литературным и скандальным прошлым. Именно в «Челси» свихнувшийся от героина Сид Вишес якобы заколол Нэнси Спанджен, а Дилан Томас умер от алкоголизма. Именно «Челси» вдохновила Сиду Вишеса на написание «Сары» («Сидя дни напролет в гостинице "Челси"»...), и здесь же Аллен Гинсберг создал некоторые свои поэмы.

Блисс обошла комнату и взглянула сквозь щели в жалюзи на дождливую улицу. В первую ночь, когда Дилан вернулся к ней, она была потрясена и счастлива видеть его. Она так и не поверила до конца, что он действительно умер, но то, что Дилан жив, до сих пор ее потрясало.

В ту ночь Блисс умоляла юношу остаться с ней, но он настоял на этой гостинице. Он заявил, что на окраине чувствует себя в большей безопасности, и его бросало в дрожь от одной лишь мысли о том, чтобы провести ночь в каком-нибудь из тех роскошных пятизвездочных гостиничных номеров, в которых его держал взаперти Совет, пока шло расследование по делу о смерти Эгги Карондоле.

В ту ночь, когда он вернулся, Блисс хотела быть рядом с ним, ощущать прикосновение его тела. Теперь, зная, что Дилан вампир, как и она сама, а не простой парень из Красной крови, которого она может выпить досуха, Блисс ощущала куда большее родство с ним. До исчезновения Дилана у них был... не то чтобы настоящий роман — скорее флирт. Вот-вот должно было что-то начаться... Блисс до сих пор помнила вкус кожи Дилана и ощущение от прикосновения его рук.

Но Дилан не выказывал никакого желания вернуться к тому, на чем они остановились. Хотя он никогда не отвергал ее напрямую, у девушки было ощущение, что от нее романтически отказались. В ту

первую ночь она попыталась обнять Дилана, а он нетерпеливо сжал ее в объятиях и тут же отпустил, как будто прикосновение к ней вызывало у него отвержение. Он требовал, чтобы они сейчас же разыскали Шайлер и схватились с ней, и Блисс не один час отговаривала Дилана от его плана. Они поспорили, и Блисс привела его в эту гостиницу, где он и прятался с тех самых пор...

В этом грязном, вонючем номере. У них что, совсем не убирают? Почему они допускают такое? Кипа газет высотой по пояс, валяющиеся вокруг пустые банки, пепельницы, забитые окурками.

— Извини за бардак.

Блисс пристроилась в уголке клетчатого дивана, покрытого листами воскресной «Таймс». Внезапно она почувствовала себя очень уставшей. Она ждала его обратно, она так долго мечтала об этом — и вот он здесь, но все совсем не так, как она себе воображала. Все не так, не так, не так! Он пытался причинить вред Шайлер. Он пытался причинить вред ей самой.

Тут Дилан, словно бы догадавшись, о чем она думает, произнес:

— Блисс, я не понимаю, что на меня нашло. Ты же знаешь, я бы никогда... никогда...

Блисс холодно кивнула. Ей хотелось верить Дилану, но ее сознание до сих пор ныло от того, с какой силой обрушилась на него воля юноши. Как он мог поступить так с ней — ударить ее ножом? Мысленным, да — но от этого не менее острым.

Дилан уселся на диван рядом с нею и привлек девушку к себе. Что это он делает? Теперь что, собирается поцеловать ее? Теперь он хочет, чтобы они были вместе? Хотя приложил все усилия, чтобы внушить ей, будто не желает того?

Надо ей было согласиться с Шайлер и Оливером. Дилан опасен. Он изменился. Может, он извращен? Может, он превращается в Серебряную кровь? Ведь он же забрал Эгги. После той встречи в «Одеоне» они посадили Дилана в такси, на заднее сиденье, а Блисс быстро, шепотом обменялась мнениями с Шайлер и Оливером.

— Ему нельзя быть одному.

— Я останусь с ним, — пообещала Блисс.

— Будь осторожна. Он изменился.

— Он не в себе.

— Я знаю, — призналась Блисс.

— Что мы собираемся делать?

— Мы что-нибудь придумаем. Мы всегда что-нибудь придумывали.

Оливер. Он всегда был оптимистом.

И вот теперь она сидела в этой грязной, вонючей комнате, с парнем, которого когда-то любила так сильно, что за несколько месяцев его отсутствия у нее изболелось сердце.

Дилан сбросил куртку. Это была нейлоновая светло-бежевая ветровка, из тех, что продают в больших розничных магазинах того типа, где в одном проходе можно купить и верхнюю одежду, и белье. Блисс смутно припомнила, как запихивала окровавленную кожаную куртку в мусор. Что с ней случилось? Ее сожгли.

Дилан легонько коснулся ее руки; Блисс напряглась.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Ей хотелось рассердиться, но вместо этого на нее нахлынуло возбуждение. Дилан так отличался от тех парней Красной крови, что были у нее! Мими была права: когда ты с кем-то себе подобным, кровь в жилах начинает течь иначе.

Юноша ткнулся носом ей в щеку.

— Блисс...

Он произнес ее имя так нежно, так интимно... Его теплое дыхание касалось ее уха.

— Останься со мной, — попросил Дилан.

И прежде чем она успела хотя бы вяло возразить, он ловко сманеврировал, и вот уже они лежат на диване, ноги Блисс — под ногами Дилана, бедра их соприкасаются; Дилан запустил пальцы ей в волосы, а ее ладони скользят по его груди — при всей его худобе мышцы парня приобрели твердость, какой прежде не было.

Потом его язык скользнул ей в рот... и это было так сладко... Блисс чувствовала, как по щекам ее текут слезы, а Дилан осушает их поцелуями... О господи, как она по нему скучала!.. Он причинил ей

боль — но, может, причинить тебе боль способны лишь те, кого ты любишь?

Дилан неловко задрал край ее блузы, и Блисс помогла ему снять ее. Он зарылся лицом в ямку у нее между ключицами — а потом отпрянул, словно обжегшись.

— Эта вещь по-прежнему у тебя! — воскликнул Дилан, отодвинувшись как можно дальше, и забился в дальний угол дивана. — Палмо Диаболос... — произнес он на языке, которого Блисс не понимала.

— Что? — переспросила Блисс.

У нее все еще голова шла кругом от его поцелуев. Она все еще была пьяна от его запаха. Девушка взглянула туда, куда он указывал.

Ожерелье. Проклятие Люцифера. Изумруд, висящий на цепочке у нее над сердцем. Вещь, которую она так и не вернула в отцовский сейф. Вещь, которую она привыкла носить не снимая. От сознания, что эта вещь при ней, Блисс делалось спокойнее. Прикасаясь к камню, она чувствовала себя... лучше. Безопаснее. И более самой собой.

Дилан был потрясен.

— Я не могу тебя целовать, когда у тебя на шее эта вещь.

— Что? — Блисс сунула голову в ворот блузы.

Юноша по-прежнему смотрел на нее с таким видом, словно она пыталась его отравить.

— Ты носила его все это время. Вот почему я не мог... Я знал, что есть какая-то причина.

Потом Дилан забормотал нечто непонятное. На другом языке. На сей раз он походил на китайский.

Блисс натянула блузу обратно. Это неслыханно! Она чувствовала себя круглой идиоткой. Ладно, она, может, и пообещала Шайлер с Оливером, что присмотрит за ним, но не похоже, чтобы он оставался источником опасности. Он знает, что Шайлер — не Серебряная кровь. Кроме того, он уже достаточно большой, чтобы самому о себе позаботиться.

А она определенно не намерена оставаться здесь ни секундой

дольше. Блисс изнемогала от унижения. Она не могла понять, как же он к ней относится на самом деле. Дилан метался из стороны в сторону. То он сдирает с нее одежду — а секунду спустя отскакивает с таким видом, словно в жизни не видал ничего отвратительнее ее тела. Хватит с нее этой игры! Надоело!

— Ты уходишь? — спросил Дилан, когда девушка собрала свои вещи и направилась к двери.

— И немедленно.

Юноша печально взглянул на нее.

— Когда ты уходишь, я скучаю по тебе.

Блисс кивнула, как будто Дилан отпустил какое-то нейтральное замечание насчет погоды. Пускай отрабатывает свой печальный взгляд и сексуальный голос на ком-нибудь другом! А она хочет лишь, чтобы ее оставили в покое.

Глава 11

— Последний заказ, — предупредила официантка.

— Еще «Кампари»? — спросила Шайлер у Оливера.

Он встряхнул бокал, так, что застучали кубики льда, и одним глотком допил коктейль.

— А то!

— Вам что-нибудь принести?

Шайлер задумалась насчет еще одной порции «Джонни Уокер блэк». Прежде она ненавидела вкус виски, но в последнее время распробовала его. Оно было огненным, сладким и сочным — наибольшее приближение по вкусу к крови, какое только можно найти. Оливер однажды попросил ее описать, на что это похоже, потому что сам он не понимал притягательности напитка. Для него кровь имела металлический и чуть сладковатый вкус, Шайлер объяснила, что вампиры ощущают кровь по-другому — для них это все равно что пить жидкий огонь.

Отсюда и проистекала ее новообретенная любовь к виски.

— Почему бы и нет, — отозвалась девушка.

Вряд ли она опьянеет еще от одной порции. А вот Оливер, похоже, уже набрался изрядно. Он завел привычку всякий раз перед их встречами выпивать для храбрости. Нет, конечно, при встречах в школе он не пил, но эти внезапные моменты воссоединения были такими краткими, что погоды не делали. Однако Шайлер заметила, что всякий раз, как они проводили вместе более или менее продолжительный отрезок времени, Оливер был навеселе.

Официантка вернулась с двумя бокалами, полными до краев. Было уже за полночь, и в заведении остались лишь очумелого вида клабберы, завтракающие после затянувшейся допоздна гулянки, или такие же очумелые клабберы, подкрепляющиеся перед ранним началом работы в барах, работающих во внеурочные часы, где алкоголь не подается и чья клиентура предпочитает ловить кайф от химии.

Оливер принялся потягивать коктейль через красную соломинку.

Он очень любил сладкое, и Шайлер находила это милым. Оливер терпеть не мог пиво и все прочие атрибуты того, что он назвал «эльджоко-американо». Каким-то образом девчачьи напитки придавали ему мужественности в глазах Шайлер. Оливер не боялся быть самим собой.

Это было так здорово — наконец-то посидеть с Оливером где-нибудь в людном месте. Не могла же она запустить клыки в его шею, когда вокруг столько народа! В последнее время, когда они оказывались наедине, оно, это ожидание, повисало в воздухе и Шайлер не хватало их прежней, непринужденной дружбы. Она отдыхала в его обществе.

— Почему ты так много пьешь, когда мы вместе? — спросила девушка, стараясь, чтобы голос ее звучал весело.

— Я оскорблен. Ты что, думаешь, я пьянчужка?

— Есть немного.

— Не знаю. — Оливер, вместо того чтобы смотреть на Шайлер, уставился в потолок. — Слушай, ты меня иногда просто пугаешь.

Шайлер чуть не рассмеялась.

— Я тебя пугаю?

— Ну да. Ты вся такая из себя — вампирка-суперженщина. Ты ведь и вправду могла серьезно попортить его.

Оливер ухмыльнулся, но Шайлер поняла, что он встревожен куда больше, чем показывает.

— Да все с ним нормально! — огрызнулась она.

Ей совершенно не хотелось думать, что могло произойти. Дилан был у нее в руках. Она чувствовала, как его разум подчиняется ее напору. Она слышала, как кричат все его воспоминания, просясь, чтобы их отпустили. И более всего ей хотелось сокрушить их все — заставить эти голоса замолчать. В ее власти было сделать так. Эта мысль отрезвляла, и потому девушка глотнула еще виски.

— Нет, не нормально, — возразил Оливер. — Ты понимаешь, что мы должны рассказать Лоуренсу о нем? Они должны что-нибудь с этим сделать. Он демонстрирует классические признаки извращения. Галлюцинации, истерия, мания.

Помощник официанта убрал у них со стола и выразительно взглянул на парочку. Шайлер знала, что им пора уходить, что персонал мечтает уже разойтись по домам. Но она хотела еще чуть-чуть побыть с Оливером.

— Откуда ты все это знаешь?

— Уроки делаю. Ну, ты в курсе — все то добро, которое Лоуренс велел нам отыскать и изучить.

Да, конечно. Шайлер ощутила укол вины. Она совсем забросила свои вампирские уроки. Лоуренс использовал Оливера, чтобы продолжать обучение Шайлер. Ей следовало сосредоточиться на совершенствовании своих сил и навыков, а она вместо этого думала совсем о другом. Квартира на Перри-стрит...

— Как ты думаешь, Дилан нам врет? — спросила она.

— Нет. Думаю, он считает, что говорит нам правду — насколько он ее знает. Но очевидно, что им манипулируют. — Оливер с громким хрустом раскусил кубик льда. — Я даже не слишком верю, что он действительно от них сбежал. Думается мне, они его отпустили.

Шайлер промолчала.

Они отпустили Дилана, чтобы он закончил работу, которую провалил прежде. Дилан нападал на нее — дважды — перед своим внезапным исчезновением. Они выбрали его потому, что он был близок к ней, был одним из ее лучших друзей. Шайлер не могла это отрицать: кто-то желает убить ее. Она хотела было поделиться этой мыслью с Оливером, но все же предпочла придержать ее при себе. Он и так достаточно уже беспокоился из-за нее.

Оливер взглянул на счет и положил на стол кредитную карточку.

— Ну и как дела на «Звезде смерти» ?

— Да так же.

Шайлер улыбнулась, хотя ее мутило так, что того и гляди вырвет. Это было тяжело: видеть Оливера и удержаться от ненависти к самой себе из-за того, что она сделала с ним.

— Ну так... — Оливер вздохнул.

Шайлер поняла, к чему идет дело, и снова горько пожалела о

том, что сделала его своим фамильяром.

— Что — так? — Вернувшаяся официантка принесла обратно кредитку и намекнула, что, если они задержатся еще немного, им придется уходить через черный ход.

— Я как раз ехал в «Мерсер» на встречу с тобой, когда позвонила Блисс. Она сказала, что ты там, на Перри-стрит. Мне это показалось странным — мы же договорились встретиться в «Мерсере», как обычно, но Блисс сказала, что ты совершенно точно там. Что ты вообще там делала?

Шайлер не знала, как посмотреть ему в глаза.

— Модельные дела. Линда Фарнсуорт держит там место для моделей, где можно переночевать. Мы с Блисс иногда ходим туда потусоваться с парой девчонок. Я не отследила, сколько уже времени. Извини, что заставила тебя ждать.

— Э-э... ну, раз у нас не получилось встретиться, как мы планировали, может, ты хочешь...

На этот раз отказать ему было легче, поскольку Шайлер приняла решение заранее. Девушка покачала головой.

— Нет. Мне надо возвращаться. Ничего не поделаешь, комендантский час. Я и так уже задержалась, и если Чарльз узнает...

— Да к черту Чарльза! — Оливер щелчком отправил зубочистку через весь стол, и та полетела на пол. — В смысле — иногда я так устаю от всей этой фигни!..

— Олли...

— Я просто хочу, чтобы мы были вместе, — сказал Оливер, снова уставившись в потолок. — То есть я знаю, что это невозможно. Но почему, собственно? Почему мы должны следовать старым законам? Кому какое вообще до этого дело? — возмущенно произнес он. — Разве ты не хочешь, чтобы мы были вместе? — резко, с вызовом бросил юноша.

Шайлер придвинулась и взяла его за руки.

— Хочу, Олли. Ты же знаешь, что я этого хочу.

Он был ее союзником, соучастником ее преступления, ее совестью и ее утешением.

На лице Оливера отразилось беспредельное блаженство и удовлетворение. Он улыбнулся девушке, и Шайлер от всего сердца понадеялась, что он никогда не узнает правды.

Глава 12

Было уже поздно, когда Мими с Джеком наконец-то, пошатываясь, покинули «Пер Се». Счет за пиршество оказался четырехзначным, и Мими это не удивило. Она настолько привыкла отдавать за все заоблачные суммы, что иногда, обнаружив что-то по меньшей цене, чем ожидала, начинала брюзжать.

— Они что, меня за нищую принимают? — фыркнула девушка.
— Они думают, я не могу себе позволить воду «Фиджи»?

— Видишь ли, это ошибка нуворишей: путать понятия «у меня много денег» и «у меня бесконечно много денег», — упрекнул сестру за расточительность Джек.

Мими недоверчиво уставилась на него.

— Ты что, хочешь сказать, что я нувориш?

Они вошли в лифт. Джек рассмеялся.

— Думаю, да.

— Мерзавец! — Мими сделала оскорбленный вид. — Наши деньги такие старые, что они обеспечивают стабильность общества. Банкротство исключено! Мы круче всех.

— Надеюсь. А это, часом, не ты говорила, что Лоуренс сообщил о жутком падении доходов? Я слышал, на последней экспертизе инвестиций акции Сети финансовых новостей упали на несколько пунктов. Это неважные известия.

Мими изобразила, будто зевает во весь рот.

— Ой, не надоедай мне всякими деталями. Меня это не волнует.

Они вышли на ночную улицу. На другой ее стороне возницы на своих двухколесных экипажах поджидали припозднившихся туристов. Было холодно — зима напоследок брала свое. На тротуарах и крышках мусорных баков лежал желтоватый растрескавшийся лед — следы последнего бурана.

Джек поднял руку, и к тротуару тут же подкатил элегантный черный «бентли», огромный, как катафалк.

— Домой? — спросила Мими, скользнув на сиденье.

Джек подался вперед, положив руку на край двери.

— Езжай, а я задержусь ненадолго. Я обещал Брюсу и Джейми встретиться с ними в клубе.

— А...

Джек поцеловал ее в щеку.

— Ты меня не жди, ложись спать, ладно? — Он захлопнул дверь и легонько постучал по окошку. — Сулли, отвези ее домой.

Мими помахала Джеку из-за тонированного стекла. Ее хорошее настроение бесследно развеялось, пока она смотрела, как Джек переходит через улицу и ловит такси в сторону окраины.

Сулли обернулся.

— Домой, мисс Форс?

Мими готова была кивнуть. Она устала. Идея ехать домой казалась весьма заманчивой. Хотя ее несколько задевало, что ей придется ехать туда в одиночестве. Она подумала было, не последовать ли за Джеком, но он в последнее время был так нежен с ней... Подозревать нечего... Он всегда встречается с Брюсом Каттингом и Джейми Кипом в клубе... глупые мальчишки. И кроме того, последние несколько недель, еще с Венеции, она следила за ним, словно ястреб, и теперь чувствовала себя виноватой, поскольку не обнаружила ничего. И вообще, из-за чего она переживает?

Но она решила быть честной с собой. Да, она беспокоится.

— Не сейчас, Сулли. Давай посмотрим, куда он.

Водитель кивнул. Он не в первый раз выполнял подобное указание.

— Проследи, чтобы он нас не видел.

Лимузин последовал за такси, устремившимся на юг, к Вест-Сайдскому шоссе. «Квартал-122» был закрыт, а новый, самый крутой на данный момент клуб «Трактир Данте» располагался ближе к окраине, в Вест-Виллидж, в цокольном этаже одного из этих новых стеклянных зданий, стоящих прямо над шоссе. Мими припомнила: Джек ей как-то говорил, что их семейство купило квартиру в этом доме в качестве вложения средств. В данный момент эту квартиру арендовала какая-то знаменитость.

Такси подкатило к ограждающей вход бархатной веревке; доступ внутрь регулировал высокий мужчина в черном пальто. «Трактир Данте» был поменьше, чем «Квартал-122», и не такой броский, но зато еще более престижный и эксклюзивный. Джек вышел из такси и исчез в здании.

Довольная, Мими откинулась на спинку сиденья.

— Ладно, поехали.

Она взглянула на белый лимузин, подкативший к тротуару впереди них. Фу, люди такие безвкусные! И это Джек обзывал ее нуворишем?

Девушка присмотрелась: нет ли среди буйной компании в лимузине кого знакомого? Вон тот, должно быть, знаменитый актер, потому что носит мягкую фетровую шляпу, словно недоумок какой. Но тут она заметила еще кое-что: фигуру, вынырнувшую из тени и проскользнувшую в здание через главный вход. Некто в серебристом дождевике, с темными волосами.

Нет.

Не может быть.

Это не может быть Шайлер ван Ален. Или может? Конечно, это была она.

У Мими сжалось сердце. Многовато что-то совпадений: Джек пошел в клуб, расположенный в цокольном этаже того самого здания, куда только что вошла Шайлер.

Не может быть. Мими лихорадочно размышляла: она что-то упустила? Но Джек был так равнодушен, так холоден с Шайлер. Не мог же он до сих пор терять голову из-за нее.

«Он слишком щедр на уверения» .

Мими никогда не была поклонницей Шекспира, даже при его жизни, но самые важные строчки она помнила. Да, эта зима определенно не задалась.

Она знала, даже без подтверждения, что совершенно неважно, какую мину Джек делает на публику и какую ложь скармливает ей самой — в глубине души у него остается потаенное местечко, куда она не может проникнуть, и постичь его не может. Тайное место, отведенное для кого-то другого. Тайный уголок, в котором обитает

Шайлер ван Ален.

Странно, но Мими не чувствовала себя преданной, уязвленной или опустошенной. Ей просто стало очень грустно. Она так старалась помочь ему! Она пыталась помочь ему сохранить верность ей.

Как он мог действовать, не боясь ответных мер? Он знал законы не хуже ее. Он знал, что поставлено на кон. Он знал, что может потерять.

«О Джек! Не вынуждай меня причинять тебе боль. Не допускай, чтобы мы отдалились друг от друга подобным образом. Не заставляй меня отслеживать тебя».

Глава 13

— Я думал, ты забыла.

Шайлер улыбнулась, сняла дождевик и повесила его на крючок. Она только что вошла в квартиру, открыв дверь своим ключом. Ключом, который носила на шее, привязав на шелковую ленту. Девушка никогда не снимала его, из страха, что ключ могут украсть. Она вошла в здание обычным образом. Перебросилась парой вежливых слов с охранником. Поднялась вверх на лифте, обменявшись любезностями с соседями. Поворковала с их младенцем, запеленатым тучком, что уместился в детской коляске стоимостью в тысячу долларов, обитой внутри овечьим руном. Притворялась, что она точно такая же, как и они. Хватит с нее вампирских трюков на сегодняшний вечер.

— Ты давно тут? — спросила девушка.

— Только что вошел.

Он стоял у колонны, скрестив руки на груди. На нем по-прежнему была та же самая белая рубашка, что и сегодня утром, несколько измявшаяся к концу дня; он ослабил галстук и отпустил, так что тот сбился набок. Но сам он по-прежнему был золотым и великолепным. В зеленых, словно море, глазах искрились веселье и желание. Джек Форс. Тот самый парень, которого она с нетерпением ждала весь вечер. Парень, которого она ждала всю свою жизнь.

Шайлер хотелось кинуться к нему — подбежать и со смехом броситься в объятия, — но она наслаждалась тем, как Джек смотрит на нее. В его напряженном взгляде можно было утонуть. А за последние несколько недель, что они были вместе, Шайлер кое-что узнала об искусстве обольщения.

Узнала, что куда слаще заставить его ждать. Потому она тянула время, снимая туфли и вытирая босые ноги о ковер — и позволяя юноше разглядывать себя.

За пределами этой квартиры они были друг другу чужими. Он даже не смотрел на нее. Не мог себе этого позволить. Потому Шайлер хотела, чтобы он смог насладиться, глядя на нее столько, сколько его душе угодно.

— А ну заканчивай! — прорычал он.

И вот тогда она наконец побежала, кинулась в его объятия, и они вместе врезались в стену, но так и не отпустили друг друга. Джек поднял ее легко и непринужденно, осыпая поцелуями.

Шайлер обвила его ногами и наклонилась, водя по его щеке завитками своих волос.

— Джек.

В его руках она таяла. Шайлер прижалась к юноше; его сердце бешено стучало в такт ее сердцу. Когда они поцеловались, Шайлер закрыла глаза и перед ними вспыхнула миллионоцветная радуга, великолепная и живая. Исходящий от Джека запах был житейским и роскошным, страстным и чувственным. Это было неожиданно: Шайлер предполагала, что от него в лучшем случае может тянуть лишь холодом льда, и ей нравилось, что Джек пахнет так грубо и реально. Он не сон.

Шайлер знала, что они поступают нехорошо. Лоуренс предупреждал ее, что вампирские узы не следует разрывать. Джек давал клятву другой. Девушка обещала себе остановиться — но вместе с этим она обещала Джеку, что всегда откликнется на его зов. Они были так счастливы вместе! Они принадлежали друг другу. Однако же они никогда не говорили ни о прошлом, ни о будущем. Существовало только настоящее, этот созданный ими хрупкий мыльный пузырь, их маленькая тайна. Кто знает, сколько им отпущено времени?

Когда Шайлер находилась в его объятиях, ей было жаль Мими.

Это началось сразу после того, как ее поселили в том мраморном позолоченном дворце, который Форсы называли домом. Это место походило на поместь крепости с Версалем. Комнаты и передние здесь были забиты великолепным антиквариатом, отполированным и театрально выставленным напоказ. Окна окутывали океаны дорогих тканей, а безмолвные слуги скользили по дому, поддерживая чистоту и предлагая его обитателям чай или кофе на серебряных подносах.

Шайлер сидела на роскошной кровати в отведенной ей комнате и пинала потрепанный чемодан, единственный остаток собственного дома, который она позволила себе прихватить. Лоуренс пообещал, что он так или иначе вытащит ее оттуда, что она вскоре вернется в свой, принадлежащий ей по праву дом. Он знал, что Чарльз не

позволит ему поддерживать контакт с внучкой, потому они договорились использовать Оливера в качестве связного.

Лоуренс сам отвез внуку в городской дом Форсов. Он помог ей донести вещи до парадного входа, где их забрал слуга в перчатках. Дедушка ушел слишком скоро, и Шайлер снова осталась одна.

Чарльз устроил ей краткую экскурсию по дому: играющий бликами бассейн в цокольном этаже, вполне подходящий по размеру для проведения олимпийских соревнований, теннисный корт на крыше, спортзал, сауна, комната Пикассо (она так называлась потому, что в ней находился один из двух огромных эскизов к шедевру мастера, полотну «Авиньонские девицы»). Чарльз сказал, чтобы она располагалась, как ей удобно, и брала на кухне все, что пожелает. Затем он изложил свои правила. Шайлер пребывала в таком гневе и раздражении, что могла только молча кивать в ответ.

Потому она и пинала чемодан. Дурацкий чемодан. Дурацкий чемодан со сломанным замком. Дурацкий уродливый чемодан — одна из немногих вещей, оставшихся у нее от матери. Это был старый дорожный сундучок «Луи Вуитон», из тех, которые, когда их поставишь и откроешь, превращаются в мини-шкаф. Девушка снова пнула чемодан.

Тут в дверь негромко постучали, потом она отворилась.

— Извини, не могла бы ты... э-э... отложить это ненадолго? Я попытаюсь читать, — сказал Джек.

Судя по виду, он был погружен в свои мысли.

— Ой, извини.

Шайлер прекратила пинать чемодан. Она размышляла над тем, когда же она увидит своих кузенов. Тонкости запутанных взаимоотношений в вампирских семьях все еще плохо давались ей, но Шайлер понимала, что технически они с Джеком не являются кровными родственниками, даже если Чарльз и приходится ей дядей. Надо будет как-нибудь спросить у Лоуренса, как бы это все уладить.

— Что ты читаешь?

— Камю, — ответил Джек, показав ей экземпляр «Постороннего». — Читала?

— Нет, но мне нравится то, что «Кьюэ» поют, — ну, песня по

мотивам этой книжки. Слыхал?

Джек покачал головой.

— Не-а.

— Кажется, она входит в их первый альбом «Три воображаемых парня». Роберт Смит — он тоже запойный читатель. Может, и экзистенциалист вроде тебя, — решила поддразнить она Джека.

Джек прислонился к стене, сложил руки на груди и задумчиво взглянул на девушку.

— Тебя тошнит, до того не хочется здесь быть.

— Что, настолько заметно? — поинтересовалась Шайлер, пряча руки в длинных рукавах свитера.

Джек приглушенно фыркнул.

— Ну простите.

— Ну прощаю.

Юноша положил книгу на туалетный столик.

— Это не так уж плохо.

— Да ну? И что же в этом хорошего?

— Ну, во-первых, тут есть я, — изрек Джек, подошел к кровати и уселся рядом с Шайлер.

Он подобрал теннисный мячик, выкатившийся из ее чемодана. Шайлер прихватила его с собой для вампирских занятий. Лоуренс хотел, чтобы она сосредоточилась на способности перемещать предметы в воздухе — этим ей еще только предстояло овладеть. Джек подбросил мячик и ловко поймал. Потом положил.

— Если, конечно, ты не захочешь, чтобы я ушел, — добавил он.

Он сидел совсем рядом с ней. Шайлер помнила, как бежала к нему в ту ночь, когда на нее напали в первый раз, как страстно он желал узнать правду про Кроатан и как глубоко он ее разочаровал, когда принялся игнорировать. А потом девушка вспомнила кое-что еще. Одну вещь, которую она не могла выбросить из головы с тех самых пор, как выпила крови Мими и впитала ее воспоминания.

— Это был ты! Ночью, на маскараде! Это ты тогда... — прошептала Шайлер, и в ответ на невысказанный вопрос Джек

поцеловал ее.

Этот поцелуй у них был третьим — Шайлер считала их, — и когда их дыхание смешалось и широкие ладони Джека коснулись ее щек, все в ее жизни, что происходило до этого момента, показалось вторичным и заурядным.

Это чистое, небесное ощущение было единственным, ради чего стоило жить. Когда они целовались в первый раз, Шайлер уловила воспоминания Джека о девушке, которая выглядела в точности как она, но не являлась ею. Во второй раз Шайлер понятия не имела, что под маской скрывается именно Джек. А на сей раз они были вдвоем и только вдвоем. Джек целовал не ту девушку, которую, как ему казалось, он некогда знал, а Шайлер целовалась не с тем, кого она даже не знала. Они просто целовались друг с другом.

— Дже-ек! Дже-ек!

— Мими, — произнес Джек.

Он исчез из комнаты так стремительно, словно сделался невидимым. Когда Мими сунула голову в комнату Шайлер, та снова сидела одна и пинала чемодан.

— А, это ты. Джека не видала?

Шайлер покачала головой.

— Кстати, ты тут сильно не расслабляйся. Уж не знаю, зачем отцу понадобилась в доме такая мелкая пакость, но лично я советую тебе не попадаться мне на дороге.

Тем вечером Шайлер получила два разноплановых подарка на новоселье: кто-то сложил ей простыни конвертом, чтоб она там запуталась, а под дверь ей подсунули книгу. Альберт Камю, «Чума». В книгу был вложен конверт, а в конверте лежал ключ.

После этого Джек никак не показывал, что замечает ее присутствие, ни дома, ни в школе. Но позднее он возместил это полностью и даже более.

— Откуда это у тебя? — спросил Джек, проведя мизинцем по порезу у нее на лбу.

Они лежали на толстом ворсистом ковре и смотрели на угасающий огонь.

— А, так, ничего особенного. Стукнулась, — отозвалась Шайлер. Ей не хотелось прямо сейчас рассказывать о Дилане. — За тобой следили?

— Да. Но я подождал, чтобы она уехала, и только после этого поднялся сюда. — Голос у Джека был сонный.

Шайлер примостилась на сгибе его руки. Комнату освещал лишь отсвет горящих внизу уличных фонарей, но девушка ясно видела Джека в темноте. Его безукоризненный профиль, словно бы высеченный из мрамора, сиял подобно свече.

— А за тобой? — задал он встречный вопрос.

— Нет.

На самом деле она не проверила. Была слишком занята — уговаривала Оливера уйти. Слишком занята и слишком возбуждена. Потому что знала. Знала, что Джек уже наверняка здесь и ждет ее, как немного раньше она ждала его.

Но да, в следующий раз нужно быть поосторожнее. Им обоим нужно быть осторожнее.

Глава 14

В «Лексингтон армори» Блисс опоздала. Шоу Рольфа Моргана должно было начаться в девять вечера, а ей полагалось подъехать к шести, чтоб нанести макияж и уложить волосы, но уже было половина девятого. Блисс надеялась, что модельер ее не убьет, хотя, возможно, он уже вычеркнул ее из списка и, добравшись до места, она обнаружит, что в черном кружевном платье с корсетом, которое должна была демонстрировать она, уже расхаживает другая модель.

Блисс не хотела опаздывать, но последнее видение полностью сбило ее с толку. Она чистила зубы, а когда взглянула в зеркало, оказалось, что оттуда на нее смотрит тот самый красивый мужчина в белом костюме, что являлся ей во сне.

— Господи!

— Это вряд ли.

Мужчина расхохотался, как будто в жизни не слышал ничего смешнее. Блисс заметила, что волосы у него — ну в точности цвета расплавленного золота. Глаза его были голубыми, как ясное утреннее небо. В помещении пахло цветущими лилиями, но этот надоедливый аромат маскировал запах гнили. В точности так же пахло от ее мачехи, Боби Энн, когда та после спортзала обливалась духами, вместо того чтобы принять душ. Блисс решила проявить храбрость.

— Ты кто?

— Я — это ты.

— Я что, схожу с ума? Почему ты здесь? — Блисс закрыла воду и попыталась успокоить дыхание. — Чего тебе нужно?

Золотой мужчина в белом костюме запустил руку в карман пиджака и извлек оттуда старомодные карманные часы на золотой цепочке.

— Время.

Когда Блисс снова взглянула в зеркало, он исчез. Следующие несколько часов девушка смотрела в зеркало, ожидая, что мужчина появится снова. И лишь после того, как наконец-то заставила себя

отвернуться, Блисс осознала, что чудовищно опаздывает.

Но когда она проверила свой мобильник, там не оказалось ни гневных посланий от ее букера, ни встревоженных речей о том, что модельера скоро удар хватит из-за ее отсутствия. Добравшись до входа, Блисс смутилась вдвойне, обнаружив, что в зале для показов никого нет, не считая нескольких несчастных жертв моды, сгрудившихся за полицейским ограждением. Сейчас точно Неделя моды?

А где же тогда безумный карнавал редакторов и фотографов, знаменитостей и стилистов, поклонников моды и ушибленных модой? Почему они не толпятся здесь, отпихивая друг друга в стремлении попасть на шоу Рольфа Моргана? Шоу Рольфа было самым крутым в сезоне, самой серьезной заявкой на победу. Но вот однако же: тридцать минут до заявленного времени начала — и считай что никого.

Блисс отыскала одинокого прихлебателя, помощника продюсера в черной футболке с крупной надписью «Рольф Морган», и спросила, как пройти за кулисы.

«Армори» размещался в штаб-квартире шестьдесят девятого полка национальной гвардии, и несколько солдат в форме отсалютовали Блисс, когда она туда вошла. Здание было похоже на огромную пещеру, а вдоль стен выстроились стеклянные шкафы с оружием и снаряжением. Следуя указаниям, девушка добралась до величественного атриума, огромного, словно ангар для самолетов; он и был отведен для показа мод. Ряды для зрителей уходили куда-то вверх, к потолку, а у одной из стен был установлен помост, и на нем группа музыкантов настраивала инструменты.

Во время репетиций Рольф объяснял, что модели будут идти по гигантскому подиуму, подвешенному над сценой, и Блисс с нетерпением предвкушала эту необычную задачу.

Она зашла за устроенные для показа кулисы и впала в замешательство, обнаружив, что там вовсе не идут традиционные лихорадочные приготовления, пронизанные страхом, возбуждением и адреналином. Напротив, атмосфера была совершенно расслабляющая. Девушка наткнулась на Шайлер; та сидела в ближайшем кресле и читала какой-то журнал. Волосы Шайлер были собраны на макушке в хвост, а на лицо уже нанесен макияж для

подиума; синие глаза подведены темными тенями, а губы накрашены бледной, розовато-золотой, помадой.

Блисс обрадовалась, увидев подругу; им еще нужно было поговорить о том, что произошло вечером. Они дружно избегали этой темы, как будто им было неловко об этом говорить. Блисс так и не видела Дилана после этого, хотя он оставил ей немало сообщений на телефоне — просил прощения и умолял навестить его. Блисс все сообщения стерла.

Что же касается Шайлер, она с того вечера ходила по Дачезне с таким видом, словно витала в облаках. Блисс знала, что Шайлер встречается с Джеком, и невольно завидовала новообретенному счастью подруги. Ну да, паршиво, конечно, что им приходится скрываться из-за Мими и всего прочего. И совсем уж хреново то, что Джек, по сути, помолвлен с другой. Но все же Блисс видела, что Шайлер влюблена и что ей платят взаимностью. Это было куда больше того, что можно было сказать о них с Диланом.

— А где все? — спросила Блисс. — Снаружи что-то никого нет.

— О, привет! — Шайлер отложила свежий номер французского «Вог». — Да, тут еще закрыто. Шоу начнется где-нибудь в полночь, если нам повезет. Всех попросили пока идти куда хотят и возвращаться попозже.

Блисс тяжело опустилась в соседнее кресло.

— Ты серьезно?

— Ты что, в первый раз работаешь с Рольфом? — поинтересовалась другая модель, услышавшая их разговор.

Блисс узнала ее: это была Сабрина Сорбора, великанша из Восточной Европы, нынешняя любимица модельера.

Блисс кивнула.

— Он всегда опаздывает. В прошлом году Браннон Фрост ушла-таки с шоу, не посмотрев его, — очень уж разозлилась на то, что ее заставили ждать, — сообщила им Сабрина.

Браннон Фрост была Голубой кровью, редактором «Чик», самого влиятельного журнала мод в мире. Браннон достаточно было щелкнуть пальцами, чтобы женщине понадобилось полностью обновить гардероб из страха оказаться немодной.

Щелк! Объем и буфы. Щелк! Осиная талия и брюки в облипочку. Щелк! Неотрезные платья без пояса и каблуки-рюмочки! Щелк! Вязаные вещи и обувь на платформе! Щелк!

— В полночь? Но до нее же еще три часа! — возмутилась Блисс.

И что им, спрашивается, делать все это время — просто торчать тут? Она заметила, что некоторые модели играют в карты, но большинство сидели, уткнувшись в свои мобильники или «блекберри».

— Шампанского? — предложила Сабрина, подняв двухкварттовую бутылку «Лорен Перье», и, не дожидаясь ответа, налила по бокалу для Блисс и Шайлер.

Это был их ответ на вопрос, что делать: пить, курить и ждать. В качестве уступки последнему скандалу на тему о том, что модели слишком тощие, на столах было расставлено иллюзорное угощение: черствые крекеры и затхлый сыр, изображающие «здоровую» пищу для девушек. Да ладно! Модели все равно живут духом святым: на воздухе и сигаретном дыме.

— Ну, в общем, из-за того, что произошло в прошлом году, на этот раз они созвали редакторов «Чик», «Майн» и «Джен» и посоветовали им пойти выпить или поужинать, а потом возвращаться.

Блисс кивнула.

— А кто тогда эти люди там, снаружи?

— Никто.

Сильно сказано. Ну да, конечно, всех шишек предупредить надо, а всякая мелюзга пускай заботится о себе сама. Блисс сунула свою сумку под стойку бара и собралась было кое о чем спросить Шайлер, но тут в отведенную моделям приемную влетел какой-то запыхавшийся тип — ну наконец-то хоть кто-то выглядел и вел себя так, словно через несколько часов им предстоит участвовать в шоу.

— Блисс! Вот ты где! Давай-ка скорее к парикмахеру и визажисту!

Блисс полистала последний номер журнала «Арена ом», выкурила несколько сигарет и выпила слишком много шампанского, пока немногословный парикмахер и его нервничающий ассистент

делали начес, укладывая ее волосы в высокую пышную прическу, а добродушный визажист обильно штукатурил лицо. Просто поразительно, как мало усилий требует работа модели. Все, что от нее требовалось, — это сидеть здесь. Потом встать. Потом пройтись. Вот и все. Конечно, чтобы выполнять эту «работу», надо быть сногшибательно красивой. И все же недостаточно быть красоткой, такой, чтоб на тебя глядели разинув рот. У лучших моделей присутствует некий, присущий лишь им флер томности и загадочности. В конце концов, на свете всего одна Кейт Мосс.

Когда парикмахер и визажист наконец-то остались довольны своей работой, к Блисс подошли два студента-модельера — они входили в многочисленную армию добровольцев, вынесшую на своих плечах весь физический труд, без них Неделя моды не состоялась бы.

— Мы поможем вам надеть ваш первый наряд. Рольф хочет его видеть.

С помощью студентов Блисс влезла в черное платье с плотно пригнанным корсетом. Один из них затягивал и завязывал сзади ленты, а второй тем временем помогал девушке надеть бархатные башмачки высотой до лодыжки, зашнуровывающиеся спереди. Черные прозрачные кружева придавали платью привкус сексапильности. Спереди у корсажа был такой низкий вырез, что Блисс даже покраснела, осознав, насколько она выставлена напоказ.

— Что это? — спросил один из студентов, указав на сверкающее изумрудное ожерелье, устроившееся в ложбинке на груди девушки.

— Это мое.

— Я не уверен, что Рольфу это понравится, — нерешительно произнес второй студент.

Блисс пожала плечами. Ее не интересовало, понравится ли это Рольфу. Она не намерена была снимать это ожерелье. Никогда.

Глава 15

Ровно без пяти двенадцать Мими и Джек Форс вошли в «Армори» под ливнем фотовспышек. Мими прижалась к плечу Джека, кутаясь в мягкую соболью шубку, полосатую, словно зебра, и пряча лицо под огромными солнечными очками, как будто избыточное фотографирование могло ей повредить.

— Смотри, куда лезешь! — прикрикнул Джек на излишне озабоченного папарацци, который подобрался слишком близко и толкнул Мими.

— Мими! Сюда! — позвал молодой журналист в наушниках, провел их в главный зал и протащил через море модников в первый ряд. — Через минуту начало. Ваши места рядом с Браннон.

В зале стоял взволнованный гул; все места были заняты, все знаменитости сосчитаны (Мими явилась одной из последних), и даже боковые проходы были забиты добровольцами в черных футболках, пробравшимися туда из-за кулис, чтобы полюбоваться представлением. На сцене оркестр наярывал пронзительный гимн альт-рока.

Мими приосанилась перед камерами, стряхнула с плеч шубку и скрестила икры так, чтобы ноги казались тоньше. Она не завидовала моделям. Их фотографируют лишь ради надетых на них нарядов — в то время как невообразимое множество людей, собравшихся вокруг нее и выкрикивающих ее имя, рвутся сфотографировать потому, что им интересна она сама.

— Я смотрю, тебе это вправду нравится, — решил поддразнить ее Джек.

— Ну-у...

Всю прошедшую неделю Мими так хорошо скрывала гнев, что считала себя заслуживающей «Оскара». Но она не в силах была смотреть на своего близнеца. Этого лжеца, этого предателя! Он рисковал всем ради интрижки с паршивой полукровкой! Теперь Мими видела, что скрывается за его вниманием и заботливостью, и понимала, как умело он морочил ей голову все это время. Мерзавец лишь притворялся, что влюблен в нее, а настоящие свои чувства

скрывал.

Но самым плохим было то, что Мими даже не могла его возненавидеть. Она очень сильно его любила и очень хорошо понимала его пороки. Ненавидеть Джека — это было все равно что ненавидеть себя, а Мими была слишком высокого мнения о себе, чтобы терзаться подобной напастью.

— Мими! Дорогая! — На них внезапно налетела Ранди Морган, жена модельера, и бурно расцеловала Мими в обе щеки. — Ты просто обязана пройти за кулисы и пожелать Рольфу удачи!

Мими позволила втянуть себя в традиционное расшаркивание и обмен любезностями с модельером. Конечно же, расшаркиваться и источать любезности должен был модельер: Мими была одной из самых важных его клиенток.

Она оставила Джека и прошла сквозь толпу. Рольф встретил ее объятиями и потоком комплиментов. Мими приняла знаки благоговения и великодушно пожелала модельеру хорошего шоу. Она поприветствовала прочих присутствующих здесь представителей Голубой крови, принадлежащих к ее кругу общества, — Пайпер Крэндаль в ужасном желтом платье и Суз Кембл, которая жаловалась, что ее посадили во второй ряд. Еще Мими заметила несколько нахальных девиц-краснокровок. Люси Форбс поворковала с Мими про новый ансамбль от Рольфа Моргана, который модельер прислал ей сегодня утром, специально, чтобы она надела его на сегодняшнее шоу. Потом Мими заметила объект своей ненависти.

Шайлер позволяла костюмерам позаботиться о своем наряде: это были кружевная блузка с оборками, облегающий жакет для верховой езды, вельветовые брюки и высокие сапоги. Мими подумала, что купила бы этот ансамбль, если бы его демонстрировала не Шайлер, а кто-нибудь другой.

Она решительно направилась к Шайлер. Может, ей удастся пресечь это все в корне и дурацкая интрижка Джека не приведет к серьезным последствиям.

— Шайлер, можно тебя на минутку? — спросила Мими.

Шайлер отослала двух своих кураторов, и они отошли в тихий уголок.

— Чего тебе?

Мими решила сразу брать быка за рога.

— Я знаю, что у вас с моим братом.

— Что ты имеешь в виду?

Шайлер пыталась сохранять спокойствие, но Мими чувствовала ее тревогу. Она была права. Да, черт подери, права! Мерзавка даже не пыталась ничего отрицать. Они были вместе. Насколько далеко у них все зашло? У Мими упало сердце. Она говорила себе, что не собирается ревновать к какой-то шавке. Но вызывающий вид Шайлер вызвал у нее прямо противоположные чувства.

Шайлер не выглядела ни отрезвившейся, ни слабой, ни смущенной. Скулящая полукровка, что подпрыгивала от испуга, стоило лишь цыкнуть на нее, исчезла. Как исчезла и та девчонка, что безответно втюрилась в великого Джека Форса. Мими отчетливо видела Шайлер. Перед ней была девушка, уверенная в том, что она любима. Девушка, знающая, что его сердце у нее в руках. На мгновение Мими страстно пожелала, чтобы Серебряная кровь уволокла Шайлер в преисподнюю.

— Ты осознаешь, что ты делаешь с Джеком?

— О чем ты?

Мими крепко схватила Шайлер за предплечье.

— Подумай о своей матери. Как ты полагаешь, почему Аллегра находится в коме? Почему она бессмертна, но не умирает? Она ни на что не пригодна, она уничтожена. Ты хочешь этого для него?

— Не впутывай в это мою мать! — произнесла Шайлер угрожающим тоном и стряхнула с себя руку Мими. — Ты ничего о ней не знаешь!

— Еще как знаю! Я живу куда дольше тебя.

Лицо Мими изменилось, и на мгновение перед Шайлер промелькнули все те женщины, которыми когда-то была Маделайн Форс: египетская царица, французская дворянка, дерзкая переселенка, осваивающая Новый Свет, хозяйка дома в Ньюпорте — все они были так красивы, что дух захватывало, и у всех были все те же зеленые глаза.

— Ты не понимаешь сути уз, — прошептала Мими. Вокруг суетились модельер и члены его команды, внося завершающие

поправки в наряды. — Мы с Джеком — единое целое. Отобрать его у меня — это все равно что содрать с него кожу. Он нуждается во мне. Если он возобновит узы, он сделается сильнее и полностью овладеет своими воспоминаниями. Он достигнет расцвета сил.

— А если нет? — с вызовом бросила Шайлер.

— Тогда можешь зарезервировать для него место в той больнице, которую до сих пор продолжает навещать мой отец. Дура! Это тебе не какая-нибудь идиотская школьная игра!

«Это жизнь и смерть. Ангелы и демоны. Узы — это закон. Мы созданы из одной и той же темной материи».

Мими подумала все это, но вслух не произнесла. Она видела, что Шайлер не может — или не хочет — это осознать. Шайлер — новорожденная. Она не понимает строгости и неумолимости бессмертия. Сурового и нерушимого образа действия их народа.

— Я тебе не верю.

— Я и не ожидала, что ты согласишься. — Судя по ее виду, Мими внезапно выдохлась. — Но если ты любишь его, Шайлер, отпусти его. Освободи его. Скажи, что он тебе больше не нужен. Только так он сможет уйти.

Шайлер покачала головой. Вокруг модели выстраивались в ряд, а Рольф то подкалывал кому-то подол, то закреплял складку. В зале погас свет. Шоу должно было вот-вот начаться. Один из костюмеров Шайлер быстро отрезал торчащую из рукава ее жакета нитку.

— Я не могу это сделать. Не могу лгать.

Мими, не спрашивая разрешения, отпила шампанского из бокала Шайлер.

— Тогда Джек погиб.

Глава 16

В прошлом году во время своей осенней презентации Рольф Морган заставил зрителей расхаживать по подиуму, а модели сидели в первом ряду и делали вид, будто ведут какие-то записи. Этот трюк настолько очаровал прессу, что Морган твердо решил придумать еще какой-нибудь занятный ход. В этом году шоу должно было идти задом наперед: начаться с выхода модельера к публике и показа великолепных балльных платьев, а завершиться повседневной одеждой в спортивном стиле.

Оркестр громоподобно заиграл «Спейс оддити», и на сцену вышел Рольф, сорвав бурю аплодисментов. Он вернулся за кулисы с букетом роз, сияющий и полный энергии. Шайлер увидела, как Сайрес, ведущий шоу, повел Блисс в начало шеренги. Черное кружевное платье с корсетом было гвоздем программы, завершающим показ, но теперь, в соответствии с идеей модельера, оно его открывало. Шайлер помахала Блисс рукой, чтобы подбодрить подругу. Она знала, что Блисс до сих пор немного побаивается подиума, — и действительно, та сейчас напоминала испуганного жеребенка, и ее руки, лежащие на бедрах, чуть-чуть дрожали.

Блисс вернулась несколько минут спустя; на лице ее сияла улыбка облегчения.

— Там просто сумасшедший дом какой-то! — выпалила она, обращаясь к Шайлер, прежде чем ее стремительно увлекли прочь, переодеваться в другой наряд.

Шайлер улыбнулась в ответ и подумала, что будет рада, когда все это закончится и она наконец-то сможет снова надеть собственную одежду: мужскую оксфордскую рубашку, черные леггинсы и ботинки с раздвоенным каблуком, которые она отрыла в секонд-хенде.

Девушки в готических прогулочных платьях вышли на подиум, и Сайрес провел Шайлер вперед. Она должна была идти следующей.

— Не забудь: когда дойдешь до конца подиума — одна поза, вторая поза, бам! — и возвращаешься обратно.

Шайлер кивнула. Она глубоко вздохнула и вышла из-за кулис.

Подниматься на подиум — это было все равно что подниматься на луну. Ты выходишь из безобразной реальности закулисья, заполненной болтовней, английскими булавками, мешаниной одежных стоек и распотрошенных коробок с аксессуарами под яркий белый свет сцены и слепящие вспышки сотен фотоаппаратов.

Атмосфера в зале наэлектризовалась; там царил истерический шум, достойный лучших рок-концертов. Выкрики и гиканье с задних рядов подзаводили оркестр играть быстрее и громче, а модели напускали на себя максимально надменный вид. Шайлер даже не заметила восседающих в первом ряду мрачных редакторов и принарядившихся знаменитостей. Она была полностью сосредоточена на том, чтобы переставлять ноги, одну за другой, и не выглядеть душой.

Она добралась до точки поворота в конце подиума и изобразила требуемые от нее позы, сперва повернувшись налево и подав бедро вперед, а затем развернувшись направо. И как раз в тот момент, когда девушка готова была исполнить поворот кругом, в сознание ее проник настойчивый мощный сигнал. Это была бессвязная и свирепая ненависть. Неожиданность и сила этого сигнала были настолько велики, что Шайлер застыла на полушаге, пошатнулась и зацепилась за собственный каблук. Зрители в первом ряду громко ахнули.

Шайлер была сбита с толку и подавлена. Кто-то — или что-то — жестоко вломился в ее сознание. Девушка тут же распознала манипуляцию, но та оказалась еще более мощной и злобной, чем исходившая недавно от Дилана. Это было непростительное злоупотребление; Шайлер почувствовала себя оскверненной и обнаженной. Ее охватил ужас. Ей необходимо было убраться отсюда. На то, чтобы уйти с подиума как полагается, не было времени. Шайлер спрыгнула с помоста и приземлилась в рядах, отведенных для фотографов. Она точно знала, куда отправится сейчас.

— Простите! — бросила Шайлер невезучему фотографу-энтузиасту, которому отдала ногу.

Она помчалась сквозь толпу, к замешательству персонала и восторгу зрителей, решивших, что это часть представления. На ходу она слышала возглас за кулисами:

— Эй! Что это она придумала? А ну верните ее!

Завтра все газеты разразятся историями о том, как на шоу Рольфа Моргана модель сбежала с подиума, но в данный момент Шайлер было наплевать и на газеты, и на своего букера, и на самого Рольфа.

«Что это было?» — думала она. Ей чудилось, что сердце ее вот-вот разорвется от страха, пока она мчалась по Вест-Сайдскому шоссе, двигаясь быстрее, чем любой здешний транспорт. Что это было?! К тому моменту, как она добралась до обветшавшего дома на Риверсайд-драйв, тошнотворное, оскверняющее ощущение слегка ослабело.

Дом уже не выглядел таким запущенным, как прежде, благодаря недавно устроенному Лоуренсом ремонту. Каменные ступени были чисто выметены, граффити на двери закрашены, а к горгульям вернулось былое достоинство.

Когда Шайлер вошла в дедушкин кабинет, Лоуренс укладывал папки с бумагами в кожаный дипломат. Девушка заметила, что за тот месяц, что они пробыли в разлуке, дед постарел. В львиной гриве прибавилось седины, а вокруг глаз пролегли новые морщины.

Лоуренс был Бессмертным, одним из тех редких вампиров, которые не отдыхали, не проходили сквозь цикл перевоплощений. Он сохранял одну и ту же физическую оболочку на протяжении столетий. Он способен был выглядеть таким же юным, как Шайлер, но сегодня вечером сутулился так, словно на плечи его давило бремя тысячелетий. Впервые за все то время, что Шайлер знала его, он выглядел древним. Он не походил на человека двадцать первого столетия. Если судить по его виду, он вполне мог бы присутствовать при том, как Моисея положили в корзину и пустили по водам реки.

— Шайлер! Какой приятный сюрприз! — произнес Лоуренс, хотя не похоже было, чтобы появление внучки удивило его.

— Куда ты собрался? — спросила она вместо ответа, заметив рядом со столом потрепанный чемодан Лоуренса, набитый вещами и перетянутый ремнями.

— В Рио, — отозвался он. — Там произошло сильное землетрясение. Ты видела новости? — Лоуренс махнул рукой в сторону телевизора, недавно установленного в его кабинете.

Камеры показывали город, охваченный пламенем; целые дома превратились в груды обломков. При виде подобного опустошения Шайлер вознесла короткую молитву.

— Дедушка, со мной что-то случилось. Всего несколько минут назад.

Она описала свои ощущения, уверенность в присутствии некоего неимоверного зла. Оно длилось лишь краткий миг, но этого оказалось достаточно, чтобы Шайлер почувствовала себя оскверненной с головы до ног.

— Так значит, ты тоже это почувствовала?

— Что это было? — Шайлер передернуло. — Это было... омерзительно, — произнесла она, хотя «омерзительно» казалось слишком слабым словом для той невнятной враждебности, что обрушилась на нее.

Лоуренс жестом велел ей сесть, а сам продолжил просматривать бумаги.

— Ты во время занятий еще не добралась до Корковадо?

— Я знаю, что она находится в Рио... в Бразилии, — нерешительно произнесла девушка.

Она не очень-то продвинулась в изучении тех материалов, что задал ей Лоуренс. Это было глупо, но в глубине души Шайлер казалось, что дедушка отчасти виноват в том, что она оказалась в нынешней ситуации, и в раздражении она отмахнулась от его указания освежить в памяти историю Голубой крови. Лоуренс всучил ей для прочтения копии древних, некогда запрещенных текстов: историю Кроатана, до последнего времени исключенную из официальных хроник.

Если Лоуренс и рассердился, он никак этого не показал. Вместо этого он терпеливо — как университетский профессор, которым некогда был, — объяснил:

— Корковадо — это место силы, источник энергии, изначальный источник, из которого мы, вампиры, черпаем силу земли. Наше бессмертие проистекает из гармонического слияния с изначальной субстанцией жизни. Это дар, который мы сохранили даже после изгнания.

На экране телевизора тем временем появилась знаменитая статуя Христа Спасителя, возвышающегося над городом на своем пьедестале на горе Корковадо. Шайлер поразились тому, что изваяние осталось стоять, при том что по всему городу множество зданий

превратилось в развалины.

— Землетрясение. Сигнал, который я ощутила. Они связаны? Ты из-за этого уезжаешь? — спросила Шайлер, уже понимая, что права.

Дедушка кивнул, но уточнять ничего не стал.

— Тебе лучше пока не знать, как именно они связаны.

— Ты уезжаешь сегодня ночью? — спросила Шайлер.

Лоуренс кивнул.

— Сперва я встречусь с командой Кингсли в Сан-Паулу. Потом мы вместе отправимся к Корковадо.

— А Совет?

— Они обеспокоены, что вполне объяснимо, но лучше, если они пока будут не в курсе подробностей моей поездки. Ты же знаешь, что мы с Корделией всегда питали подозрения касательно Совета.

— Что одно из величайших семейств предает нас? — уточнила Шайлер, глядя, как дедушка тщательно завязывает узел галстука.

Лоуренс всегда одевался очень официально, вне зависимости от обстоятельств.

— Да. Но я не знаю, в чем именно. И не знаю почему. И уж конечно, у нас никогда не имелось доказательств подобного предательства. Однако же последнее нападение подтвердило, что кто-то из Серебряной крови выжил и вернулся, чтобы охотиться на нас. Что, возможно, сам Князь тьмы все еще ходит по земле.

Шайлер содрогнулась. Когда Лоуренс говорил о Люцифере, ей казалось, будто кровь в ее жилах превращается в лед.

— А теперь, Шайлер, я вынужден с тобой попрощаться.

— Нет! Позволь мне поехать с тобой! — воскликнула Шайлер, вскочив со своего места.

Эта темная, ужасная, полная ненависти злоба! Нельзя, чтобы дедушка столкнулся с этим — что бы это ни было — в одиночку!

— Мне очень жаль. — Лоуренс покачал головой и сунул бумажник в карман пиджака. — Ты должна остаться здесь. Ты сильна, Шайлер, но еще очень молода. И ты все еще находишься на моем попечении.

Он задернул шторы и накинул старый дождевик. В дверях появился Андерсон, его проводник.

— Вы готовы, сэр?

Лоуренс подобрал свои сумки.

— Не надо так огорчаться, внучка. Тебе следует оставаться в Нью-Йорке не только ради твоего собственного блага. Если я хоть что-то могу сделать для твоей матери, так это оберегать тебя от беды и держать как можно дальше от Корковадо.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Расшифровка доклада венатора, зарегистрировано 28 февраля

Запись приглушенная. Слышны два голоса, венатора Мартина и Чарльза Форса, региса.

Венатор Мартин: Она клюнула.

Чарльз Форс: Вы точно уверены?

ВМ: Да. Я нимало не сомневаюсь, что она попытается провести инкантатион демоната.

ЧФ: Но чтобы сущий ребенок пытался лезть в такую темную магию... Возможно, если вы сможете открыть ее мне...

ВМ: Вы знаете, регис, что я не могу произнести ее имя, пока это не будет подтверждено испытанием. Но не волнуйтесь, я не позволю ей завершить заклинание.

ЧФ: Но вы должны позволить.

ВМ: Простите? Я вас не понял, регис.

ЧФ: Это испытание, венатор. Инкантатион демоната должен быть исполнен. Если она потерпит неудачу, вы возьмете нож и прольете собственную кровь.

ВМ: Комитет об этом знает? Совет одобрил?

ЧФ: Не волнуйтесь насчет Совета. Это мое дело. Венаторы преданы мне.

ВМ: Но, регис, — инкантатион... Вы уверены?

ЧФ: Уверен. Когда придет время, исполните это. По моему приказу.

Глава 17

Во времена детства Блисс ее семья жила в одном из тех мегаособняков, что наводнили собою Ривер-Оукс, богатый пригород Хьюстона. Их дом был живым воплощением техасского стремления к крайностям — двадцать восемь тысяч квадратных футов. Блисс часто шутила, что их дому требуется собственный почтовый индекс. Ей было неуютно в этом доме, и она всегда предпочитала дедушкино ранчо в глухом уголке Западного Техаса.

Несмотря на то что в их родословной имелись янки, семейство Блисс считалось аристократией Одинокой Звезды . Они делали деньги на нефти, крупном рогатом скоте и... ну, в основном на нефти. Ллевеллины любили рассказывать историю о том, как патриарх их семейства шокировал свою аристократическую родню, бросив Йель и отправившись работать на нефтяное месторождение. Он быстро изучил местные тонкости, прикупил несколько тысяч акров нефтяных полей и стал самым везучим нефтяным бароном во всем штате. Теперь Блисс было любопытно, что же это было на самом деле — везение или вампирские способности?

Форсайт был младшим сыном младшего сына. Дедушка Блисс, бунтовщик по натуре, после окончания пансиона остался на востоке, женился на своей возлюбленной из Андовера, коннектикутской дебютантке, и вырастил сына в семейном доме на Пятой авеню, прежде чем невезение на фондовой бирже вынудило семейство отправиться обратно в родной Техас.

Дедушку Блисс особенно любила. Он сохранил техасский протяжный выговор даже после долгой жизни на северо-востоке, и ему свойствен был ироничный и дерзкий юмор. Он любил говорить, что его место нигде, а потому везде. Дед тосковал по своей нью-йоркской жизни, но когда никто не захотел заняться ранчо — все предпочли стеклянные метрополии Далласа или Сан-Антонио, — он впрягся и потащил семейный бизнес. Блисс очень хотелось, чтобы Пап-Пап был рядом. Ну что пользы быть вампиром, если тебе все равно приходится жить столько же, сколько люди, а потом ожидать, пока тебя призовут на следующий цикл?

Блисс выросла в окружении множества кузин, и до того, как они переехали в Нью-Йорк и ей исполнилось пятнадцать, ей и в голову не

приходило, что в ней есть что-то особенное или сколько-нибудь интересное. Возможно, она просто не хотела ничего знать. Ведь определенные признаки были, как она осознала позднее: намеки старших кузин на какую-то «перемену», чуть приметные смешки тех, кто уже был посвящен в тайну, постоянно меняющиеся отцовские секретарши, служившие, как теперь понимала Блисс, ему фамильярами. Девушке лишь недавно пришло в голову, насколько же это странно, что никто и никогда ни слова не сказал о ее настоящей матери.

Блисс не знала другой матери, кроме Боби Энн. У нее сложились натянутые отношения с ее невзрачной, склонной к гиперопеке мачехой, которая выказывала Блисс всяческую приязнь и при этом совершенно игнорировала собственного ребенка, единокровную сестру Блисс, Джордан. Боби Энн, со всеми ее мехами, бриллиантами и нелепой манерой одеваться, из кожи вон лезла, стараясь заменить Блисс мать, которой та никогда не знала, и Блисс не могла ненавидеть ее за это. Но с другой стороны, и любить ее за это она тоже не могла.

Форсайт женился на Боби Энн, когда Блисс еще лежала в колыбели, а Джордан родилась четыре года спустя. Молчаливое и странное дитя: пухленькая и нездорово бледная рядом с худенькой Блисс, нежная кожа которой была цвета слоновой кости; к тому же трудная в общении — не сравнить с легким характером Блисс. И все же Блисс не могла себе представить жизни без младшей сестры, и, когда Боби Энн принималась дразнить или оскорблять собственного отпрыска, Блисс с неистовством кидалась защищать Джордан. Джордан же, со своей стороны, обожала сестру — ну, когда не насмехалась над ней. В общем, это были нормальные отношения двух сестер: множество мелких ссор и перебранок при верной и прочной взаимной привязанности.

«Но отчего-то самые важные вещи в жизни зачастую воспринимаешь как нечто само собой разумеющееся».

Так подумала Блисс, когда через несколько дней после показа мод она взяла такси и отправилась в самую дальнюю часть Манхэттена. Она велела водителю ехать к Колумбийской пресвитерианской больнице.

— Вы родственница? — спросил сидевший за столом охранник, передавая ей на подпись лист посетителя.

Блисс заколебалась. Она прикоснулась к фотографии, спрятанной в карман куртки — как талисман. Это была копия той фотографии, которую ее отец носил в бумажнике; копия, которую она нашла в шкатулке с ожерельем и оставила себе.

— Да.

— Последний этаж. Последняя комната в конце коридора.

Блисс пожалела, что не взяла никого с собой, но она не знала, кого можно было бы позвать. Шайлер явно потребовала бы объяснений, а Блисс не смогла бы сказать ничего внятного. «Э-э... я думаю, мы с тобой можем оказаться сестрами» — звучало как-то абсурдно.

Что же касается Дилана, Блисс отодвинула все мысли о нем подальше. Она знала, что должна бы проверить, как он там, особенно теперь, когда он оставил свои попытки связаться с ней, но ее гнев и унижение были слишком велики, чтобы возвращаться в ту ужасную комнату в «Челси». А странные судороги Дилана, гортанная речь, пронзительный смех, бормотание на непонятных языках лишь заставляли девушку еще больше бояться его. Она пообещала Шайлер и Оливеру, что все уладит — сдаст Дилана Комитету и Совету, — но пока что она продолжала придумывать для себя отговорки, позволяющие не делать этого. Хотя Блисс и решила, что с влечением к Дилану покончено, она все же не находила в себе сил сдать его.

У нее были и другие поводы для беспокойства, хотя она знала, что не найдет здесь, в больнице, ответов на них. В конце концов, Аллегра находится в коме. А с отцом говорить об этом совершенно бесполезно.

Всю ее жизнь Блисс говорили, что ее мать умерла, когда она была совсем маленькой. Что эта так называемая Шарлотта Поттер была школьной учительницей, с которой отец познакомился во время своей первой политической кампании, когда он баллотировался на место конгрессмена от штата. Теперь Блисс вообще сомневалась, что Шарлотта Поттер когда-либо существовала в действительности. Во всяком случае, никаких альбомов со свадебными фотографиями, никаких милых безделушек или ценных вещей, указывающих, что такая женщина была замужем за ее отцом, девушка никогда не видела. Долгое время Блисс предполагала, что это из-за того, что Боби Энн не желала видеть напоминаний о предыдущей миссис

Ллевеллин.

Блисс не знала ничего о семье матери, а в ее острой вампирской памяти сохранился тот момент, когда она впервые спросила отца, кто был ее настоящей матерью. Ей было пять лет, и отец как раз читал ей книжку на ночь.

— Шарлотта Поттер, — бодро отозвался отец. — Твою мать звали Шарлотта Поттер.

Блисс была в восторге.

— Как в «Паутине Шарлотты»?! — воскликнула она.

А фамилия была как у той женщины, написавшей книги, что стояли теперь у нее на полках, — Беатрис Поттер.

Блисс все сильнее подозревала, что отец просто все выдумал. Когда она в другой день упомянула при Форсайте имя Шарлотты Поттер, он лишь непонимающе взглянул на дочь.

Блисс дошла до конца коридора и отыскала нужную комнату. Она отворила дверь и скользнула внутрь.

В палате Аллегры ван Ален было холодно, словно в леднике. Женщина, покоившаяся на кровати, не шевелилась. Блисс нерешительно приблизилась к кровати, ощущая себя незванным гостем. Аллегра выглядела спокойной и неподвластной времени; на лице ее не пролегло ни единой морщинки. Она была словно принцесса в стеклянном гробу — прекрасная и неподвижная.

Блисс думала, что когда она наконец-то увидит Аллегру, то что-то почувствует — ну, поймет, действительно ли они друг другу родня или нет. Но увы! Блисс прикоснулась к ожерелью, спрятанному под рубашку для спокойствия, потом взяла Аллегру за руку. Кожа у Аллегры была тонкой, словно бумага. Блисс закрыла глаза и попыталась дотянуться до своих прошлых жизней, до своих воспоминаний — посмотреть, не знает ли она чего о Габриэле.

В коротких вспышках она замечала женщину, казавшуюся знакомой, которая могла бы быть Габриэлкой, но Блисс не была уверена. В конечном счете эта лежащая в постели женщина была для нее такой же незнакомкой, как и медсестра в коридоре.

— Аллегра! — шепотом позвала Блисс. Называть ее матерью казалось девушке слишком нахальным. — Это я. Я... Блисс. Я не

знаю, помнишь ли ты меня, но я думаю, что ты можешь быть моей...

Блисс внезапно осеклась. Она ощутила боль в груди. Ей почудилось, что она сейчас задохнется. Что она здесь делает? Она должна уйти. Уйти отсюда немедленно. Она была права: ей не найти здесь ответов. Она никогда не узнает правду. Отец не захочет рассказать, а Аллегра — не сможет.

Блисс ушла, встревоженная и сбитая с толку, все еще продолжая жаждать ответов на вопросы, живущие в ее душе.

Девушка не знала, что, когда она вышла из палаты, Аллегра ван Ален заплакала.

Глава 18

Заседания Комитета никогда не начинались вовремя, так что Мими не переживала из-за того, что ее селекторное совещание со специалистом по планированию праздников затянулось несколько дольше, чем она планировала. С тех пор как Лоуренс был официально возведен в должность региса, на совещаниях стало уделяться все меньше и меньше внимания общественным мероприятиям и сбору средств, и все больше — совершенно излишним, на взгляд Мими, вампирским урокам.

Эдмунд Эрлих, этот слабоумный старикан из Совета, их новый глава стражей, держал руль в своих руках далеко не так крепко, как покойная Присцилла Дюпон, и даже не знал, что, если они хотят получить наиболее удобные почетные места на ежегодном весеннем празднестве в мае, следовало заслать за ними своих агентов еще несколько недель назад. Так уж получилось, что все бывшие первые леди были уже недоступны, а жена губернатора всецело увязла в последнем скандале, связанном с ее мужем. Если так будет продолжаться, им придется довольствоваться подругой мэра, вопиюще немодной и совершенно не желающей заниматься социальной работой, и притворяться, будто она карабкается вверх по социальной лестнице.

Мими вошла в зал библиотеки Дачезне, нашла местечко сзади и постучала по прицепленному за ухом «блютусу», давая друзьям понять, отчего она с ними не здоровается. Она считала уроки Комитета пустой тратой времени. Мими прекрасно владела своими способностями с момента трансформации, и ее раздражало, что прочие вампиры такие тормозные. По плану сегодня они должны были изучать мутацию, способность превращаться в стихии: огонь, воду, воздух. Мими вздохнула. Она превращалась в туман с одиннадцати лет. Как говорится, молодая, да ранняя.

— Простите, не могли бы вы повторить еще раз? — попросила девушка, встряхнув маленький серебристый аппарат, закрепленный на ухе. — Вы думаете, мы сможем провести это в Белом доме? Или нет?

Нанятая ею фирма «Праздники от Элизабет Тилтон» недавно организовала пятидневное феерическое празднество в Картахене. Дон

Алехандро Кастанеда, Голубая кровь, наследник отцовского состояния, сделанного на сахаре и напитках, заключил узы со своей вампирской близняшкой, Даниэлой Рассел, недавней выпускницей Брауновского университета. Дружок жениха заявил, что «следующее после этого заключение уз придется проводить на Луне, потому что иначе превзойти его не удастся».

Но Мими собиралась приложить все усилия, чтобы его превзойти.

— Дорогая, — проворковала Лизбет Тилтон. — Мне очень жаль, но при новой администрации это невозможно. Боюсь, мы недостаточно вложили в их избирательную кампанию. Но наверняка найдется другое местечко, которое вам понравится.

— А как тогда насчет Букингемского дворца? Я уверена, что мой отец сможет договориться о таком одолжении.

Лизбет от души рассмеялась.

— Милочка, в каком столетии вы живете? У вас, часом, прошлые жизни с нынешней не спутались? Хотя вы и королевской крови, та ветвь клана так и не простила нас за то, что мы уехали. Кроме того, в наше время они сделались очень строги. Даже Чарльзу с Камиллой пришлось сочетаться браком вне Букингемского дворца.

Мими надулась.

— Ну, я думаю, мы можем устроить это на острове, — сказала она, заметив, что в помещение вошли Шайлер и Блисс.

Мими быстро воспользовалась внушением и заставила Шайлер внезапно споткнуться. Ха! Кое-кто явно запустил занятия оккультизмом. Разум Шайлер был открыт, как рана.

— Вы имеете в виду владение вашего отца в Сэнди Кей? — уточнила Лизбет. — Должно получиться потрясающе.

Форсам принадлежал собственный остров на Багамах.

— Все могут прилететь туда на выходные, а если у кого-то нет своего самолета, мы можем для них арендовать. Мы только что это делали для Алекса и Дани в Колумбии.

Если Мими чего-то не желала, так это того, чтобы ее заключение уз можно было сравнить еще с чьим-то.

— А как насчет Италии? — предложила Лизбет. — В каком-нибудь старинном дворце? Вы все еще владеете тем поместьем в Тоскане?

— Хм. Нет. Только не Италия. Воспоминания неприятные, — буркнула Мими и свирепо зыркнула на глядевших на нее одноклассников.

Глава стражей и прочие члены старшего комитета наконец-то прибыли, и занятия вот-вот должны были начаться.

— Да, конечно. Извините. Знаете, — задумчиво произнесла Лизбет, — со всей этой шумихой — ну, что все рвутся найти для заключения уз место поэкзотичнее, — уже несколько десятилетий никто не устраивал настоящего пятизвездочного заключения уз в Нью-Йорке.

— Здесь? Дома? — Мими нахмурилась.

Это звучало как-то чересчур обыденно.

В зале, на возвышении, Эдмунд Эрлих копался в бумагах и здоровался с хорошо сохранившимися женщинами, составляющими старший комитет.

— Собор Святого Иоанна Богослова — потрясающе красивая готика. Вы могли бы надеть шлейф длиннее, чем у принцессы Ди. Можно было бы заполучить Гарлемский хор мальчиков. Ангельское пение.

Мими задумалась над этим предложением. Она согласилась с Лизбет, что церковь и вправду красива, а прием можно было бы устроить в музее «Метрополитен», в Дендурском храме. Чарльз был попечителем музея и в этом году жертвовал на него особенно щедро. Мими помахала рукой Джеку — тот только-только перешагнул порог. Брат присоединился к ней и одарил мимолетной улыбкой.

— С кем разговариваешь? — спросил он одними губами.

— Ну так что, мы договорились? Святой Иоанн? А потом — «Метрополитен»? — спросила в этот момент Лизбет. — И вы, если я правильно понимаю, хотите пригласить все Четыре сотни?

— Да и да! — с удовлетворением отозвалась Мими.

Она спрятала телефон и улыбнулась брату. Теперь, зная его тайну, она заметила, что он смотрит куда угодно, только не в тот

угол, где сидит Шайлер.

Вскоре после этого подошел Оливер, человеческий прихвостень Шайлер, почти такой же раздражающий. Очередное издевательство — появление людей на закрытых собраниях. Чарльз во время своего пребывания в должности этого не допускал. Но Лоуренс ясно дал понять; он ожидает, что проводники тоже пройдут обучение. Наилучший способ для них узнать о своем призвании — это присоединиться к Комитету.

Мими чувствовала, как сидящий рядом Джек напрягся. Оливер поцеловал Шайлер в щеку. Интересненько... Мими напрягла вампирские чувства и пригляделась к шее Оливера. И сразу заметила красноречивые следы укусов. Для человеческого взгляда они были неразличимы, а вот для вампирского — просто-таки бросались в глаза. Ага! Эта полукровка сделала своего лучшего друга собственным фамильяром!

Отлично.

Это натолкнуло Мими на одну идею. Если Шайлер не собирается отказываться от своего жалкого романчика с Джеком, быть может, удастся ее к этому принудить. Оливер может оказаться полезен.

Мими нужно было действовать быстро. Она сказала Лизбет, что их заключение уз должно состояться не позже чем через три месяца.

Глава 19

В отличие от Мими Блисс устраивали новые порядки в Комитете. Ей нравилось открывать для себя и использовать свои вампирские способности, а не просто заучивать всякие нудные исторические факты или возиться с бумажками и критиковать поставщиков провизии для расточительных празднеств, на которых она вовсе не рвалась присутствовать. От уроков ее кровь начинала течь быстрее. Когда ей давали какую-то сложную задачу — то же мутацио, например, — девушку охватывало радостное возбуждение.

Старший комитет попросил младших членов разбиться на группы по двое-трое для отработки тонкого искусства метаморфоз.

— Все вампиры должны уметь превращаться в дым, воздух или туман — хотя большинство из нас могут также превращаться в огонь и воду. Как вы, быть может, осведомлены, Конспираторы приняли меры, чтобы неверные легенды о нашем народе, сохранившиеся в истории Красной крови, основывались на капельке правды, — со смешком произнесла Доротея Рокфеллер, приглашенный лектор.

Конспираторы были неизменным источником веселья для Комитета.

— Они также считают уместным подтолкнуть людей к вере в то, что подобные нам способны превращаться только в нетопырей, крыс и прочих созданий ночи. Таким образом Красной крови внушается ложное чувство безопасности в дневные часы. И хотя те из нас, кто обладает способностью изменять облик, действительно могут принимать эти достаточно отталкивающие облики, большинство этого не делает. На самом деле госпожа наша Габриэлла выбрала в качестве своего «мутатус» голубя. Если вы из числа тех немногих, кто способен изменяться по собственной воле, вы найдете тот облик, что будет соответствовать вашим способностям.

Блисс оказалась одной из немногих счастливиц. Она обнаружила, что способна превращаться из девушки в дым и обратно, а потом испробовала другие облики — белую лошадь, ворону, паукообразную обезьяну, прежде чем остановилась на золотой львице.

Но Шайлер просто стояла посреди комнаты и с каждой

неудачной попыткой все больше терзалась от бессильной злости.

— Может, это потому, что я наполовину человек, — со вздохом произнесла девушка, после того как в ходе очередной попытки принять другой облик она просто рухнула на пол — по-прежнему собою.

— А что, собственно, плохого в том, чтобы быть человеком? — поинтересовался Оливер, зачарованно наблюдая, как Мими Форс превращается в феникса, столб пламени и красную змею, и все это за три секунды. — Ух ты! Круто!

— Выпендрейница! — прошипела Блисс. — Не переживай из-за нее. И хватит ржать, Олли. Ты отвлекаешь Шайлер.

Блисс старалась не слишком заноситься из-за своих успехов, но приятно было знать, что Шайлер крута не во всем.

— Я тебе сейчас все объясню. Тебе надо мысленно представить то, к чему ты стремишься. Ты должна стать туманом. Думай как туман. Пусть твое сознание очистится. Почувствуй его ключья — они должны образовываться там, где заканчивается твоя кожа, а потом...

Шайлер послушно закрыла глаза.

«Ладно, я — думающий туман. Золотые Ворота. Сан-Франциско. Мягкие кошачьи лапы. Ну не знаю... не получается, и все».

Блисс предостерегающе шикнула на подругу. Она чувствовала, что трансформация началась, ощущала, как изменились все ее чувства, как само ее существо исчезает в мягком сером облаке. Она развлекалась, представляя, как сможет использовать этот новый талант, когда ее посетило другое видение. Оно обрушилось на Блисс, словно удар, мощно, как пинок в живот.

Дилан.

Если прежде он выглядел просто растрепанным, теперь дело обстояло куда хуже. Одежда юноши превратилась в лохмотья, рубашка висела ключьями, джинсы были изорваны, а волосы — в полнейшем беспорядке. Казалось, что Дилан не ел и не спал несколько недель. Он стоял перед школьными воротами, тряс их прутья и вопил как сумасшедший.

— Что случилось? — тут же спросила Шайлер, когда Блисс запнулась.

— Дилан. Он здесь.

Никаких более пояснений не требовалось.

Их троица вылетела с заседания, не обращая внимания на явное любопытство прочих членов Комитета, выскочила из библиотеки и помчалась вниз по лестнице. Благодаря вампирской скорости Шайлер с Блисс очутились у ворот раньше Оливера; тот запыхался, пытаясь угнаться за ними.

Дачезне располагалась в тихом уголке Девяносто шестой улицы, в школьном районе. Поскольку дело уже шло к вечеру, улицы были практически пусты, не считая парочки нянь, кативших коляски к парку.

Парень, стоявший посреди тротуара и яростно трясуший ворота, выглядел словно пророк былых времен, реликт эпохи проповедников и религиозных фанатиков, когда косматые оборванцы вещали о конце света. От подростка, стремившегося вырасти, чтобы научиться играть на гитаре, как Джимми Хендрикс, от зачинщика бесчисленных проделок не осталось почти ничего.

— Мерзость!!! — громовым голосом вскричал Дилан, едва заведя их.

— Это я виновата! — воскликнула Блисс. При виде Дилана она едва не расплакалась. — Да, да, я обещала, что расскажу Совету о нем, и не рассказала. И не следила за ним... Я оставила его и пренебрегала им... Я хотела, чтобы он просто куда-нибудь делся. Это все я виновата!

— Нет, я, — сказала Шайлер. — Я собиралась рассказать Лоуренсу, но...

— Мы все виноваты, — твердо произнес Оливер. — Нам следовало им заняться, а мы этого не сделали. Слушайте, надо срочно убрать его отсюда. Люди начинают интересоваться, — добавил он, заметив, как какая-то пожилая женщина с пуделем перешла улицу и озадаченно взглянула в их сторону. — Мы же не хотим, чтобы в дело вмешалась полиция?

Шайлер едва увернулась от удара Дилана.

— Надо с ним разобраться, пока он снова не применил против нас Контроль.

Блисс тут же превратилась в золотую львицу. На нее стоило посмотреть — это была прекрасная и безжалостная хищница. Львица перемахнула через ворота и, мягко ступая, пошла к Дилану. Тот при виде ее просто взбесился.

— Дьяволово орудие! Предательница! — прошипел он.

Блисс оттеснила парня к железным прутьям ворот и оскалила зубы. Она поднялась на задние лапы, а передними толкнула его. Дилан съежился и заскулил, прикрывая руками голову.

— Она его сделала! — завопил Оливер и жестом велел Шайлер перейти к Блисс, на правый фланг.

Шайлер подбежала к Блисс. Она взглянула Дилану в глаза и увидела в них гнев, ярость и замешательство. Девушка заколебалась. Перед ней было не чудовище, а раненое животное.

Но Оливер не колебался.

— Шайлер! Давай! Скорее!

— Дорми! — приказала девушка и взмахнула рукой перед лицом Дилана.

Дилан обмяк и осел на землю. Блисс приняла свой обычный облик и опустилась на колени рядом с ним.

— Он будет спать, пока ему не прикажут проснуться, — сказала Шайлер.

Оливер присел рядом с Блисс, и они вдвоем соорудили из свитера Дилана смирительную рубашу. Лицо юноши постепенно разгладилось. Во сне он выглядел покорным и спокойным.

— Мы должны передать его Комитету, — сказал Оливер. — Слишком уж долго это тянется. Я знаю, Блисс, что тебе этого не хочется, но так лучше для него. Возможно, они сумеют ему помочь.

— Они не помогают Серебряной крови — они ее уничтожают. Ты это знаешь, — с горечью произнесла Блисс.

— Но может быть...

— Я отдам его отцу, — решила Блисс. — Может, я уговорю Форсайта, чтобы он взялся защищать Дилана. Чтобы он проявил к Дилану милосердие, потому что это мой друг. Он придумает, что делать.

Шайлер кивнула. Форсайт наверняка сумеет уладить дело с Диланом. Кроме того, «роллс-ройс» Ллевеллинов как раз подкатил к тротуару. Они загрузили Дилана на заднее сиденье и пристегнули его ремнем рядом с Блисс.

— С ним все будет в порядке, — успокаивающе произнесла Шайлер.

— Угу, — отозвалась Блисс, хотя знала, что никто из них больше в это не верит.

Машина сдвинулась с места. Блисс помахала друзьям. Оливер помахал ей в ответ, а Шайлер так и осталась стоять с потрясенным видом. Наконец машина свернула за угол, и друзья пропали из виду.

Когда Блисс добралась до «Пентхауса грез», экстравагантного трехэтажного жилища ее семейства, расположенного на крыше одного из самых примечательных зданий на Парк-авеню, Боби Энн сидела в «непарадной» гостиной и советовалась со своим астрологом. Мачеха Блисс была светской львицей техасского образца, увешанная бриллиантами даже среди бела дня. Единокровная сестра Блисс, Джордан, делала домашнее задание, примостившись за кофейным столиком.

— О боже, что это? — воскликнула, вскакивая, Боби Энн при виде падчерицы и какого-то связанного бесчувственного юноши.

— Это Дилан, — произнесла Блисс таким тоном, будто это все объясняло.

Она была пугающе спокойна, обращаясь к родственникам. Девушка понятия не имела, как ониотреагируют на его появление, особенно теперь, когда он такой грязный. Если кто-то забывал ставить чашку на подставку или оставлял отпечатки пальцев на японских обоях, у Боби Энн начиналось учащенное сердцебиение.

— Это тот пропавший парень, — прошептала Джордан, глядя на происходящее округлившимися, испуганными глазами.

— Да. С ним что-то неладно. Он... он немного не в себе. Мне нужно рассказать папе.

Блисс поведала всем о неожиданном возвращении Дилана, о том, как она спрятала его в гостинице «Челси», и изложила отредактированную версию его предыдущих нападений.

— Но с нами все нормально, — заверила она. — Не волнуйтесь обо мне. Помогите ему, — попросила девушка, осторожно положив Дилана на ближайшую кушетку.

— Ты поступила правильно, — произнесла Боби Энн, прижав Блисс к груди и чуть не удушив сильнейшим ароматом духов. — Здесь, у нас, он будет в безопасности.

Глава 20

Весна в Нью-Йорке — это мираж. Никто и глазом моргнуть не успевает, как суровая зима сменяется суровым летом. После того как тает снег, несколько дней идут дожди, а потом начинает немилосердно жарить солнце, превращая город в громадную парилку. Подобно прочим землякам, Шайлер очень ценила их короткую весну. Переходя после занятий вместе с Блисс Девяносто шестую улицу, Шайлер улыбнулась, заметив первые проклюнувшиеся листики этой весны. Как бы ни изменилась ее жизнь, она по-прежнему могла рассчитывать на то, что в Центральном парке расцветут тюльпаны.

Девушка сорвала с ближайшего куста крохотный желтый цветочек и воткнула в волосы. В последние месяцы перед летними каникулами в Дачезне воцарилась расслабляющая атмосфера: выпускники уже собрали все бумаги для колледжей, а учителя проводили половину занятий на открытом воздухе, во внутреннем дворе.

Блисс сообщила, что о Дилане позаботились, и совсем неплохо. Форсайт отнесся к юноше с большим сочувствием. Сенатор сказал Блисс, что для Дилана, вероятно, еще есть надежда, хоть он и извращен, поскольку Голубой крови для превращения в Серебряную требуется значительное время. Возможно, еще не поздно остановить этот процесс. Форсайт поместил Дилана в заведение, где ему могут обеспечить наблюдение и восстановление.

— По сути говоря, он в центре реабилитации, — объяснила Блисс, пока они шли по знакомым местам. По пути они уклонились от компании хмурых девчонок из Найтингейл-Бэмфорд, в их синей-белой форме. — Ты в курсе, что Чарли Банка и Хонор Лесли в прошлом году пришлось отправить в «Переходный период»? Все думали, что это из-за наркотиков, — сообщила Блисс.

Эти двое учеников Дачезне, о которых она упомянула, в свое время исчезали из школы на месяц. Шайлер кивнула.

— Угу.

— Ну так вот, никакие они не наркоманы. Просто одурели от трансформации. У них начались галлюцинации, в голове спуталось прошлое и настоящее. Они стали нападать на людей в нарушение

кодекса. Потому их туда и послали, чтобы с этим всем разобраться. Реабилитация — неплохое прикрытие. Люди считают, что там лечат от наркомании, и в некотором смысле это правда.

Шайлер всегда изумляло, как вампиры находят способы замаскировать свою реальную жизнь, встраиваясь в нормальное человеческое общество, но Блисс объяснила, что на самом деле все обстоит ровно наоборот.

Несомненно, клиники Мэйо, Хазелден и все прочие знаменитые реабилитационные центры были основаны Голубой кровью. А к проблемам обычных людей медики обратились, когда это сделалось модно.

— Как ты думаешь, он поправится? — спросила Блисс.

Шайлер не хотелось давать подруге ложную надежду, но ей показалось, что ответить «нет» будет слишком жестоко.

— Я уверена, что они сделают все, что только можно.

Блисс вздохнула.

— Ну да.

Они договорились через несколько дней навестить Дилана, и Шайлер распрощалась с Блисс на углу Восемьдесят шестой улицы, чтобы поймать автобус до Пятой авеню.

Всю неделю она гнала от себя мысли о предупреждении Мими. А вдруг Мими сказала правду? Вдруг она подвергает Джека опасности? Шайлер хотела расспросить об этом Лоуренса, но ей было стыдно. Что он скажет ей? «Ты, должно быть, заметила, что его влечет к тебе. Слава богу, что ты к нему не тянешься. Это навлекло бы беду на вас обоих».

И как ей теперь сказать дедушке, что он ошибался? Что она отвечает на чувства Джека Форса? Что он считает ее сильной, а она — слабая и безвольная. Шайлер просто не могла этого сделать. Она уверила себя, что в любом случае не может беспокоить деда такой чепухой, как ее любовная жизнь: он ведь сейчас уехал разбираться с проблемой, грозящей самому существованию Голубой крови. Она уже начала беспокоиться о Лоуренсе, который несколько дней не давал знать о себе.

Дедушка с недоверием относился к обычным средствам связи, и

после прибытия в Рио он поддерживал связь с внучкой и сообщал, что все в порядке, исключительно посредством телепатии. До сих пор он жаловался лишь на погоду (жарко) и еду (слишком острая). О проблеме Корковадо он помалкивал, и Шайлер не знала, хороший это признак или плохой.

Спросить Джека о зловещих предсказаниях его сестры тоже не было возможности. Им не удавалось встретиться с того самого вечера, как Дилан напал на Шайлер. Шайлер знала, что Мими следит, чтобы у Джека не было и минуты свободной.

Когда Шайлер добралась до городского особняка Форсов, Джек сидел в гостиной и разговаривал с отцом. Чарльз был в купальном халате. Бывший глава Голубой крови теперь проводил целые дни в своем кабинете. Похоже было, что он сегодня даже не принял душ. Шайлер почувствовала жалость и раздражение. Чарльз причинил ей много боли. Из-за него она лишилась всего, что любила. Она верила в его угрозы, но в последнее время похоже было, что Чарльз представляет угрозу лишь для себя самого. Но потом она осознала, что, если бы Чарльз не притащил ее к себе домой, вероятно, им с Джеком никогда бы не представилась возможность узнать, насколько сильно они на самом деле нравятся друг другу.

Джек улыбнулся.

— Привет. Ты сегодня рано.

— Доехала на автобусе, — отозвалась Шайлер, поставив сумку со школьными принадлежностями на ближайший стол.

Ей было неуютно в этом доме — но, с другой стороны, уже надоело ходить здесь на цыпочках, как будто она тут чужая.

— Привет, Шайлер, — буркнул Чарльз.

— Добрый день, Чарльз, — холодно поздоровалась Шайлер.

Бывший регис затянул потуже пояс халата и, шаркая, удалился в свою берлогу, оставив Шайлер и Джека одних.

— Она здесь? — поинтересовалась Шайлер, оглядев шикарное помещение, служившее Форсам гостиной.

Комната, отделанная в роскошном, французско-викторианском стиле, была забита редким антиквариатом, потрясающими произведениями искусства, достойными музея, и великолепными

тканями. Ощущения подсказывали Шайлер, что Мими в доме нет, но кто же ее знает, лучше подстраховаться.

— Нет. Она на какой-то дегустации, — отозвался Джек.

Шайлер села рядом с ним на кушетку-визави шестнадцатого века — ее так прозвали за то, что сидящие на ней были повернуты лицом друг к другу.

— Джек... — Шайлер посмотрела юноше в лицо. Такое любимое лицо. — Я хочу тебя кое о чем спросить.

— Давай, — согласился Джек, вытягивая ноги перед собой и закинув руку на спинку кушетки, так, что пальцы легонько коснулись плеча Шайлер.

От этого едва заметного прикосновения девушка затрепетала.

— Это правда, что узы между тобой и...

— Я не желаю говорить про узы, — оборвал ее Джек и убрал руку.

Лицо его сделалось холодным, и на мгновение Шайлер увидела проблеск его истинной природы — природы темного ангела. Того самого ангела, что принес разрушение в рай. Того самого, которому предстояло в будущем протрубить в трубу апокалипсиса. Это был лик Аббадона, принудителя, сокрушающего, самого опасного воина в воинстве Всемогущего.

— Но я хочу знать...

— Тсс. — Джек повернулся к ней и коснулся ее щеки. — Не стоит...

— Но Мими...

Стоило Шайлер произнести это имя, как она ощутила присутствие у входной двери. Мими была дома — или должна была вот-вот войти. Шайлер в мгновение ока, на максимальной вампирской скорости покинула гостиную, помчалась к себе в спальню и захлопнула за собой дверь.

Когда считанные секунды спустя Мими вошла в гостиную, неся несколько пакетов с покупками, она обнаружила там лишь Джека, читающего книгу.

Вечером Шайлер и Джек тоже не остались одни. Несколько

часов спустя все семейство собралось на обязательный общий ужин. Тринити Барден, мать близнецов, требовала, чтобы раз в неделю дети были вечером дома и ужинали вместе с родителями. Когда-то Шайлер мечтала о настоящей семье, о жизни, в которой есть любящая мать, внимательный отец и братья с сестрами, поддразнивающие друг друга над тарелками с картошкой и мясом.

Конечно же, у Форсов ничего этого не было.

Домашние трапезы накрывали в парадной столовой, за таким огромным и устрашающим столом, что между сидящими было по добрых два фута. Каждое блюдо подавал на серебряном подносе слуга, а меню никогда не изменялось: оно всегда состояло из блюд французской кухни, всегда было обильным и сложным, и все всегда было очень вкусным. И тем не менее Шайлер скучала по несложным, наскоро приготовленным кушаньям Хэтти и такой же простой сервировке макарон с сыром или жареной картошки, не требовавших непременно присутствия красного вина и иностранного акцента.

Разговор был вялым или вовсе отсутствовал. Чарльз по-прежнему пребывал где-то в собственном мире, а Тринити тем временем пыталась втянуть близнецов в поверхностную беседу об их жизни. Джек отвечал любезно, а Мими — коротко и резко. По крайней мере, хоть еще кто-то кроме Шайлер считал эти совместные ужины фарсом и пустой тратой времени.

— У нас с Джеком есть новость, — заявила Мими, когда подали десерт, персики в вине. — Мы выбрали дату заключения уз.

Шайлер попыталась сохранить невозмутимый вид, но не удержалась и уставилась на Джека. Тот выглядел таким же бесстрастным, как и всегда. Их заключение уз! Так скоро...

Мими взяла брата за руку.

— Немного рановато, тебе не кажется? — спросила Тринити. Вид у нее был несколько обеспокоенный. — У вас впереди много времени.

«Да, — подумала Шайлер. — Прорва времени. Возможно, целая вечность». Чарльз кашлянул.

— Тринити, не забывай, что для нас возраст — это иллюзия. Ты начинаешь думать как Красная кровь. Чем скорее они заключат уз, тем сильнее станут. Итак, тост. За близнецов!

— За нас! — радостно завопила Мими, чокнувшись с Джеком.

Хрустальные бокалы зазвенели, словно колокол.

— За близнецов, — прошептала Шайлер.

Она отпила вина, но оказалось, что проглотить его она не в силах.

Тем же вечером, позднее, когда Шайлер уже спала, ей пришло сообщение от Лоуренса. Он объяснил, что во сне устанавливать связь легче. Она не так бьет по органам чувств, а спящее сознание не отвлекается на посторонние раздражители.

«Корковадо в безопасности. Все в порядке».

Глава 21

Мими подумала, что нанять Лизбет Тилтон было наилучшим решением из всех возможных — с чем она себя и поздравила. Лизбет правила всем железной рукой, и вскоре все нужные места были забронированы на требуемые даты, контракты составлены, бюджет подбит, задатки внесены. Тринити с Мими уже просмотрели цветные схемы и меню с поставщиком провизии и дизайнером интерьера. Все работало как часы. Хотя если судить по тому, как вел себя Джек, можно было подумать, что это часы Судного дня.

— Ты не в курсе, что там затевается? — поинтересовался он следующим вечером, встретившись с Мими в гостиной Тринити.

Их «мать» — Мими всегда произносила это слово в мысленных кавычках, поскольку Тринити была ей матерью не больше, чем Джек братом, — попросила, чтобы они зашли к ней после ужина. Она дала понять, что хочет поговорить с ними о чем-то важном, касающемся заключения ими уз.

— Есть у меня одна догадка, — улыбнулась Мими.

Она взъерошила волосы Джека, а он в ответ обнял ее за талию и привлек к себе. Они всегда были нежны друг с другом, и хотя Мими знала, что Джек продолжает вести себя двулично, она не могла заставить себя озлобиться на него. Джек не соглашался заключить узы в этом цикле настолько рано, но, с другой стороны, ничего не делал, чтобы этому помешать.

Возможно, флирт с Шайлер — действительно просто флирт, и не более того. Может, Джек просто развлекается с нею. Сделал из нее эдакий гарнир. Это Мими вполне могла понять. Она сама нашла вкусенького нового фамильяра, и на днях у нее так разыгрался аппетит, что она чуть не убила парня. Ну да ладно, поправится. Недели отдыха в отдалении от одной белокурой вампириши будет вполне достаточно.

Мими с одобрением огляделась по сторонам. Домашний кабинет Тринити в кругу ее знакомых славился как образец роскоши и безупречного вкуса. На обитых бархатом стенах висели портреты аристократов восемнадцатого и девятнадцатого столетия кисти Вигеле Брун и Винтергальтера. В углу стояло фортепиано фирмы «Эрар»

— то самое, на котором играл Шопен, сочиняя свои этюды. Бонёр дю жур, маленький, элегантный письменный столик, на котором Тринити подписывала карточки (обычным ее отзывом на званый обед у друзей было «браво!»), изначально был сделан по заказу для Большого Трианона .

Мими решила, что, когда она получит свое грандиозное наследство и они с Джеком купят собственный дом, она наймет этого же художника по интерьеру.

Несколько минут спустя Тринити вошла в кабинет; в руках у нее были два длинных футляра из черного дерева, украшенные золотой филигранью. Чувства Мими смешались, на нее обрушился вал воспоминаний, и внезапно она поняла, для чего они здесь.

— Но где же Чарльз?! — воскликнула она. — Мы же не можем сделать это без него!

— Я пыталась, дорогая. Но он не желает выходить из кабинета. Он просто...

Тринити едва заметно повела плечом. Мими поняла, что мать неукоснительно придерживается жестких рамок этикета. Как бы ни тревожило ее нынешнее состояние мужа, она ни за что не признает этого и никак не проявит внешне своего раздражения. Тринити относилась к тем женщинам, которые по сути своей не приспособлены к закатыванию сцен.

Форсы не говорили между собой о том состоянии, в которое впал Чарльз после того, как утратил пост региса. Оно озадачивало и тревожило их, но поделать они ничего не могли. Они предполагали, что в один прекрасный день Чарльз просто сам из него выйдет. А тем временем компанией, основной и всеми дочерними, руководил высокопрофессиональный Совет директоров, переставших осведомляться, когда их председатель и основатель появится на совещании.

— Все в порядке, — заверил свою близняшку Джек. Он тоже понял, что должно сейчас произойти, и не смог скрыть волнение. — Мы в нем не нуждаемся.

— Ты уверен? — спросила Мими. Вид у нее сделался разочарованный. — Но без благословения архангела...

— Они не станут менее смертоносны, — заверил ее Джек. —

Ничто не изменит их силы. Она исходит от нас двоих. — Он кивнул Тринити. — Может, начнем, мать?

Тринити склонила голову.

— Это честь для меня — провести сей ритуал.

Она тихо прикрыла дверь и сделала верхний свет менее ярким. Футляры на кофейном столике засветились мягким, размытым светом.

— Я сожалею о том, что так поспешно высказывала суждения о скоропалительности заключения вами уз. Я ошибалась. Простите меня. Возможно, причина кроется в том, что сама я более не связана со своим близнецом.

Мими знала историю Тринити. Истинное имя Тринити было Сандалфон, ангел безмолвия. Ее близнец погиб от рук Серебряной крови во время битвы в Риме. Тринити заключила брак с Чарльзом лишь в том смысле, какой в это вкладывала Красная кровь, — после того как его близнец, Аллегра, разорвала их узы. Это был брак по расчету, и не более того. Тринити до сих пор оплакивала кончину ангела Салгиэла.

Тринити открыла футляры. В них лежали два меча в ножнах, изукрашенных драгоценностями. Мечи, которые они спрячут под своими одеяниями на церемонии заключения уз. Мечи, которые им отныне будет дозволено использовать в битве против Кроатана.

Тринити взяла первый меч, не доставая его из ножен, и повернулась к Джеку.

— Преклони колени, Аббадон.

Джек поднялся со своего кресла, приблизился к Тринити и встал перед ней на колени, склонив голову. Тринити подняла меч над его головой.

— Властью, данной мне Царствием Небесным, я, Сандалфон, жалую тебе все права и привилегии, связанные с законным владением Эверсор Орбис.

Разрушитель миров.

Затем она легонько ударила Джека мечом сперва по правому, потом по левому плечу.

— Встань, Аббадон Темный.

Джек встал и принял меч. На губах его играла зловещая улыбка. Тринити с гордостью улыбнулась. Затем она повернулась к Мими.

— Преклони колени, Азраил.

Мими замешкалась на секунду — из-за высоких каблучков. Тринити взяла второй меч и воздела его над головой.

— Властью, данной мне Царствием Небесным, я, Сандалфон, жалую тебе все права и привилегии, связанные с законным владением Эверсор Лумен.

Разрушитель света.

Мими почувствовала, как меч поочередно коснулся ее плеч. Она поднялась, улыбаясь до ушей. Девушка повернулась к Джеку. Тот кивнул. Близнецы извлекли мечи из ножен и вскинули их, устремив к небесам.

— Мы принимаем это оружие по нашему священному праву. Скованные на небесах, сброшенные на землю, они — наши спутники в поиске Искупления.

Когда они закончили литанию мечей, Тринити присоединилась к ним.

— Используйте их лишь при крайней необходимости. Скрывайте их от врагов. Наносите удар лишь для того, чтобы убить.

Хотя они получали свои мечи при каждом заключении уз на протяжении столетий, по делу эти мечи не обнажались уже тысячелетие. Серебряная кровь была побеждена — или, во всяком случае, так они полагали. Мими смотрела на свое сверкающее оружие с трепетом и восторгом. Она помнила его тяжесть и остроту клинка. Помнила ужас, который оно некогда вызывало у врагов.

Она заметила, как Аббадон держит свой меч — нежно, с любовью. Меч — продолжение тебя самого. Уникальное, незаменимое, незабываемое. Вампирские мечи меняли форму, цвет и размер. При необходимости они могли становиться широкими, как секира, или узкими, как игла.

При заключении уз этот меч будет у ее бедра, под шелковой нижней юбкой, придающей платью пышность.

Тринити снова включила свет на полную мощность.

— Ну, тогда у меня все.

Она кивнула, как будто они поговорили о каких-то обыденных мелочах, а не совершили нечто дивное, изменяющее жизнь. В окно лился свет, на улице сигналили машины, факс Тринити попискивал, принимая копию очередной статьи, в которой говорилось о ней, и трудно было поверить, что мир полон первозданных, сокрытых опасностей. Так же трудно, как совместить в сознании мир электронной почты и круглосуточных каналов теленовостей с миром стали и крови.

Но именно это и проделывал их народ: они развивались, они приспособлялись, они выживали.

— Круто, — произнес Джек, когда они покинули мать и двинулись по своим делам.

— А то! — кивнула Мими, сунув футляр черного дерева под мышку.

Она поднялась к себе в комнату и спрятала его в шкаф, за подставку для туфель.

Мими опаздывала на пилатес. Если она хочет быть самой красивой невестой, какую видел Комитет, надо немедленно тащить свою задницу в спортзал. Нужно подправить форму рук.

Личное дело Корделии ван Ален

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

9 мая 1993 года

Дорогой Форсайт!

Как тебе известно, я высоко ценю твою непоколебимую верность и дружбу по отношению к семье ван Ален. Меня беспокоит, что мы в последнее время отдалились друг от друга из-за твоего решения занять должность в госучреждении Красной крови в нарушение кодекса. Хотя я не считаю твой выбор правильным, я его

уважаю.

Я пишу это письмо, дабы попросить тебя еще раз обдумать твое решение не приводить в твое семейство новый дух хранителя.

Я вынуждена настаивать на том, чтобы ты пересмотрел его. Сейчас нам более, чем когда-либо, необходима бдительность и мудрость хранителя, дабы направлять нас на пути. Я боюсь, Форсайт, что Чарльз с его заносчивостью навлечет на наш народ беду.

Форсайт, я взываю к нашей дружбе, прими в свою семью хранителя. Как меру предосторожности против Тьмы.

Твой друг,

Корделия ван Ален

Глава 22

Лечебно-восстановительный центр «Переходный период» располагался в крупном университетском городке на севере штата Нью-Йорк. Оливер предложил отвезти Блисс с Шайлер, поскольку он недавно получил водительские права, а с ними — крутой новый пятисотый «мерседес». Этот приземистый, выполненный по особому заказу серебристый внедорожник был его последним предметом гордости.

Шайлер рада была возможности убраться куда-нибудь. Она чувствовала себя виноватой за то, что произошло с Диланом, за то, как сильно они его подвели, затянув с сообщением Комитету о его состоянии. Остается надеяться, что старейшины выберут наилучший образ действий. Блисс сообщила друзьям, что отец заверил ее: Дилану не причинят там никакого вреда и обеспечат ему наилучший уход, какой только возможно. Но все-таки она хотела увидеть все собственными глазами. Все они этого хотели.

Шайлер заметила, что сидевшая на заднем сиденье Блисс металась между унынием и несколько нездоровым весельем. Когда они только выехали, Блисс была мрачна и молчалива — вероятно, беспокоилась о Дилане и переживала, в каком состоянии они его найдут, и Шайлер обрадовалась, когда на середине пути подруга приободрилась и принялась энергично трепаться по спутниковому телефону.

— Хотите? Они с арахисом, — предложила Блисс, протянув большой вскрытый оранжевый пакет драже «M&M's».

— Нет, спасибо, — отказался Оливер, не отрывая взгляда от дороги.

— Давай, — согласилась Шайлер.

Даже забавно, насколько Комитет не в силах предсказать всего: хоть они и были вампирами, вкуса к сладостям не потеряли.

Приятно было покинуть Дачезне хотя бы на день. Вся школа (во всяком случае, вся Голубая кровь) уже знала подробности грядущего заключения уз между Мими и Джеком, и вокруг только и было разговоров, что об этом. Прочие же считали, что Форсы устраивают

отпадную вечеринку, куда их опять не пригласят, и в определенном смысле их предположение было абсолютно верным. Шайлер уже тошнило от трепа про платье Мими и от сравнений этого заключения уз с другими из их общей истории. Пайпер Крэндалл то и дело напоминала всем вокруг, что она уже трижды была подружкой Мими на свадьбе.

Мысль о том, что Джек и Мими были вместе столь беспредельно долго, вгоняла в уныние. Шайлер никак в это не верилось, но думать об этом вот прямо сейчас она не желала и, чтоб отвлечься, играла с кнопками новенького сверкающего автомобильного компьютера в передней панели.

— Слушай, это похоже на самую роскошную армейскую машину в мире. Ты только глянь! Это ж как пить дать кнопка для запуска М-пятнадцать! — пошутила Шайлер.

— Осторожно! Эта красная кнопка уничтожает мир! — откликнулся Оливер.

Следуя указаниям навигатора, он проехал через мост Джорджа Вашингтона. Транспорта на автостраде было мало.

Они впервые за весь семестр прогуляли школу. Ученикам Дачезне дозволялось несколько прогулов в год. Школа была настолько прогрессивна, что даже бунт там оказался вписан в учебный план. Некоторые ученики — та же Мими Форс — выжимали из этой стратегии все, что только можно, но большинство такой возможностью не пользовались. Школа была забита «ботаниками», готовыми торчать в классе сколько угодно, лишь бы не упустить шанс попасть в университет Лиги плюща. Каждый день был на счету.

— Вот испорчу я из-за этого свой средний балл! — пожаловался Оливер.

Он оглянулся через плечо, перед тем как перестроиться из полосы в полосу, и обогнал «хонду», ехавшую ниже предельно допустимой минимальной скорости.

— Слушай, да расслабься ты, наконец, — не выдержала Шайлер. — Все уже унялись, после того как получили письма из вузов.

Оливер иногда бывал просто жутким занудой. Все строго по правилам. Когда дело касалось учебы, он просто-таки циклился на этом.

— А разве ты не идешь в Гарвард, как все твои? — поинтересовалась Блисс.

— Университет — это такая странная штука, — задумчиво пробормотала Шайлер.

— Я понимаю, о чем ты. Знаешь, пока мы не узнали про Комитет, я думала, что, может, пойду в Вассар. На историю искусств или что-нибудь в этом духе, — сказала Блисс. — Мне вроде как нравилась идея изучать искусство Северного Ренессанса, а потом работать в каком-нибудь музее или галерее.

— В каком смысле — «вроде как нравилась»? — переспросила Шайлер.

— Да, кстати, а почему ты думаешь, что теперь этого не будет? — спросил Оливер, переключая радио с одной станции на другую.

Эми Вайнхаус пела о том, как она не хочет идти в больницу. «Нет! Нет! Нет! Нет!» Шайлер встретила взглядом с Оливером, и они улыбнулись друг другу.

— Блин, ребята, не вижу ничего смешного! Выключите это или смените волну! — потребовала Блисс. — Не знаю. Что-то мне не кажется, что я пойду в университет. Иногда у меня такое ощущение, будто я лишена будущего, — произнесла девушка, скручивая ожерелье.

— Да брось ты! — возразила Шайлер. Она развернулась лицом к Блисс, пока Оливер искал что-нибудь более подходящее по спутниковому радио. — Конечно, ты пойдешь в университет. Все мы туда пойдем.

— Ты вправду в это веришь? — с надеждой спросила Блисс.

— Абсолютно.

Через несколько минут разговор сошел на нет, и Блисс задремала. Шайлер на переднем сиденье принялась выбирать музыку — Оливер на этот раз уступил ей права диджея.

— Тебе нравится эта песня? — спросил он, когда девушка остановила свой выбор на станции, транслирующей Руфуса Вайнрайта.

— А тебе нет? — отозвалась Шайлер с таким ощущением, будто ее застучали на горячем.

Это была та самая песня, которую они с Джеком всегда включали на своих встречах. Шайлер думала, что сможет отключиться, слушая ее в машине. В Оливере было что-то от эмо. Шайлер часто его дразнила, утверждая, что его музыкальные вкусы движутся в сторону музыки для отключки.

— Думаешь, она мне должна нравиться? Вовсе нет.

— А почему?

Оливер, искоса взглянув на Шайлер, пожал плечами.

— Ну... она какая-то вязкая, что ли.

— Это в каком смысле? — удивилась Шайлер.

Юноша пожал плечами.

— Ну, не знаю. Просто у меня такое ощущение, что любовь не может быть такой... тоскливой и тревожной. Ну, раз уж она сложилась, так не должна быть такой мучительной.

Шайлер хмыкнула и подумала, не переключить ли радио на другую станцию. Ей вдруг показалось вероломством слушать здесь песню, напоминающую о другом парне.

— Экий ты неромантичный.

— Да, я такой.

— Это потому, что ты никогда не влюблялся.

— Ты же знаешь, что это неправда.

Шайлер умолкла. За прошлый месяц они дважды исполняли церемонию Оскулор. Шайлер понимала, что ей следует взять других фамильяров — вампирам полагалось чередовать своих людей, чтобы не изнурять их чрезмерно, — но оказалось, что она способна протянуть, не питаясь, дольше, чем думала. И Шайлер воздерживалась от того, чтобы взять себе еще кого-то. Она не была уверена, одобрит ли это Оливер.

Но Шайлер не хотела думать об их отношениях — о дружбе или чем бы это ни было. После той неистовой вспышки Оливера в «Одеоне» такого больше не случалось. Девушке хотелось развеять напряженность, начавшуюся — она это чувствовала — сгущаться в салоне автомобиля.

— Да ты даже не сможешь назвать ни единого романтического фильма, который тебе нравится, — попыталась она поддразнить Оливера.

Прошло несколько минут, а Оливер все копался в памяти, и Шайлер исполнилась самодовольства.

— «Империя наносит ответный удар», — в конце концов, произнес Оливер и посигналил «тойоте-приус», мечущейся по ряду.

— «Империя наносит ответный удар»? Из «Звездных войн»? Вовсе он не романтический! — хмыкнула Шайлер, вертя в руках пульт от кондиционера.

— Напротив, радость моя, он очень романтический. Вот помнишь последнюю сцену, где Хэна засовывают в ту холодильную криогенную камеру, или как там эта штука называлась?

Шайлер буркнула в ответ нечто невнятное.

— А Лея наклоняется через край и кричит: «Я люблю тебя!»

— Фигня это полная, а никакая не романтика! — заспорила Шайлер, хотя ей и самой нравился этот момент.

— Дай я объясню. Романтика там в том, что Хэн говорит в ответ. Помнишь, что он ей сказал? Ну, после этого ее «я люблю тебя»?

Шайлер ухмыльнулась. Может, Оливер в чем-то и прав.

— Хэн говорит: «Я знаю».

— Вот именно! — Оливер легонько постучал по рулю. — Ему не надо говорить всякие банальности вроде «я люблю тебя». Потому что это и так уже ясно. В этом-то и заключается романтика.

На этот раз Шайлер пришлось-таки признать его правоту.

Глава 23

Когда Блисс проснулась, сидевшие впереди Шайлер с Оливером переругивались.

— О чем на этот раз спорите? — поинтересовалась Блисс, протирая глаза.

— Ни о чем! — хором отозвались они.

Блисс безропотно приняла их скрытность. У этой пары постоянно были какие-то секреты от нее, даже если они того и не хотели.

— Ладно, думаю, тогда мы можем остановиться перекусить, — в конце концов, сказала Шайлер.

А, так вот в чем было дело. Эти двое ссорились по любому поводу. А после того как Оливер стал фамильяром Шайлер, все стало еще хуже. Они еще больше сделались похожими на пару с солидным семейным стажем. Внешне, правда, они старались делать вид, будто их дружба ни в чем не изменилась. Блисс это вполне устраивало. Она не знала, смогла бы перенести, если бы Шайлер с Оливером принялись публично демонстрировать свои чувства.

Оливер пожал плечами.

— Я просто сказал, что Дилану не полегчает, если мы приедем к нему голодными.

Они свернули на площадку для стоянки и отдыха, присоединившись к усталым путникам в очереди к торговым автоматам и кафе «фастфуд».

Оливер заметил, что одна из новых особенностей тех, кто вырос в городе, — поголовное пристрастие к пригородным забегаловкам. На Манхэттене никому из них даже в голову не пришло бы зайти в «Макдоналдс» — там подобные заведения в общем и целом считались пригодными разве что для бездомных, — но стоило вырваться из города, как правила тут же изменялись и никто не трудился есть дорогие бутерброды «панини» и драгоценный органический зеленый салат. Всех так и тянуло к безразмерным порциям.

— Уф, меня аж мутит, — сказала Блисс, допив остатки молочного коктейля.

— А меня, наверное, сейчас стошнит, — заявил Оливер, скомкав обертку от жирного гамбургера, и вытер руки — на это ему понадобилось несколько салфеток.

— Да, есть это прикольно. Но вот потом... — согласилась Шайлер, все еще поклевывавшая жареную картошку.

— А потом такое ощущение, будто вот-вот сблюешь. Или будто твой уровень холестерина взлетел до небес, — согласилась Блисс, скорчив рожу.

Когда они вернулись в машину, их начало клонить в сон после плотной еды, и потому в салоне было тихо. Полчаса спустя на экране навигатора вспыхнула яркая надпись: «Вход справа, 500 метров», и Оливер, повинаясь указателям, поехал вверх по пандусу и дальше по дороге, на автостоянку.

Территория реабилитационного центра была безукоризненно чистой. Центр скорее походил на пятизвездочный курорт, куда отправляются знаменитости, чтобы спрятаться после даром пропавшего уик-энда, чем на дорогое лечебное заведение для сбившихся с пути вампиров. На лужайке им попалась группа, занимавшаяся тай-цзи; еще несколько энтузиастов тренировались в йоговских позах, а одна группа сидела кружочком прямо на траве.

— Групповая терапия, — прошептала Блисс, пока они шли к центральному входу главного здания. — Я спрашивала Хонор, как оно тут, и она сказала, что в центре много занимаются терапией, посвященной возвращению к прошлым жизням.

При входе с ними поздоровалась худощавая загорелая женщина в белой футболке и брюках. Выглядело это скорее модно, чем по-больничному, словно в каком-нибудь нью-эйджевском ашраме.

— Могу я чем-нибудь вам помочь? — дружелюбно поинтересовалась женщина.

— Мы приехали навестить друга, — сказала Блисс, как-то по факту оказавшаяся представителем их троицы.

— Как его зовут?

— Дилан Вард.

Женщина-консультант сверилась с компьютером и кивнула.

— У вас имеется разрешение сенатора на посещение этого пациента?

— Э-э... вообще-то я дочь сенатора, — сообщила Блисс и показала женщине свое удостоверение личности.

— Прекрасно. Он в северном кампусе, в отдельном коттедже. Идите по дорожке от двери, там будут указатели. — Она вручила им бейджики посетителей. — Время посещения — до четырех часов. Кафе в главном здании. Сегодня международный день — кажется, вьетнамский. Вам нравится суп-лапша?

— Мы уже поели, — отозвался Оливер, и Блисс показалось, будто про себя он подсмеивается. — Но все равно спасибо.

— А тут неплохо, — заметила Шайлер, когда они шли через территорию центра, густо засаженную зеленью.

— Комитет, надо отдать ему должное, хорошо потрудился. Для вампиров — только все самое лучшее, — кивнул Оливер, надевая солнечные очки.

Блисс прямо не верилось, насколько тут все спокойно и организовано. Так это сюда помещают представителей Голубой крови, у которых возникают проблемы? Возможно, она допустила ошибку, так долго пряча Дилана. Очевидно, ему и вправду могут тут помочь. Понемногу напряжение отпустило девушку, и настроение ее сделалось более оптимистичным. Некоторые пациенты махали им рукой, когда они проходили мимо.

Комната Дилана находилась в одном из самых симпатичных коттеджей, с белым деревянным заборчиком и кустами роз под окном. В прихожей сидела медсестра.

— Он спит. Но давайте посмотрим — может, он все-таки примет гостей, — сказала она.

Медсестра скрылась в главной комнате; слышно было, как она негромко, мягко разговаривает с Диланом.

— Он готов принять вас.

Медсестра улыбнулась и жестом предложила друзьям пройти

внутри.

Блисс выдохнула; она лишь сейчас поняла, что все это время стояла, затаив дыхание. Дилан определенно выглядел лучше. Он сидел на кровати. На Щеках его играл румянец; юноша поправился и уже не казался изможденным. Черные волосы были подстрижены и больше не спускались прядями на лицо, ныне гладко выбритое. Дилан выглядел почти что прежним — тем самым парнем, который в церкви изображал, будто играет на гитаре, лишь для того, чтобы позлить преподавателей.

— Дилан! Слава богу! — воскликнула Блисс.

Она была счастлива видеть, что ему стало лучше. Юноша любезно улыбнулся.

— Мы с вами знакомы? — спросил он.

Глава 24

— Иногда прошлое способно ослепить нас, застит от взгляда то, что происходит сегодня, — произнес глава стражей, начиная свою лекцию. — Именно потому мы так долго отрицали существование Серебряной крови. Наше прошлое говорило нам, что они более не представляют собой угрозы; ослепленные своим прошлым, мы даже не видели их существования. Мы забыли, какова была заря нашей истории. Забыли о Великой войне. О наших врагах. Мы стали самодовольными и уязвимыми. Зажравшимися, жирными, ленивыми и невежественными.

«Очень уместное замечание для того, у кого жилет на пузе так натянут, что пуговицы вот-вот отлетят», — подумала Шайлер.

Тянулось очередное понедельничное собрание Комитета. Скудное заседание — сегодня они не должны были отрабатывать мутацию.

Рядом с Шайлер сидели Блисс и Оливер. Судя по их лицам, им было так же скучно, как и ей самой. Посещение «Переходного периода» лишило их всех душевного равновесия, а на Блисс действовало сильнее всего. Шайлер сама не знала, чего они ждали, но того, что воспоминания и личность Дилана окажутся полностью стерты, они не ожидали точно.

Ну да, по Дилану не похоже было, что он собирается пришибить их ментальным ударом или сыпать обвинениями, обзывая их приспешниками Сатаны, но он был вообще не похож на себя прежнего. Он был любезным, приятным и до невозможности нудным.

Никого из врачей, чтобы расспросить их, поблизости не оказалось, а медсестра не могла им ничего сказать, кроме того что Дилан, насколько она понимает, «в порядке». Он послушно ходил на все сеансы терапии и «делал успехи».

Шайлер знала, что Блисс винит во всем себя, но от них здесь ничего не зависело. Никто из них понятия не имел, как можно исправить то, что произошло с Диланом. Шайлер пыталась утешить подругу, как могла. Она понимала, как паршиво было бы ей самой, если бы она увидела Джека в таком состоянии. Если бы он и не смотрел в ее сторону, как будто вообще ее не знает. А ведь именно

это и произойдет, как только он заключит узы с Мими. Он совершенно и бесповоротно забудет о Шайлер. Забудет обо всем, что они значили друг для друга.

Шайлер попыталась сосредоточиться на том, что говорил страж Эрлих. Это была важная информация, но сейчас у девушки не хватало на нее внимания. Прямо перед ней сидели двойняшки Форс. Шайлер видела, как они вместе вошли в комнату; когда Джек рассмеялся над какой-то репликой сестры, Шайлер сделалось обидно.

Хотя, конечно же, он вынужден был притворяться. От всех этих приготовлений к заключению уз атмосфера в городском особняке сделалась просто ненормальной. Каждый день прибывали все новые и новые пакеты, и все больше народу являлось по вызову. Нанятый Мими организатор праздника, Лизбет Тилтон, прибыла с целой командой фотографов, стилистов, флористов и «художников звукового ландшафта» — так Лизбет назвала диджея, принятого после того, как тем же утром был уволен оркестр. Всех их притащили затем, чтобы Мими их одобрила.

Шайлер уже дурно становилось от непрерывных разговоров о грядущем событии. Не только потому, что оно навеки отнимет у нее Джека, но еще и из-за поведения Мими: Мими вела себя так, словно до нее никто и никогда прежде не заключал уз. Правда, приближающаяся церемония имела и свои хорошие стороны: теперь Мими была слишком занята, у нее не оставалось времени на мелкое воровство, и злобные проделки наконец-то прекратились.

Иногда Шайлер настолько не хватало Джека, что у нее начинало ныть под ложечкой и девушке казалось, что эта сосущая пустота никогда не заполнится. Шайлер хотелось, чтобы Джеку не нужно было скрывать, как он на самом деле к ней относится. Ей приходилось напоминать себе, что это все притворство, но иногда его безразличие казалось таким настоящим, что Шайлер стоило большого труда найти утешение в воспоминаниях об их тайных встречах. Иногда у нее возникало чувство, что она все это нафантазировала — особенно когда она видела Джека в школьном коридоре или когда он едва замечал ее присутствие в доме...

А потом под дверь ее спальни подсовывалась очередная книга, знак, говорящий, что настал безопасный момент и они могут встретиться. Последней книжкой был тоненький томик

стихов. Джон Донн. Тем вечером Шайлер, улыбаясь, поддразнивала Джека за его старомодные вкусы. Ему пришлось спросить, какую поэзию предпочитает она, а Шайлер ответила.

Тем временем стоящий на кафедре Эдмунд Эрлих продолжал свою лекцию.

— Один из приемов Кроатана — использование иллюзии для манипулирования своими врагами. Не поддавайтесь обману зрения. Пользуйтесь своим внутренним взором, дабы увидеть, кто на самом деле находится перед вами. Используйте анимадверто и ваши воспоминания прошлых жизней, чтобы принять истинно информированное решение.

Эрлих попросил Мими раздать распечатанное домашнее задание на следующую неделю. Мими заскользила по комнате с пачкой сшитых скрепками листов. Дойдя до стола Шайлер, она нарочно столкнула все ее книги на пол и неискренне ойкнула.

Шайлер хмуро взглянула на нее и подобрала книги. Она была сыта Мими по горло. И как только другие вампиры это выносят? Если ей все оставшиеся жизни придется иметь дело с этой ведьмой, так лучше уж позволить Серебряной крови прикончить себя.

Все еще продолжая злиться, Шайлер бросила взгляд на распечатку. И тут глаза ее расширились. На верхней странице было напечатано: «Вампирские узы: история».

Несколько младших членов Комитета принялись хихикать от возбуждения и смущения, а Шайлер поймала себя на том, что краснеет. Она заметила, что Оливер с задумчивым видом листает свой экземпляр распечатки, а Блисс рассеянно рисует что-то на полях.

Глава стражей, прежде чем снова обратиться к аудитории, откашлялся.

— Сегодня я хочу поговорить о вампирских близнецах. В вашем возрасте интерес к этой теме весьма силен, и мне подумалось, что можно завершить сегодняшнее собрание на более приятной ноте. С понятием уз вы знакомы. У каждого из нас есть душа-двойник, ставшая таковой еще в нашем небесном прошлом. На протяжении столетий мы в каждом цикле ищем своего близнеца, чтобы в новой жизни заново заключить с ним

узы.

Лицо Шайлер, слушающей стража, залила мертвенная бледность.

— Иногда трудно бывает узнать нашу душу-двойника в иной физической оболочке. Или — бывают такие горестные случаи — двойники снова и снова призываются в разных циклах и так теряются во мгле веков. Существуют истории о влюбленных, что тщетно искали друг друга на протяжении столетий и так и не находили.

Прямо перед Шайлер Мими принялась массировать Джеку шею.

— Однако же подобные случаи очень редки. Поскольку нас всего четыре сотни, отыскать друг друга не так уж сложно. Счастливое воссоединение обычно приводит к короткому ухаживанию и публичному объявлению на бале Четырех сотен. Узы необходимо возобновлять в каждом цикле. Возобновление уз освежает дух жизни, что течет в наших жилах. Это одна из духовных тайн.

Но возможно, именно узы легли в основу всех легенд этого мира об истинной любви.

У краснокровных даже имеется собственное название для этого — «родная душа». Они переняли многие наши традиции и обычаи. Их церемония венчания совершенно явно происходит от нашего, вампирского причащения.

Когда вы находите своего близнеца, этот период становится одним из самых счастливых и плодотворных в вашей жизни. Я знаю, что некоторые из вас уже отыскивали свои половинки, и я вас поздравляю. Узы — неотъемлемая часть нашей жизни. Они питают нас и придают нам сил. Без своего близнеца мы неполны. Мы лишь половинка себя. Только после того, как нам удастся отыскать свою душу-двойника и заключить узы, к нам полностью возвращается память и мы обретаем полную силу.

Шайлер услышала достаточно. Она взглянула на Мими с Джеком. Увидела, как играет свет на их волосах, как красивы, спокойны и далеки от всех эти двое, когда сидят вместе. Увидела и осознала по-новому, как они дополняют и уравнивают друг друга во всех отношениях: красноречие

Джека смягчало болтливость Мими, а его самообладание сдерживало ее вызывающее поведение. Они были двумя половинками одной личности. Идеально подходящей друг другу парой.

Шайлер инстинктивно чувствовала, что в душе Джека есть некий уголок, который навсегда останется недоступным для нее. Некая инаковость, которую ей никогда не удастся преодолеть.

Шайлер знала, что души-двойники редко рождаются в одном цикле в одной семье, но такое все же случалось, и в прошлом, когда у фараонов и императоров в обычае было жениться на собственных сестрах, это создавало меньше проблем.

В нынешнее же время применялось заклинание, не позволяющее Красной крови заметить ничего странного. После заключения уз Мими Форс так и останется Мими Форс, только все из Красной крови будут теперь думать, что у них с Джеком общая фамилия потому, что она приходится ему женой, а не сестрой. Воспоминания нетрудно изменить, а правда — вещь податливая.

Шайлер заметила, как Джек повернулся к Мими и ласково взглянул на нее. А Мими и без того сияла. Шайлер сделалось грустно и тяжело на сердце. И как она могла надеяться, что у нее есть хоть малейший шанс на настоящее, долгое счастье с Джеком?

«Ну неужели нельзя ничего сделать?! — с отчаянием подумала девушка. — Должен быть какой-то способ разорвать узы и обрести свободу, чтобы любить того, кого пожелаешь».

«Он есть».

Шайлер вздрогнула. На мгновение ей показалось, что в ее сознании прозвучал голос Джека. Но более она не слышала его. И все же она знала, что это произошло. Это не было плодом ее воображения. И внезапно ей стало легче на душе, и она взглянула в будущее более оптимистично.

Должна же для них существовать какая-то надежда!

Глава 25

Блисс никогда не понимала страстного увлечения Шайлер Джеком Форсом и от души желала, чтобы подруга отказалась от погони за миражом. Ничего хорошего из этого выйти не могло. Хотя Блисс вошла в состав Комитета недавно и только начала осваиваться с обычаями своего народа, одно она понимала четко: ни в коем случае не балуйся с узами. Узы — штука серьезная. Ничто и никогда не разлучит Джека и Мими. Ничто и никогда не встанет между ними. Иное даже и предположить невозможно. Блисс считала, что Шайлер всегда относилась к этому чересчур беспечно — что вообще-то было странно, если учесть, что мать Шайлер первой из их народа разорвала узы и оказалась вынуждена жить (если это можно было назвать жизнью) с последствиями своего решения. Но, как говорится, любовь слепа.

Однако после лекции Блисс воздержалась от высказываний типа «я же тебе говорила». В ее понимании это было бы не подружески. Они покинули зал заседания молча. Оливер быстро извинился и ушел еще до того, как собрание было распушено, а Шайлер всю дорогу до дома пребывала в унынии и помалкивала. Блисс не стала спрашивать, продолжают ли они с Джеком встречаться в той квартире в центре — секрет, о котором Шайлер наивно проболталась несколько месяцев назад: она как-то рассказала Блисс о конверте, подсунутом под дверь ее комнаты. В конверте был ключ и адрес. На следующий день, когда Шайлер явилась в школу раскрасневшаяся и задумчивая, Блисс сложила два и два.

Блисс винила в произошедшем Джека Форса. Он должен был понимать, что делает. Он имел доступ к мудрости своих прошлых жизней — а Шайлер была новым духом, фактически таким же слепым и глупым, как Красная кровь. Джеку следовало оставить Шайлер в покое.

Когда Блисс вернулась домой, родители, к ее удивлению, были там, хотя Боби Энн в это время обычно занималась борьбой с целлюлитом, а Форсайт вроде как уехал на неделю в Вашингтон.

Блисс положила ключи на серебряный поднос на столике и прошла по главному коридору на шум ссоры. Похоже было, будто Форсайт и Боби Энн орут друг на друга. Но вскоре Блисс осознала, что ей так кажется из-за вампирской остроты слуха. На самом же деле они разговаривали шепотом.

— Ты уверен, что обеспечил безопасность?

Это произнесла Боби Энн. Блисс никогда еще не слышала, чтобы мачеха говорила настолько взволнованно.

— Абсолютно уверен.

— Говорила же я тебе, чтобы ты от него избавился!

— А я тебе говорил, что это не будет безопасно! — огрызнулся Форсайт.

— Но кто мог его взять? Кто вообще знал, что он у нас? Он никогда не должен был заметить пропажу...

Послышался неискренний смех.

— Ты права. Он превратился в полную развалину. С ним покончено. Он только тем и занимается, что плачет и смотрит старые альбомы с фотографиями или слушает старые записи. Тринити просто вне себя. Жалкая картина. Он никак не мог узнать.

— Но кто тогда это сделал?

— Ты знаешь, кого я подозреваю.

— Но она всего лишь девчонка!

— Она не просто девчонка. И ты это знаешь.

— Но как мы можем быть уверены?

— Никак не можем.

— Если только...

Голоса стихли, и Блисс прокралась по главной лестнице к себе в комнату. Ей было любопытно, о чем это говорили родители. Такое впечатление, будто они что-то потеряли. Девушке тут же подумалось об ожерелье, которое она носила не снимая. Она так и не вернула его отцу после бала Четырех сотен. Но, с другой стороны, он и не просил его вернуть. Да

речь и не могла идти об ожерелье, поскольку Боби Энн видела его на падчерице совсем недавно и еще сказала тогда, что оно идет к глазам Блисс.

Девушка положила вещи и взялась за телефон. После поездки в больницу у нее весь день из головы не шли мысли о Дилане. Блисс не могла поверить, что он вообще ее не помнит. Думая о нем, она не знала, смеяться ей или плакать. Девушка сменила одежду, которую надевала в школу, на удобную домашнюю. Потом тихонько прошла на кухню. Там Блисс обнаружила Джордан, примостившуюся за отдельным столиком и корпевшую над домашним заданием.

— Что-то стряслось? — спросила Джордан, оторвавшись от книги.

Девочка была отличницей по всем предметам — Блисс такие успехи и не снились, пока в ней не заговорила вампирская кровь.

Блисс покачала головой.

— Ничего.

— Это все из-за того парня? Из-за твоего друга? — не унималась Джордан.

Блисс вздохнула и кивнула.

К ее облегчению, сестра не стала на нее давить и расспрашивать дальше. Вместо этого Джордан переломила свою плитку «Тоблероне» напополам. Это были любимые конфеты Джордан, и девочка тайком держала их запас в своей комнате, потому что Боби Энн вечно шпыняла ее по поводу лишнего веса.

— Спасибо, — поблагодарила сестру Блисс и откусила кусочек. Шоколад, тающий на языке, был восхитительным на вкус. Блисс была тронута. Сестренка пыталась подбодрить ее единственным доступным ей способом. — Может, тебе чем-нибудь помочь? — поинтересовалась она, чтоб показать, что ценит заботу Джордан.

— Да нет, не стоит. — Джордан покачала головой. — Ты все равно ни фиги не сечешь в математике.

Блисс рассмеялась.

— Тут ты права. — Она принялась щелкать кнопками пульта от небольшого плазменного телевизора, висящего над столом. — Тебе не будет мешать? — спросила Блисс, переходя с канала на канал.

— Не.

Блисс доела шоколад, глядя в телевизор, а Джордан тем временем продолжала корпеть над своей математикой. Когда несколько часов спустя Форсайт и Боби Энн вошли в кухню, чтобы поужинать всей семьей, сестры все так же тихонько сидели бок о бок.

Глава 26

Комитет созвали на чрезвычайное заседание, а когда оно завершилось, Мими, к своему удивлению, обнаружила под дверью Блисс.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она, закидывая ремень спортивной сумки на плечо.

Мими сдернули в Башню Форсов прямо с середины двухчасовой кардиотренировки. Она не успела ни переодеться, ни навести глянец — даже волосы как прилипли к вспотевшему лбу, так и остались.

— Форсайт забрал меня из школы и, когда получил вызов, так и повез меня с собой, — объяснила Блисс. — Что случилось?

— А твой отец тебе не сказал? — Мими, вытирая лицо впитывающей повязкой с запястья, заколебалась.

— Какая-то история с украденным мечом? — спросила Блисс.

Мими пожала плечами, не подтвердив предположения Блисс. Бывшая подруга ее особенно раздражала; с точки зрения Мими, Блисс в мироздании отводилось место посредственности, а не вернувшейся после отсутствия королевы. Однако же городские шишки и законодатели мод, похоже, души не чаяли в рыжеволосой амазонке. После того как она открыла шоу Рольфа Моргана, Блисс просто завалили предложениями на проведение рекламных кампаний. Ее лицо было повсюду. Оно смотрело с огромных рекламных плакатов и с крыш такси. От нее просто некуда было деться!

Мими простила бы Блисс внезапную славу — в Нью-Йорке все к этому стремятся, — но она не могла ей простить того, что Блисс сменила сторону. Особенно потому, что сменила она ее неправильно. Все в школе знали, что Блисс и Шайлер были лучшими подругами. Мими оскорбляло, что Блисс, которая ни за что не вошла бы в высшее общество Дачезне без благословения Мими, отвернулась от этого самого высшего

круга ради группки неудачников.

Мими не хотела делиться информацией, но возможность продемонстрировать бывшей подруге ее незначительность была слишком велика, и Мими не устояла.

— Это меч Михаила, — объяснила она. — Клинок правосудия.

— А что с ним такое?

— Он пропал. Чарльз собрал совещание, едва лишь обнаружил исчезновение меча.

Прибыв в Совет, Мими обнаружила во главе стола отца. Чарльз был в ярости. Он не сомневался, что меч забрал кто-то из членов Совета, и начал собрание с того, что обвинил нескольких присутствующих в воровстве.

Блисс взглянула на старейшин. Те выходили с собрания, разбившись на группки и перешептываясь.

— А почему это так важно?

— Ха! Ты что, не помнишь? Это же меч архангела. Их таких в мире всего два. Второй принадлежал Габриэлле — в смысле, Аллегре, — но никто не знает, куда он исчез, когда она ушла в самоволку. Его уже много лет никто не видел. Но Чарльз... Михаил... он держал меч у себя в кабинете, под замком крови. И вот кто-то сумел взломать этот замок. Меч исчез. Чарльз уверен, что его похитил Кроатан, — объяснила Мими.

Замок крови был самой могущественной тайной в арсенале Голубой крови. Открыть его могла только кровь архангела. Загадка представлялась неразрешимой, поскольку Аллегра пребывала в коме, а других подозреваемых не имелось.

— А зачем он Серебряной крови? — не унималась Блисс.

Она потеряла повязку на большом пальце. Как-то утром она проснулась и обнаружила, что большой палец кровоточит. Странно. Может, занозила руку во сне?

— Только меч архангела способен убить другого архангела. Блисс, неужели ты даже этого не знаешь? — ворчливо произнесла Мими. — Ты что, не выполняешь домашние задания?

— Но зачем Чарльзу убивать Аллегру?

— Да не Аллегру! Тебе что, все разжевывать надо? Если Люцифер проберется сюда — ты в курсе, кто такой Люцифер? Тот, который Князь тьмы? Люцифер — бывший архангел. И этот меч — единственное, что способно его убить. Обычные мечи Голубой крови — кстати, ты получишь свой перед заключением уз, или ты и этого не помнишь? — так вот, обычные мечи годятся против обычных тварей Серебряной крови. Но убить Люцифера может только меч Михаила.

— И теперь он исчез.

— Именно. Дело дрянь. Если Чарльз останется без меча, ему будет хреново.

Мими вздохнула. Для ее отца дело оборачивалось очень скверно. Она чувствовала, что некоторые члены Совета с подозрением отнеслись к этому «ограблению». Но зачем бы вдруг Чарльзу красть собственный меч? Неужто они вправду верят, что Михаил, Чистый Сердцем, может связаться с Серебряной кровью?

Блисс огляделась в поисках отца. Форсайт все еще не вышел из зала заседаний — должно быть, разговаривал с Чарльзом.

— И кто же, по их мнению, украл меч?

— Они понятия не имеют. Хотя Чарльз сказал, что последним, кто заходил в его кабинет, был Кингсли. Так я и знала, что нельзя доверять этой дряни. Но команда Кингсли сейчас в Рио и отрезана от связи. Общаться с ним телепатически они не могут. И Лоуренс тоже на связь не выходит. Полный бардак, — произнесла Мими с еле заметной ноткой ликования.

— Надеюсь, они не думают, что за этим стоит Дилан. Он тут ни при чем, — встревожено сказала Блисс.

— Ты вообще о чем? — удивилась Мими. — Дилан? Как он может быть замешан в это? Он же исчез несколько месяцев назад. Это уже история.

Мими смутно помнила, что Дилан вроде как вваливался в окно к Блисс, прежде чем его сцапала Серебряная кровь. Блисс

тогда долго была безутешна, и Мими пыталась успокоить ее, напоминая, что чудовище могло забрать и ее тоже. Ей вообще-то повезло, что она осталась в живых. Совет отправлял тогда команду, чтоб расследовать происшествие и отыскать, где сейчас находится Дилан, но венаторы ничего не нашли.

— А ты не знаешь? — спросила Блисс.

— Что я не знаю?

— Дилан вернулся. Он в реабилитационном центре.

— Мы точно говорим про одного и того же парня? Про того Дилана, с которым ты встречалась и который убил Эгги? Которого превратили в Серебряную кровь? — спросила Мими.

Блисс тут не самая крутая. С точки зрения Мими, девушка, которая в мае до сих пор носит платья-рубашки прошлого сезона, — полная бестолочь.

— Да.

— А с чего вдруг я должна об этом знать? — уточнила Мими.

— Ну ты жеходишь в Совет. Я передала Дилана Форсайту. Он сказал, что сообщит обо всем Совету, чтобы принять решение сообща. Потом он сказал, что старейшины решили отправить Дилана в «Переходный период».

Мими покачала головой. Вид у нее сделался озадаченный.

— Нет. Твой отец ничего такого на заседаниях не говорил. И решения такого мы не принимали.

Она посмотрела на Блисс с таким выражением, словно та рехнулась. Очень странно. Зачем Форсайту держать подобные вещи в тайне от Совета?

— Странно. С чего бы вдруг ему лгать мне?

— Понятия не имею. — Мими изучающе взглянула на Блисс. — А Дилан на самом деле вернулся? Ты уверена?

Блисс кивнула.

— Мы навещали его на прошлой неделе.

— Отведи меня к нему. Я сообщу Форсайту, что мне

нужно составить для Совета отчет о Дилане.

Личное дело Корделии ван Ален

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Корделия, надеюсь, это тебя устроит.

Форсайт Л.

Хьюстон стар

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РОЖДЕНИИ

Поздравляем счастливых родителей, конгрессмена Форсайта Ллевеллина и его супругу, — в девичестве Роберту Прескотт, с рождением дочери. Джордан Грейс Ллевеллин родилась ровно в полночь 1 января 1994 года. Джордан – вторая дочь конгрессмена. Мать и ребенок чувствую себя хорошо.

Глава 27

Поскольку Мими желала видеть Дилана немедленно, они договорились навестить его на следующий день, а это значило, что Блисс снова придется пропустить занятия. Впрочем, не то чтобы она была сильно против. В данный момент мысли ее были заняты чем угодно, только не учебой. Тем вечером Блисс не стала спрашивать отца, почему он не рассказал Совету о Дилане. Пусть у него не возникнет подозрений, что она знает о его секретах. Должно быть, у Форсайта были на то свои причины, но Блисс не покидало ощущение, что делиться этими причинами он не станет.

На следующий день Блисс собрала для Дилана передачку. Она знала, что юноше обеспечен наилучший уход, какой только можно организовать за деньги, но в «Переходном периоде» не было ни новейшего диска с инди-роком, ни последней книги Геймана. Девушка подумала, что если у Дилана будет под рукой парочка его любимых вещей, быть может, они напомнят ему, кем он был, а за компанию — и что значила для него она, Блисс. Она не хотела отказываться от него. Она даже решила, что перестанет чувствовать себя отвергнутой из-за произошедшего в ту роковую ночь. Возможно, то, что Дилан так бесился при ее виде — всего лишь следствие его болезни.

В дверном проеме возникла Джордан и заглянула в комнату к сестре.

— Ты чего, снова собираешься в Саратогу? — поинтересовалась она.

— Угу. Мими хочет повидаться с Диланом и доложить Совету. И его врачи сегодня должны быть на месте. Я наконец-то смогу спросить, что с ним происходит, — объяснила Блисс, складывая и засовывая в пакет новую мотоциклетную куртку, найденную стилистом по ее просьбе в «Барнис».

Сестра зашла в комнату и уселась на кровать, наблюдая за сборами Блисс.

— Слушай... я хотела тебя спросить... ты приучилась управляться со своими затемнениями сознания?

Блисс угукнула и кивнула, решив все-таки не брать плюшевого медвежонка в футболке с надписью «Будь здоров!», во внезапном порыве купленного в отделе открыток. Дилан точно сочтет его слащавым и сентиментальным. Он всегда потешался над ней за то, что она держала на кровати выводок игрушечных зверей.

— Они у тебя так и продолжают?

Блисс притормозила и задумалась. Обычно затемнения сознания случались у нее с выматывающей регулярностью. Она отключалась — и приходила в себя где-то в совершенно другом месте, понятия не имея, как там очутилась.

— Нет. И ночных кошмаров не было уже несколько месяцев.

— Здорово! — произнесла Джордан с облегчением.

Но Блисс еще не закончила.

— Они у меня теперь, похоже, случаются днем. Вот совсем недавно я видела жуткую штуку. Я держала в руках расческу, а она превратилась в тварь вроде золотой змеи. Перепугала меня до поросячьего визга.

Джордан побледнела.

— Золотая змея?

— Ага. А в другой день я посмотрела в небо и увидела там семиголового дракона. Тоже обалдела.

— И часто такое случается? — поинтересовалась Джордан.

Блисс пожала плечами.

— Ну, вообще-то да. Я спрашивала отца об этом. Он сказал, что все это...

— Часть трансформации, — монотонно проскандировала Джордан.

— Угу.

Блисс закончила собираться. У нее зазвонил мобильник. Мими ждала ее внизу, в машине. Джордан мешкала и топталась на месте, выражение лица у нее было странное. Со стороны

казалось, что девочка никак не может принять какое-то решение.

— Что случилось? — спросила Блисс.

— Ничего. — Джордан покачала головой. — Желаю удачно навестить твоего друга.

Блисс уже несколько месяцев не водилась с Мими и сперва думала, что вместе им будет неловко, но она забыла, насколько Мими зациклена на себе любимой. В течение поездки бывшая подруга непринужденно болтала обо всем на свете, от своей новой подборки людей-фамильяров, куда входили самые зажигательные парни-старшеклассники из престижных школ, наряду с парочкой студентов, и до ее планов на лето: Мими намеревалась заняться изучением китайского по программе интенсивного погружения в Пекине, поскольку ей хотелось в заявлении в Стэнфорд на будущий год упомянуть еще и умение бегло говорить по-китайски.

— Правда прикольно? Китайский — единственный язык, которого я не помню. Я собираюсь остановиться у Ва и Мин — ну, помнишь, те сестры-двойняшки, которых мы видели на балу Четырех сотен? — хихикнув, произнесла Мими.

Когда они приехали в «Переходный период», Дилан в одиночестве сидел у себя в комнате и смотрел телевизор.

— Привет!.. Блисс? — произнес он, выключив телевизор. — А ты...

— Мими. — Она пристально взглянула на юношу. — Ты вправду нас не помнишь?

— Я помню ее, — с легкой стеснительностью произнес Дилан. — Она несколько раз приезжала проведать меня.

— Я тут кое-что тебе привезла, — сказала Блисс, вручая юноше набитую гостинцами сумку.

— Клево! — обрадовался Дилан и начал копаться в сумке. — А это для чего? — спросил он, вытащив черную кожаную куртку.

Блисс смутилась.

— Я... ну... ты раньше носил такое...

— Нет, это... Обалденная вещь.

Дилан надел куртку. В ней он выглядел таким же красивым, как и в старой. Юноша улыбнулся Блосс, и у нее екнуло сердце. Он снова полез в сумку и достал оттуда айфон.

— Я подумала, тебе может захотеться иметь его при себе, — сказала Блосс. — Надеюсь, ты не против. Я уже забила в него свой номер.

— Блосс, — вмешалась Мими, — не могла бы ты оставить нас ненадолго? Я хочу задать Дилану несколько вопросов.

— Да, конечно.

Блосс вышла. Несколько минут спустя Мими открыла дверь. Она посмотрела на Блосс со смесью жалости и презрения.

— Ну что? — спросила Блосс.

— Похоже, он действительно ничего не помнит, — констатировала Мими.

— Я же тебе говорила.

— Поразительно. У него сейчас вместо памяти чистый лист.

— Ты говоришь таким тоном, будто это хорошо.

Блосс сердито сверкнула глазами и вошла обратно.

— Что она хотела знать? — спросила она у Дилана.

Дилан пожал плечами.

— Да ничего особенного. Так, всякие странные вещи — и еще насчет каких-то джинсов. Я не понял толком, что она хотела. Я ей объяснил, что не помнил даже собственное имя, когда очнулся.

— Ты вправду совершенно не помнишь, кто я такая? — спросила Блосс, присаживаясь на кровать рядом с Диланом.

Юноша взглянул на книжечку комиксов, которую листал, и отложил ее. А потом взял Блосс за руку. Девушка была удивлена. Она взглянула на Дилана со страхом... с надеждой...

Дилан задумался и в конце концов произнес:

— Я не знаю, кто ты. Но я знаю, что каждый раз, как

вижу тебя, я чувствую себя лучше.

Блисс сжала его руку, и он ответил пожатием на пожатие. Они долго сидели, держась за руки, — пока в дверь не постучала Мими и не сообщила Блисс, что лечащий врач Дилана готов с ними встретиться.

Когда они шли к главному корпусу, Мими сняла солнечные очки и прищурилась, присматриваясь к кому-то, кто шел к домику Дилана.

— Это там, часом, не Оливер Хазард-Как-Его-Там?

— Угу, — отозвалась Блисс.

Оливер говорил ей, что, быть может, навестит Дилана после уроков. По-видимому, он стал теперь много времени проводить в обществе Дилана. Они играли в шахматы. Может, Дилан и потерял память, но способность разгромить Оливера наголову осталась при нем — Оливер об этом рассказывал.

— погоди. Я хочу сказать ему пару слов, — бросила Мими и двинулась в сторону Оливера.

Блисс удивилась: о чем это вдруг Мими захотелось поговорить с Оливером? Они же друг друга презирают. Но они были слишком далеко, чтобы подслушать их разговор.

Блисс отметила, что по возвращении Мими казалась чрезвычайно довольной собой, даже больше обычного. Что же касается Оливера, с ним Блисс переговорить не удалось. Что бы там Мими ему ни сказала, это настолько подействовало на юношу, что в тот день он так и не пошел к Дилану.

Глава 28

Она услышала приближение машины еще до того, как та завернула за угол. Спокойное урчание мотора, переросшее в мощный рев. Машина остановилась в переулке за зданием «Перри-стрит». Серебристо-серый открытый «ягуар-ХКЕ» 1961 года, блестящий и великолепный, как пуля, с Джеком Форсом за рулем.

Шайлер скользнула в машину, восхищаясь ее классическим совершенством, серебристой панелью приборов и простыми старомодными механизмами. Джек переключил скорость, и машина, взревев, понеслась по автостраде.

Им предстояло провести вместе всего несколько часов, но этого было достаточно — хотя, конечно же, этого никогда не было достаточно. С каждым днем заключение уз все приближалось и приближалось.

Шайлер заметила, что уже рассылаются приглашения, и сама удостоилась такового. Сперва она удивилась, потом поняла, что таким образом Мими дает ей понять, где ее место. Однажды она даже заметила краем глаза Мими в платье, приготовленном для церемонии заключения уз. Шайлер не знала, кто из них двоих большая дура: она или эта девушка в белом платье. Они обе были до безумия влюблены в одного и того же парня.

«Хотя нет, дурак тут Джек», — подумала Шайлер, наблюдая, как он ловко маневрирует на оживленной транспортной магистрали. Псих ненормальный. Но она его любит. Господь знает, как она его любит. Шайлер хотелось только, чтобы им не приходилось скрываться, чтобы они могли объявить о своей любви перед всем светом. Недавно она сказала Джеку, что устала прятаться в одном и том же месте. Да, эта квартира предоставляла им прибежище — но она же была и тюрьмой.

Шайлер мучительно хотелось побыть вместе с Джеком где-нибудь в другом месте, хотя бы один вечер. В ответ сегодня утром Джек подсунул ей под дверь записку с просьбой

встретиться с ним в сумерках в указанном месте. Девушка понятия не имела, что он задумал, но легкая улыбка, играющая на его губах, намекала на какой-то чудесный сюрприз.

Джек проехал через мост в Нью-Джерси. Через несколько минут они оказались у частного аэродрома в Тетерборо, где на поле их ждал реактивный самолет.

— Не может быть! — воскликнула Шайлер при виде самолета, засмеялась и захлопала в ладоши.

— Ты сказала, что хочешь куда-нибудь выбраться, — с улыбкой отозвался Джек. — Как насчет Токио? Или, может, Лондон? Или Сеул? Я бы, пожалуй, не прочь отправиться на барбекю. А может, Мадрид? Или Брюгге? Где тебе хотелось бы побывать сегодня вечером? Сегодня весь мир к твоим услугам, и я в придачу.

Шайлер не спросила у него, где Мими. Ее это не волновало, и она не желала этого знать. Если Джек собирается рискнуть, она не хочет ни о чем спрашивать.

— Вена! — решила Шайлер. — Там есть картина, которую мне всегда хотелось увидеть.

«Так вот оно каково — быть одним из самых богатых и могущественных вампиров в мире», — подумала Шайлер, заходя следом за Джеком в Австрийскую галерею в Бельведерском дворце. Музей был закрыт на ночь, но, когда они подъехали к огромной входной двери, охранник в перчатках поприветствовал их, а хранитель музея провел в нужную галерею.

— Вы это хотели видеть? — осведомился хранитель, указав на темное полотно посреди зала.

— Да.

Шайлер глубоко вздохнула и посмотрела на Джека, чтобы приободриться. Юноша в ответ крепко сжал ее руку.

Шайлер подошла к полотну поближе. Выцветшая репродукция этой картины висела у нее в комнате, приколотая кнопками к стене. А сейчас девушку ошеломила реальность изображенного. Цвета были намного более притягательными и свежими, полными жизни и энергии. Эгон Шиле всегда был одним из любимых художников Шайлер. Ее влекло к его

портретам — к этим тяжелым, измученным темным линиям, изможденным фигурам, красноречивой печали, наложенной на полотно гуще, чем краска.

Эта картина называлась просто — «Объятие», и изображены на ней были переплетенные тела мужчины и женщины. Полотно было полно какой-то свирепой энергии, и Шайлер казалось, будто она ощущает, как сильно эти двое связаны друг с другом. Но в этом не чувствовалось романтики. Произведение было исполнено тревоги и тоски, как будто изображенные на картине люди знали, что это их объятие — последнее.

Картины Шиле, полные смятения и печали, вряд ли могли понравиться широкой публике. Шайлер запомнилось, как на уроке по искусствоведению всех очаровал «Поцелуй» Густава Климта, выполненный в стиле ар-нуво. Но Шайлер казалось, что восхищаться подобной картиной чересчур легко. Это была не картина, а предмет интерьера, типичный безопасный выбор.

Шайлер предпочитала безумие и трагедию, одиночество и муку. Шиле умер молодым, возможно — от разрыва сердца. Ее преподаватель искусствоведения всегда говорил об «искупительной и преобразующей силе искусства», и теперь, стоя перед этой картиной, Шайлер полностью понимала смысл сказанного им.

У нее не было слов, чтобы выразить свои чувства. Джек по-прежнему держал ее за руку, и она считала себя счастливейшей девушкой на свете.

— Куда теперь? — спросил Джек, когда они покинули музей.

— На твое усмотрение.

Джек приподнял бровь.

— Тогда давай зайдём в кафе. Я питаю слабость к тортикам «Саше».

Они поужинали на крыше здания, глядя на гаснущую зарю. Одним из преимуществ вампирской сущности было то, что вампиры легко приспосабливались к ночному образу жизни. Шайлер теперь требовалось меньше времени для сна, чем раньше, а в те ночи, когда они встречались с Джеком, она

вообще практически не спала.

— Ты этого хотела? — спросил Джек, перегнувшись через маленький шаткий столик и наливая ей еще вина.

— Откуда ты узнал?

Девушка улыбнулась и заправила прядь волос за ухо. К ее удивлению, Джек привел ее еще в одну прекрасную квартиру, принадлежащую его семейству. У Форсов было куда больше недвижимости, чем у Шайлер — дырявых черных свитеров.

— Пойдем вниз, — предложил Джек и под руку повел девушку обратно в квартиру. — Я хочу, чтобы ты кое-что послушала.

Временное пристанище Форсов располагалось в здании, построенном в 1897 году, в престижном Девятом районе — со сводчатыми потолками, лепниной и прекрасными видами из каждого окна. Квартира была просторной и, в отличие от пышно отделанного нью-йоркского дома, обставленной скудно, чуть ли не по-монастырски.

— Здесь сто лет уже никто не бывал — с тех пор, как в Венской опере перестали устраивать толковые балы, — объяснил Джек. Он смахнул пыль с древнего кассетника «Сони». — Послушай-ка вот это, — сказал он, вставляя кассету. — Мне кажется, тебе это может понравиться. — Он нажал на «Пуск».

Послышался царапающий, скрипящий звук. Затем — голос, хриплый, низкий, несомненно женский, но пострадавший от долгих лет курения.

«И сердце мое страстное разбито...»

Шайлер узнала строку.

— Это она? — восторженно спросила она. — Это она сама?

Джек кивнул. Так оно и было.

— Я однажды нашел эту кассету в той старой книжной лавке. Они приглашали поэтов читать свои стихи.

Он запомнил. Это была Анна Секстон. Она читала свои

«Стихотворения о любви». Ее любимая поэтесса читала ее любимое стихотворение, «Разрыв». Самое печальное из всех, гневное, горькое, прекрасное и исполненное неистовства. Шайлер влекло к горю: подобно картинам Шиле, стихи Секстон были жестокими и честными в своей агонии. «Стихотворения о любви» были написаны во время романа поэтессы — недозволенного, тайного романа, подобного ее собственному. Девушка присела и прижалась поближе к маленькому стереомагнитофону, а Джек заключил ее в объятия. Шайлер подумалось, что никогда она не будет любить его сильнее, чем сейчас.

Может, в душе его и вправду есть уголок, который она никогда не постигнет, но сейчас они превосходно понимали друг друга.

Когда кассета закончилась, они так и остались сидеть молча, наслаждаясь теплом тел друг друга.

— Слушай... — Шайлер, заколебавшись, приподнялась на локте и повернулась к Джеку.

Она боялась, что если она заговорит о реальной ситуации, это разрушит волшебство сегодняшнего вечера. И все же она хотела знать. Заключение уз стремительно надвигалось.

— На днях в Комитете ты сказал, что существует способ разорвать узы.

— Думаю, да.

— И что ты собираешься делать?

Вместо ответа Джек потянул Шайлер вниз, так, чтобы они снова очутились рядом.

— Шайлер, посмотри на меня, — попросил он. — Нет, посмотри на самом деле.

Девушка подчинилась.

— Я прожил очень долго. Когда происходит трансформация... когда к тебе начинают возвращаться твои воспоминания... это ошеломляет. Ты как будто заново проживаешь каждую свою ошибку, — негромко произнес Джек. — Я не хочу повторять те же самые ошибки, которые уже

совершил прежде. Я хочу быть свободным. Я хочу быть с тобой. Мы будем вместе. Я уверен, что, если я буду не с тобой, в моей жизни будет куда меньше смысла.

Шайлер энергично замотала головой.

— Но я не могу позволить тебе так поступать! Я не хочу, чтобы ты рисковал. Я слишком сильно люблю тебя.

— Так что, ты предпочтешь видеть меня связанным узами с женщиной, которую я не люблю?

— Нет, — прошептала Шайлер. — Никогда.

Джек прижал ее к себе и поцеловал.

— Способ есть. Доверься мне.

Шайлер поцеловала его в ответ, и каждое мгновение было слаще предыдущего. Она доверяла ему целиком и полностью. Что бы он ни задумал сделать для того, чтобы разорвать узы, они будут вместе. Всегда.

Глава 29

Врач Дилана был сущим медведем, с большой косматой бородой и тяжелой, неуклюжей походкой. Блисс подумала, что его было бы в самый раз наряжать в красный костюм Санты-Клауса и отправлять в камин. Он не внушал Блисс особого доверия, хотя был очень известным гематологом и происходил из старинного семейства надежных проводников.

— Секретарша сказала мне, что вы — друзья Дилана Барда. Я знаю, что вы пытались связаться со мной. Извините, что не сразу откликнулся. Неделя выдалась сумасшедшая. Кто-то тайком протащил фамильяра в студенческую спальню, и там просто кровавая баня получилась. — Врач поморщился. — Но не волнуйтесь, все уже под контролем. — Он улыбнулся.

— Да, верно. — Блисс кивнула и уселась напротив стола. — Мы — его друзья. Спасибо, что согласились встретиться с нами.

— Я не друг. Я здесь для того, чтобы разобраться, что с ним происходит, и доложить Совету, — огрызнулась Мими. — Я страж.

Врач приподнял бровь.

— Вы выглядите очень молодо для своего возраста.

Мими самодовольно улыбнулась.

— Если подумать, это можно сказать о нас о всех.

— Я имел в виду — для вашей должности, — нервно произнес врач, кашлянул и принялся перекладывать бумаги на столе.

— Переходите к сути дела, доктор. Я сюда приехала не затем, чтобы обсуждать политику Совета. Что происходит с этим ненормальным?

Доктор Эндрюс открыл лежащую перед ним папку и скривился.

— Складывается впечатление, что у Дилана —

разновидность посттравматического стрессового расстройства. Мы провели с ним несколько сеансов регрессотерапии, чтобы помочь ему восстановить воспоминания. Но пока что он не восстановил связи ни с чем. Он не помнит ни что с ним творилось сто лет назад, ни что происходило месяц назад.

Значит, все обстояло так, как Блосс и предполагала. Дилан был подобен лодке, сорвавшейся с якоря, не привязанной ни к чему и ни к кому.

— Так что, эта амнезия у него останется... навсегда?

— Трудно сказать, — нерешительно произнес врач. — Мы предпочитаем не питать ложных надежд.

— Но почему, — не выдержала взволнованная до глубины души Блосс, — почему это произошло?

— Такое иногда случается: мозг стирает все, чтобы сохранить способность функционировать. Чтобы смягчить силу недавней травмы.

— Он многое перенес, — прошептала Блосс.

— Да, нападение Серебряной крови и прочее в том же духе, — кивнула Мими.

Врач снова сверился с медкартой.

— Очень любопытно. Как я уже говорил сенатору Ллевеллину, насколько мы можем судить, в его крови не наблюдается ни малейших признаков извращения. Он подвергся нападению со стороны Серебряной крови — это верно, — и его жестоко мучили, но мы крайне сомневаемся в том, чтобы он действительно исполнял церемонию Оскулор над другим вампиром. Он не завершил процесс. Или нет, позвольте, я сформулирую яснее: он его и не начинал.

— Но... — вступила было Блосс.

— Чепуха, — решительно отрезала Мими. — Всем известно, что Дилан убил Эгги. Она была выпита полностью. И он был единственным подозреваемым. Он даже сознавался в этом Блосс.

— Да, верно, сознавался, — подтвердила Блосс.

Доктор Эндрюс покачал головой.

— Возможно, его ввели в заблуждение, либо им манипулировали, дабы внушить ему, что он один из них. Полученные нами данные вполне убедительны.

— Форсайт об этом знает? Что Дилан невиновен? — резким тоном спросила Мими.

Врач кивнул.

— Я позвонил ему сразу же, как только стали известны результаты анализов.

Мими язвительно рассмеялась.

— Если Дилан не Серебряная кровь и он не убивал Эгги, тогда он, возможно, не соврал, когда сказал, что не знает, где джинсы, которые она брала у меня поносить.

— О чем ты? — переспросила Блисс недоуменно.

У нее голова шла кругом.

— Так, ни о чем. — Мими пожала плечами. Она встала, и Блисс последовала ее примеру. — Благодарю вас, доктор, за то, что согласились на встречу. Вы очень нам помогли.

Блисс никак не могла сосредоточиться. Когда она застегивала куртку, у нее дрожали пальцы. Она врезалась коленкой в стол и чуть не упала.

Дилан невиновен. Он не Серебряная кровь и даже не превращается в нее. Жертва.

На протяжении нескольких месяцев все без исключения верили, что это Дилан повинен в убийстве Эгги Карондоле. Что он разделался с остальными жертвами, напал на Шайлер и смертельно ранил Корделию. Он сам говорил Блисс, что сделал все это. И она ему верила.

Но что, если он просто служил прикрытием для кого-то другого? Что, если его просто заставили думать, будто он заражен?

А если все это сделал не Дилан — то кто же тогда?

Глава 30

Когда Шайлер покинула квартиру на Перри-стрит, лицо ее все еще рдело от поцелуев Джека, а губы горели. Подобно всему в Нью-Йорке, Шайлер расцветала.

«Поцелуй за поцелуй за поцелуй», — подумала девушка.

После той ночи в Вене она до сих пор была словно пьяная. Они только что вернулись и заехали в свое убежище, чтобы принять душ и переодеться. Джек ушел первым — выскользнул через боковую дверь, — а Шайлер выждала требуемые полчаса, прежде чем самой двинуться на выход.

Она тихонько улыбнулась сама себе, пытаясь пригладить волосы, растрепанные внезапным порывом ветра, и тут вдруг увидела того, кого совсем не ожидала увидеть. Он стоял на противоположной стороне улицы и смотрел на нее потрясенно и встревожено. Шайлер всего раз взглянула в глаза Оливеру и тут же поняла, что юноша все знает. Но откуда? Как он мог узнать? Они же так старательно держали свою любовь в тайне!

На лице Оливера отразилось такое горе, что на это невыносимо было смотреть. Шайлер пересекла улицу и остановилась перед другом, но слова застыли у нее на губах.

— Олли... это не то...

Оливер бросил на нее взгляд, исполненный отвращения, резко развернулся и сперва зашагал прочь, а потом и вовсе побежал.

— Оливер, пожалуйста, дай я объясню...

В мгновение ока Шайлер встала перед ним. Он мог бежать, но перегнать ее ему бы не удалось.

— Не делай этого. Поговори со мной.

— Не о чем тут говорить. Я видел, как он ушел, а потом, в точности как она сказала, я подождал полчаса и увидел тебя. Ты была с ним. Ты мне врал.

— Я... это совсем не то... ох, Оливер!

Шайлер захотелось расплакаться. Она чувствовала исходящие от него волны печали и гнева. Лучше бы он ее ударил, чем стоять с таким подавленным видом. В результате она почувствовала себя еще более безутешной.

В небе сгустились тучи, и на землю упали первые капли дождя, сперва редкие, потом все более частые и тяжелые. Так они вымокнут до нитки.

— Тебе придется выбирать, — сказал Оливер. По щекам его текли дождевые струйки, смешанные со слезами. — Я устал быть твоим лучшим другом. Я устал быть вечно вторым. Меня это больше не устраивает. Все или ничего, Шайлер. Тебе придется выбирать. Он или я.

Ее лучший друг и проводник или парень, которого она любит. Шайлер знала, что когда-то это случится. Что ей предстоит потерять одного, чтобы сохранить другого. Что у этой истории будут последствия. Что все не сможет долго оставаться так, как есть — с вампиром-возлюбленным и человеком-фамильяром. Она лгала Оливеру, лгала Джеку, лгала всем, включая себя. И собственная ложь в конце концов настигла ее.

— Ты эгоистка, Шайлер. Тебе не следовало делать меня своим фамильяром, — бесстрастно произнес Оливер. — Но я это допустил, потому что беспокоился о тебе. Меня волновало, что будет с тобой, если я не соглашусь. Но ты — если бы ты вообще хоть когда-то беспокоилась обо мне, если бы ты вообще обо мне думала, тебе хватило бы порядочности сдержаться. Ты точно знала, как я к тебе отношусь, и все равно меня использовала.

Он был прав. Шайлер молча кивнула. Струи дождя текли по ее волосам и одежде, промокшей насквозь. Из них двоих Оливер всегда был более здравомыслящим. Он потерял голову из-за лучшей подруги. Он любил ее со времен их первой встречи. Он был влюблен в нее много лет. Но если бы она не провела над ним церемонию Оскулор, не испила его крови, не запечатлела себя в его душе, возможно, когда-нибудь он избавился бы от этих чувств к ней.

Если бы она нашла себе другого фамильяра, если бы она выбрала другого человека, любовь Оливера могла бы перейти в

тихую, необременительную привязанность. Оливер вырос бы, полюбил какую-нибудь девушку из Красной крови, создал собственную семью. Но она сделала его своим. Она запечатала его страсть тем первым мучительным укусом. Священное целование стало меткой, гласящей, что он принадлежит ей.

Она повела себя эгоистично и опрометчиво и поступила так без особой нужды.

У него не осталось иного выбора, кроме как любить ее. Даже если он теперь оставит ее, он никогда не полюбит другую. Он всегда будет одинок. Он обречен, а она из-за своей слабости навлекла проклятие на них обоих.

— Прости меня.

Глаза Шайлер наполнились слезами. Нет никакого способа исправить это.

— Если ты вправду хочешь прощения, оставь его. Джек никогда не будет твоим, Шайлер. Настолько, насколько принадлежу тебе я.

Девушка кивнула, заливаясь горячими слезами, а потом вытерла слезы и мокрый нос рукавом. Она понимала, что выглядит сейчас не лучше, чем чувствует себя, а чувствовала она себя препаршиво.

Оливер смягчился.

— Давай уйдем с дождя. Мы оба простудимся.

Он провел Шайлер под навес у магазина.

— Ты слишком добр ко мне, — прошептала Шайлер.

Оливер кивнул. Он знал, каково это: любить того, кто не любит тебя — или не может любить. Но у него не было выбора. Ни у кого из них не было выбора.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Расшифровка доклада венатора, зарегистрировано 3 марта

Венатор Мартин: Они потребовали суда крови. Все раскроется. Меня разоблачат.

Чарльз Форс: Да, я слышал об этом. Вам придется поторопиться. Вы должны исчезнуть. Я вам помогу.

ВМ: Но я хочу знать — почему? Почему вы велели мне призвать Серебряную кровь? Почему?

ЧФ: Потому что мне нужно было знать.

ВМ: Что знать?

ЧФ: Возможно ли это.

ВМ: Что вы имеете в виду?

ЧФ: Оно не должно было сработать. (Взволнованно.) Этого не должно было произойти, никогда — это было просто испытание. Чтобы посмотреть...

ВМ: На что?

ЧФ: Сейчас не время. (Шепотом.) Я знаю, что должен делать теперь.

ВМ: Но регис — он захочет получить объяснение моим действиям.

ЧФ: Да. Я позабочусь о Лоуренсе. Не волнуйтесь. Уж кто-кто, а он поймет, почему я поступил именно так, как должен был поступить. А теперь слушайте меня. Я отправляю вас в Корковадо...

Глава 31

— Скай, ты выглядишь просто ужасно. Что случилось? — спросила Блисс, наткнувшись на Шайлер, мрачно застывшую в дверном проеме.

Глаза Шайлер покраснели от слез; она сморкалась в бумажный носовой платок.

— Твоя служанка меня впустила. Надеюсь, это ничего? Твои родители тут? — спросила Шайлер, продолжая шмыгать носом.

— Нет. Они на каком-то благотворительном мероприятии. Что-то новенькое. Да ты заходи. Они в любом случае возражать не станут. Ты же знаешь — ты им нравишься, — заверила подругу Блисс.

Но, произнеся эти слова, она вдруг осознала, что не уверена, правда ли это. Родители никогда не проявляли ни малейшего интереса к ее друзьям. Они по-прежнему считали, что она водится с Мими Форс. В общем, ничего они не соображают. А ни Шайлер, ни Оливера они просто никогда не встречали.

— Что стряслось-то? Ты в порядке? — спросила Блисс.

Шайлер покачала головой. Она прошла следом за Блисс к ней в спальню и, забравшись на кровать, прислонилась к груде подушек и закрыла глаза.

— Оливер меня ненавидит, — произнесла она со сдавленным всхлипом и вытерла глаза. — Он видел... нас двоих... Джека и...

Блисс кивнула.

— Он знает.

Так вот что Мими сказала Оливеру вчера днем! Шайлер в ответ вытащила из кучи подушек одну и сунула себе под голову.

— Угу.

Блисс вздохнула. Она взяла пульт от телевизора и принялась переключать программы.

— Ты видела последний выпуск «Берега»?

— Нет. Включи, — попросила Шайлер.

Это полностью постановочное реалити-шоу о жизни трех девчонок-блондинок из Лос-Анджелеса, полных бездельниц, но при этом чем-то симпатичных, было их любимым.

— И как же он узнал? — спросила Блисс, не отрывая взгляда от экрана. Потом она повернулась к Шайлер. — Хотя, пожалуй, это не важно. Ты знала, что в конце концов он узнает.

— Знала, — согласилась Шайлер. — Слушай, не смотри так на меня. Я в курсе, что ты об этом думаешь.

— Я ни слова не сказала.

— А тебе и не нужно.

Блисс погладила Шайлер по спине. Она сочувствовала подруге, но Шайлер знала, что делает, когда закрутила роман с Джеком. Она оттолкнула от себя друга, и ради кого — ради Джека Форса? Что она вообще в нем нашла?

— Слушай, я тебе должна кое-что рассказать. Мы с Мими сегодня навещали Дилана, — произнесла Блисс.

Она слово в слово пересказала все, что сообщил доктор. Шайлер была поражена и сбита с толку.

— Так если Дилан не убивал Эгги и всех остальных, кто же тогда это сделал?

— Понятия не имею.

— А кто-нибудь еще об этом знает? Ну, что он этого не делал?

— Кроме Мими и меня? Да. Форсайт, — отозвалась Блисс. Она поняла, что в последнее время не может заставить себя называть его отцом. — Доктор Эндрюс сказал, что позвонил ему сразу же, как получил результаты анализов.

— Но твой отец ничего тебе не сказал?

— Ни единого слова.

— А Совету?

— Мими сказала, что Форсайт им вообще ничего не сообщил про Дилана, — ответила Блисс.

Действия отца все сильнее смущали ее.

— Интересно, почему...

— Может, он это сделал, чтобы помочь мне, — пытаюсь защитить его, предположила Блисс. — Он знал, что Совет захочет уничтожить Дилана, и потому скрыл от них вести о нем.

— Но Дилан не Серебряная кровь, — возразила Шайлер. — И никогда не был. Значит, опасности, что его уничтожат, не существует. Они провели испытание, и он его прошел. А что это там за чемодан? — поинтересовалась она, заметив наполовину забитый вещами чемодан «Туми», на колесиках.

— А, это мы уезжаем.

— Куда?

— В Рио. Форсайт сказал: Нэн Катлер созвала Совет и объявила, что твоему дедушке нужна помощь, и теперь все туда едут.

— Какая помощь?! — вскинулась Шайлер.

— Слушай, ну не беспокойся ты так, — попыталась утешить подругу Блисс, увидев, как та перепугалась. — Я уверена, что с ним все в порядке.

— Я уже давно не получала от Лоуренса никаких известий, — призналась Шайлер. — Я была так поглощена Джеком, что даже не обратила на это внимания. А что еще сказал Форсайт?

Блисс не особо хотелось рассказывать, но она решила, что Шайлер имеет право это знать.

— Я не стопроцентно уверена, но, кажется, у Лоуренса какие-то проблемы.

— Какие именно?

— Я бы с радостью тебе рассказала, но сама не в курсе. Просто сегодня утром Форсайт нам сказал, что мы летим в Рио.

По делам Совета.

Она направила пульт на телевизор и быстро пролистала рекламу. Шоу продолжилось. Блисс пошарила под кроватью и вручила Шайлер пакет ее любимых чипсов с халапеньо.

— Ну, как бы то ни было, за Олли не беспокойся. Он вернется. Ты и сама это знаешь.

— Ничего я не знаю. Блисс, мне кажется, он меня ненавидит! Он сказал мне, чтобы я выбирала: или он, или Джек.

— А ты что сказала?

— Ничего. — Шайлер сморгнула набежавшую слезу. — Я не могу выбрать. Ты же знаешь, что я не могу.

Она бросила пустой пакетик и пнула подушку.

— Жизнь — дерьмо!

Блисс одним глазом поглядывала в телевизор, а другим — на подругу. Она была полностью согласна с тезисом, выдвинутым Шайлер. Вокруг было сплошное дерьмо. Вот, оказывается, Форсайт постоянно что-то хитрил и юлил насчет Дилана. Иногда начинало казаться, будто лгут все и обо всем.

Понаблюдав несколько минут, как главная звезда шоу в очередной раз рвет отношения со своим парнем, Шайлер произнесла:

— Знаешь, я ведь ничего не слыхала от Лоуренса с тех самых пор, как он туда уехал, — ну, кроме жалобы на жару. Если он и вправду в опасности, разве он не сообщил бы мне, как ты думаешь? Ну, отправил какое-то сообщение?

— Может, он не хочет беспокоить тебя, — отозвалась Блисс. — Возможно, он это нарочно, чтобы тебя защитить. Он же сказал, что, если с Корковадо что-то неладное, он хочет, чтобы ты держалась подальше от этого места, — напредила она.

— Ну да, пожалуй. — Шайлер принялась играть с кисточкой подушки. — Но как-то это все странно. В смысле — Лоуренс же совершенно не доверяет Совету. Еще со времен Плимута. Отчего вдруг он теперь позвал их?

— А ты как думаешь? — поинтересовалась Блисс.

Она заметила, что в глазах Шайлер появилось осмысленное выражение. По крайней мере, она наконец-то перестала рыдать из-за парней. Это снова была та Шайлер, которую она знала и которой восхищалась.

— Я собираюсь отправиться туда. Если Лоуренсу действительно грозит опасность, я должна помочь ему. Иначе буду сама себе противна.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

Проводник: Хазард-Перри, Оливер.

Место службы: семейство ван Ален.

Личный доклад от 19 мая

(Две минуты записи забито шумами. Начинается запись с нижеследующего момента.)

Шайлер скажет вам, что у меня не было никакого выбора. Она уверена, что я люблю ее потому, что должен любить, что мне некуда деваться, — но она ошибается. Иногда она слишком много на себя берет.

Я понимал, что мы делаем, когда мы исполняли церемонию. Я прекрасно понимал, что это означает. Понимал, к чему это приведет. Более того: я понимал, что она не отвечает мне взаимностью. Я знал это уже давным-давно. Вы считаете меня глупцом?

Так почему же я это сделал?

Не знаю. Я не собирался этого делать. В свое оправдание могу сказать лишь, что в первый раз я сказал ей «нет». Мы были в том гостиничном номере, и она сидела у меня на коленях, и знаете, это было здорово — такая близость с ней. Да, очень здорово. Я не хотел об этом говорить, я вообще-то не из тех парней, которые треплутся.

Она думает, что я влюблен в нее еще с детства, или с того момента, как впервые ее увидел, или еще какую-то романтическую чушь вроде этого. Ничего подобного. Мы были

друзьями. Мы хорошо ладили друг с другом. Мне нравилось, как она думает. Нравилось, как она смеется. Как одевается — во всю эту кучу темных одежек. Что ей было прятать?

Считал ли я ее красивой? Ну я же не слепой. Конечно, я думал, что она красивая. Но в этом было что-то большее: мне нравилось, как она подкрашивает глаза этими уродскими синими тенями — девчонки думают, что парни не замечают такие вещи, как макияж, но мы замечаем — и как они размазывались к концу дня. У нее получалась маска, как у енота, а она этого даже не замечала... Не знаю. Я был очарован.

Но тогда я не испытывал к ней таких чувств, как сейчас. Даже в восьмом классе, когда мы вместе ходили на танцы к Сейди Хоукинс и Шайлер попросила меня быть ее кавалером и мы весь вечер просидели в углу и потешались над всеми. Мы тогда не танцевали, и она была в своей ужасной мешковатой одежде. Нет, я не любил ее тогда.

Я влюбился в нее, когда она обнаружила, что она — вампир. Всего несколько месяцев назад. Когда она приняла свое наследие и не стала бежать от своей судьбы. Вы же знаете, кто она такая. Дочь Габриэллы. Нелегкая ноша. Но она такая сильная, что меня это пугает. Я не соврал, когда сказал ей об этом.

Ну так если вернуться — вы меня спросите, почему я это сделал? Почему позволил взять мою кровь и отметить как Принадлежащего ей? Зачем влез во всю эту фигню с фамильярами? Я даже не знаю, на кой я вожусь с этим докладом. Кто его вообще станет слушать?

Ну, в любом случае, я думаю, правда в том, что я не хотел, чтобы она сделала это с кем-то другим. Я не хотел ни с кем делить ее. Она и так уже настолько изменилась, стала так отличаться от меня... Она — другая. Ей предстоит жить вечно, в то время как я буду здесь недолго.

Я хотел удержать ее.

Потому что да, я любил ее.

Я любил ее, когда она тем вечером пришла на встречу со мной в «Банк». Когда увидела меня — и, похоже, испытала облегчение оттого, что я здесь. Когда она приняла все, что я ей

сказал, и не потеряла самообладания, когда я рассказал ей то, что уже знал. Что я — ее проводник.

Поэтому я лечу в Рио следующим рейсом после нее. Да, Блисс рассказала мне, что происходит. Вы думаете, мне следовало бы позволить ей отправиться туда одной? Да вы никак издеваетесь.

Но если вы думаете, что я ввязываюсь в это вслепую, вы ошибаетесь. Я знаю: то, что я ее фамилляр, ничего не изменит. Я понимаю, что даже если бы она знала о моей влюбленности в нее, это не изменило бы ее чувств ко мне. Я знаю, что в конечном итоге проиграю.

Что я думаю о Джеке Форсе? Я о нем не думаю. Просто еще один тип, воображающий себя даром Божиим. Возможно, в его случае оно так и есть, в буквальном смысле слова. Но, знаете, мне на него начхать. Он просто не имеет значения. Даже если в конце концов они будут вместе, в чем я очень сильно сомневаюсь, если учесть силу данных уз. Мими — это вам не шуточка, я бы не стал связываться с Азраилом. Но даже если Шайлер все еще любит его или считает, что любит, это совершенно неважно.

Потому что Джек однажды покинет ее. Я это знаю. Они с Шайлер не подходят друг другу. Это же сразу видно. А когда он ее покинет, я буду рядом.

Сколько бы времени ни потребовалось, я буду рядом с ней.

Буду ждать.

Так что, я думаю, Шайлер ошибается. Думаю, я все-таки очень романтический тип.

Глава 32

Шайлер подумалось, что одно лишь название аэропорта в Рио-де-Жанейро — Галео — может вызвать карнавальное настроение. Теперь она понимала, почему столько народу любит ездить в эту страну. Здесь даже название аэропорта обещает страстные и таинственные приключения.

Однако же настроение самой Шайлер было отнюдь не романтическим. Она не могла думать о Джеке, не вспоминая при этом об Оливере. Это было слишком больно. Ускользнуть из дома Форсов оказалось легко: она просто вышла за дверь, да и все. Чарльз снова засел у себя в кабинете, Тринити отправилась в спа-поездку «только для девочек», а Мими улетела в Рио с Советом. Джек оставался в Нью-Йорке. Накануне вечером он снова положил под дверь Шайлер книгу. Томик «Анны Карениной». Но Шайлер не собиралась встречаться с Джеком. Ей даже не хватило духу взять книгу с собой в девятичасовой перелет.

Во время перелета девушке так и не удалось уснуть, и тесные кресла второго класса отнюдь не благоприспособляли этим попыткам. До сих пор Шайлер путешествовала только вместе с Корделией или с Оливером и его семьей. С бабушкой они добирались до Нантакета на небольших винтовых самолетах, а Оливер путешествовал только первым классом. Когда-то Шайлер считала себя крутой девчонкой, не нуждающейся в житейских удовольствиях, — достаточно распространенная ошибка среди тех, кто никогда не испытывал мелких житейских неудобств.

Наконец самолет приземлился, Шайлер забрала дорожную сумку из багажного отсека и, еле волоча ноги, двинулась в хвост очереди. Сам аэропорт оказался сущим разочарованием, бесконечно далеким от волшебного обещания, заключенного в его имени. Отделения таможенной и иммиграционной служб были просторными, но внутренняя отделка выглядела скупой, утилитарной, устарелой и сугубо официальной. И ничего пляжно-сексуального, что Шайлер ожидала увидеть по прибытии. Пусто и однообразно. Она ожидала праздника, а ее встретил Кремль.

Шайлер понимала, что этот город считается довольно опасным, и была настороже. Лоуренс по-прежнему оставался недостижим, и это подрывало ее веры в свои силы. На последние сообщения, которые она ему посылала, ответа не последовало, и Шайлер никак не могла нащупать его сигнал. Вместе с толпой она вышла из аэровокзала.

Блисс советовала ей взять такси, но с деньгами у Шайлер было негусто, и она решила рискнуть и добраться на одном из трясущихся автобусов, что ехали вдоль пляжей в центральные районы и останавливались у крупных гостиниц.

Автобус был забит шумными австралийскими туристами с рюкзаками, но Шайлер удалось усесться впереди, так что она могла смотреть в окно. Дорога из аэропорта сбивала с толку бесконечными поворотами и туннелями — в результате девушка совершенно утратила представление о направлении движения. Время от времени Шайлер попадались на глаза великолепные, поросшие мхом утесы и горы, покрытые тропической растительностью, что вставали над желтовато-белыми песочными пляжами и синей водой. Еще она мельком видела легендарные фавелы, трущобные пригороды, теснившиеся по склонам гор и у подножий скал. Повсюду заметны были следы недавнего землетрясения, от участков, засыпанных обломками, по которым бродили птицы-падальщики, и до усеивавших окрестности развалин высотой с пару этажей.

Помимо гор и моря она видела еще высокие здания из стали и стекла, которых не коснулось бедствие. Еще по пути она несколько раз замечала на обочине вооруженных полицейских, устроивших импровизированные пропускные пункты по проверке машин.

Все вокруг было экзотическим и прекрасным и одновременно с тем — уродливым. В конце концов на дорожных указателях начали появляться знакомые названия: Ипанема, Копакабана, Леблон. Девушка увидела знаменитую статую Иисуса Спасителя; Христос стоял на вершине горы, раскинув руки, словно бы обнимая город. Шайлер наслаждалась видом, пока автобус с пыhtением тащился по дороге, — и тут мотор внезапно заглох.

Водитель затормозил у обочины и от души выругался. Он

велел пассажирам высаживаться и забирать багаж с собой. Шайлер растерялась.

— Ну вот, опять... — посетовал какой-то долговязый австралиец.

— А что, такое часто бывает? — удивилась Шайлер.

— Постоянно, — сообщили ей.

Водитель посоветовал им погулять и возвращаться через часик, авось он к этому времени справится с ремонтом. К счастью, они были уже недалеко от главного проспекта. Вдоль прибрежной полосы тянулась широкая мощеная пешеходная дорожка с выложенными мозаичными узорами из ракушек. Дорожка эта была забита любителями бега трусцой, молодежью на роликах и просто гуляющими. Шайлер обнаружила рядом ларек с напитками и купила себе соку. От тропической жары ей начало казаться, будто она вянет.

Но когда она час спустя вернулась на назначенное место, автобус вместе с шумными австралийцами исчез. Шайлер осталась одна. К ее раздражению добавилась некоторая неуверенность, когда она заметила, что к ней направляются два местных гопника — тощие босые парни в потрепанных шортах и дырявых футболках с эмблемой «Чикаго булле». Они с любопытством оглядели девушку в черном.

— Туриста?

Шайлер знала, что ей нечего бояться, но не хотела лишаться маскировки. Парни подошли поближе. Лишь теперь она заметила, что у одного из них в руках «розочка» из разбитой бутылки.

Но в тот самый момент, когда Шайлер уже подумала, что сейчас ей придется защищаться, подкатил сверкающий черный автомобиль, на вид — пуленепробиваемый, с тонированными стеклами.

Шайлер решила, что на нее свалилась еще одна проблема. Ну и что теперь?

Одно из стекол машины опустилось. Шайлер никогда еще не была так счастлива, как теперь, увидев сидящего внутри парня.

— Мне потребовалось время, чтоб найти тебя. Извини, что упустил в аэропорту. Мой рейс задержали, — произнес Оливер, открывая заднюю дверь. Шайлер заметила на заднем сиденье двух охранников и еще одного — впереди. — Ну чего ты ждешь? Садись.

Глава 33

Гостиница «Копакабана-палас» была у Мими одной из любимых. Она много раз приезжала в Рио на карнавал и всегда останавливалась в одном и том же угловом номере. Мими понятия не имела, зачем Нэн Катлер понадобилось тащить весь Совет в Южную Америку, но спрашивать она не стала. А кроме того — что ж ей упускать такую возможность прогулять школу?

Джек не проявил ни малейшего желания сопровождать ее, и Мими не стала на него давить. Как только заключат узы, они будут ездить по свету вместе. Мими скучала по Джеку, но в то же время возможность побыть одной в новом городе вызывала у нее приятное волнение.

Девушка расстелила полотенце на шезлонге, что стоял на личной террасе, устроенной на крыше рядом с ее комнатой. Все члены Совета были приглашены сегодня вечером на ужин в Каса-Альмейда, виллу в горах. Династия Альмейда относилась к тем представителям Голубой крови, что перебрались в Бразилию в 1808 году, когда португальское королевское семейство и многие дворяне бежали из страны, спасаясь от завоевателя из Красной крови, Наполеона. Они перенесли местопребывание королевского двора в колонию, превратив Рио в первую европейскую столицу за пределами Европы.

Конечно, уютно устроившись здесь, они так и не вернулись обратно, а вместо этого объявили Бразилию независимой, а принца провозгласили императором. Но когда в 1889 году страна стала республикой, проживающие в Рио представители Голубой крови уступили и сосредоточили усилия на том, что им давалось лучше всего: они создавали музеи и собрания произведений искусства, строили великолепные гостиницы и поощряли возрождение культуры.

Мими восхищалась тем, как бразильская Голубая кровь позаботилась о своем городе, и мысленно сделала себе пометку, чтобы не забыть пригласить местную элиту на Весеннее празднество. Она подумала, что разным семействам стоит получше познакомиться друг с другом. Ныне столь многие из

них живут слишком далеко друг от друга. Конечно, главы различных комитетов каждый год встречаются в Нью-Йорке в Совете старейшин, но во всем прочем отношения практически не поддерживаются.

Мими улеглась на полотенце ничком и развязала тесемки купальника. К ней подошел мускулистый парень, служитель, следящий за бассейном. Его темная кожа и волосы эффектно выделялись на фоне белого спортивного костюма.

— Желаете коктейль?

— Конечно.

Мими приподнялась на локте, не потрудившись прикрыться. Его равнодушный взгляд — на самом деле почти что оскорбительный — взволновал ее. Мими постоянно присматривала себе новых фамильяров, а уж тут, в Рио...

Глава 34

Что касается Блисс, она могла бы остаться в Рио навсегда. Целыми днями она бродила по прекрасным пляжам города в купальнике, который приобрела в магазине при гостинице, потому что тот, который она прихватила с собой, показался ей чересчур пуританским для этого города.

Они остановились в знаменитой гостинице «Фазано» на Ипанеме, и хотя Блисс нравилось загорать на крыше, ей так же нестерпимо хотелось бродить по берегу одной. Боби Энн просила ее брать с собой Джордан, и сестры развлекались, плавая в океане и наблюдая за окружающими. Бразильцы носили чрезвычайно экономные купальники и плавки, вне зависимости от возраста и габаритов. Это действовало раскрепощающе и в то же время несколько резало глаз. Американка, живущая в душе Блисс, считала, что бабулям не полагается носить бикини.

И все же Блисс начала наслаждаться отдыхом, расслабившись по местной жаре и забывая, что они приехали в Рио по какому-то довольно серьезному делу. Она нечаянно услышала разговор Форсайта с Нэн Катлер, и, судя по этому разговору, Лоуренс действительно вляпался в крупные неприятности. Родители ничего не говорили Блисс, но видно было, что они встревожены и им не по себе. Форсайт то и дело срывался из-за всяких мелочей, и даже Боби Энн пребывала в раздражении. Блисс хотелось знать, удалось ли Шайлер связаться с Лоуренсом.

Блисс не сумела уговорить родителей взять Шайлер с собой. («Нет, ни в коем случае, — отрезал отец. — Она подопечная Чарльза, и я не думаю, что он даст разрешение».) Тогда Блисс предприняла следующий доступный ей шаг: дала со своего личного счета Шайлер денег на билет. Возможно, Шайлер уже была здесь, но она должна была позвонить Блисс, когда доберется до Рио-де-Жанейро, а пока что не давала о себе знать. Оставалось лишь надеяться, что с Шайлер все в порядке. Рио — неподходящее место для юной девушки, путешествующей в одиночку.

Блисс снова попыталась позвонить Дилану, но ответа не было. Они уже успели привыкнуть к ежевечерним разговорам и еще созванивались в течение дня. Блисс знала, когда у Дилана занятия по йоге, когда сеансы терапии, а когда обед. Сейчас же он не ответил ни на одну ее СМС, и девушка начала беспокоиться. Где же он?

Блисс набрала телефон клиники и попросила связать ее с куратором Дилана.

— Дилан? — бодро отозвался врач. — Его выписали на днях.

— Что, правда? — Для Блисс это было новостью. Дилан даже не упомянул, что его могут выписать. — А вы не знаете, кто его забрал?

— Одну минутку, сейчас посмотрю... — Послышался шорох перелистываемых бумаг. — Здесь записано, что пациент уехал с сенатором Ллевеллином.

Блисс сделалось не по себе. Очевидно, отец забыл сказать ей об этом. Возможно, пора бы спросить его, что все это значит, но при мысли о конфронтации с Форсайтом у Блисс противно заныло под ложечкой. Дилан позвонит ей, когда у него появится возможность. Непременно позвонит. Нужно просто подождать. Рядом с Блисс примостилась Джордан, свернувшись калачиком под зонтом; девочка густо намазалась солнцезащитным кремом и накрылась полотенцем. Блисс дразнила ее за это — срывала свое беспокойство за Дилана на сестре.

— А тебя все равно загар не берет! — парировала Джордан.

— Да, но мне все равно. Мне нравится загорать.

— Би, можно мне кокосового сока? — попросила Джордан, указав на продавца холодных напитков.

— Конечно.

Блисс полезла в сумку за кошельком, и тут внезапно все сделалось белым. Она не видела ничего вокруг. Она ослепла, хотя глаза ее и были широко открыты. Это было совершенно противоестественное и тревожное ощущение — как будто кто-то

другой смотрел ее глазами. Как будто в ее голове обосновался кто-то еще.

Когда к Блисс вернулось зрение, девушка поняла, что ее бьет дрожь.

— Что сейчас произошло? — спросила она у Джордан.

У Джордан в лице не было ни кровинки.

— Твои глаза... они были голубые.

Глаза у Блисс были зелеными. Зелеными, как изумруд, висящий у нее на шее. Блисс рассмеялась.

— Шутишь!

У Джордан был такой вид, словно девочка никак не может принять какое-то решение. В конце концов, она заговорила.

— Слушай, ты же согласишься мне, что у меня не было другого выхода? — спросила она, вцепившись в руку Блисс.

— Ты о чем? — переспросила совершенно сбита с толку Блисс.

Джордан лишь покачала головой, и Блисс, к потрясению своему, увидела, что ее мужественная младшая сестра готова расплакаться.

— Нет, я так, ничего, — шмыгнув носом, отозвалась Джордан.

Блисс обняла ее.

— Да не переживай так, малышка!

— Не забудь: ты была мне как настоящая сестра, — прошептала Джордан настолько тихо, что Блисс даже не была уверена, то ли девочка действительно это сказала, то ли ей просто померещилось.

— О чем бы ты ни беспокоилась, все будет хорошо, — сказала Блисс, крепко обняв сестру. — Все будет в порядке. Я обещаю.

Глава 35

— Оливер, как мне тебя благодарить?! — воскликнула Шайлер, застегивая ремень безопасности. Она посмотрела на вооруженных телохранителей. — Слушай, тебе не кажется, что ты переусердствовал с наращиванием мускулов?

Юноша пожал плечами.

— Береженного Бог бережет.

Шайлер кивнула.

— Значит ли это, что ты больше не злишься на меня?

— Давай отложим этот разговор. Мы приехали сюда за Лоуренсом.

— Верно.

— Ты в курсе, что тут весь Совет? — спросил Оливер. — Со стражем Эрлихом мы летели вместе. А в одной гостинице со мной остановились Дюпоны и Карондоле.

— Я знаю. Блисс мне рассказала, что страж Катлер созвала чрезвычайное заседание и привезла всех сюда. Они нашли Лоуренса?

— В том-то и дело. Они вообще не говорят про Лоуренса. Сейчас все собираются на большой прием к какому-то бразильскому семейству Голубой крови, — отозвался Оливер, когда машина въехала в центр и все вокруг сделалось еще более живописным: пышная растительность, великолепные пляжи и загорающие на них не менее великолепные люди.

— Где ты остановился? — поинтересовалась Шайлер.

— В «Фазано». Это новая гостиница Филлипа Старка. Блисс тоже там. Я бы снял тебе отдельный номер, но у них нет ни одного свободного. Ты как, не против делить номер со мной? — спросил Оливер.

— Ничуть, — отозвалась Шайлер, стараясь не показать охватившей ее неловкости. — Слушай... насчет того вечера...

— Давай отложим этот разговор, — непринужденно

произнес Оливер. — Ну, то есть — я тогда немного перебрал с мелодрамой. Он или я и все такое.

— Так ты не имел этого в виду? — с надеждой спросила Шайлер.

— Я не знаю. Давай... Давай сперва разберемся с Лоуренсом, а потом уж поговорим об этом. Идет?

— Идет.

Оливер был прав. У них сейчас нет времени на выяснение отношений. Им нужно найти Лоуренса.

Дедушка продолжал молчать, и это беспокоило Шайлер. А вдруг он попал в ловушку, его лишили свободы или даже хуже того? Разумно ли это было с его стороны — отправляться в Рио одному? Или встречаться с командой Кингсли? Того самого Кингсли, который теперь тоже был недостижим, по словам Блисс. Шайлер до сих пор не понимала, почему Кингсли, принадлежащему к Серебряной крови — хотя и исправившейся, — дозволили снова занять должность венатора. Ее дедушка не страдал излишней доверчивостью, и у него наверняка имелись веские причины снова довериться Кингсли, особенно после того, что произошло в Венеции.

Но все же...

Шайлер беспокоилась.

Она закрыла глаза и подумала о дедушке. Представила себе его львиную гриву и аристократическую осанку. И тут же получила ответ.

«Ты что здесь делаешь?!» — сердито спросил Лоуренс. Он явно был очень раздражен и, хуже того, пребывал, судя по голосу, в полном порядке.

«Э-э... спасаю тебя», — нерешительно отозвалась Шайлер.

В ответ раздался звук, похожий на мысленное фырканье.

«Жду тебя в баре «Паласа», через час».

Когда они встретились в баре в «Копакабана-паласе», Лоуренс был, как обычно, в твиде и плотной шерсти. Лицо его покраснелось, а по лбу ручьями тек пот. Шайлер подумалось,

что, может, он не так бы жаловался на погоду, если бы оделся полегче.

— Тебе нужно было оставаться в Нью-Йорке, — строго произнес Лоуренс вместо приветствия.

Они уселись, и Лоуренс заказал выпивку, «Беллини» для себя и безалкогольную пинаколаду для внучки и ее проводника. Хотя спиртное не действовало на вампиров, Лоуренс предпочитал придерживаться правил, установленных Красной кровью, и не одобрял, когда «несовершеннолетние» пили алкоголь.

— Но, дедушка... я услышала, что у тебя неприятности... — Шайлер смущенно поерзала.

Узнав, что с Лоуренсом все в порядке, она испытала облегчение, но под суровым взглядом дедушки собственные действия показались ей импульсивными и дурацкими. Предпринятое путешествие все больше и больше казалось ей ненужным и излишне драматическим.

— Это новость для меня, — отозвался Лоуренс, доставая трубку.

— Но почему тогда ты не отвечал на мои послания? — спросила Шайлер. — Я беспокоилась.

Лоуренс затянулся, прежде чем ответить.

— Я их не слышал. И вообще ничего не слышал от тебя вплоть до сегодняшнего дня, — произнес он, выпустив струйку дыма.

Официантка принесла заказанные напитки, и они чокнулись бокалами.

— Сэр, здесь не курят, — сказала официантка.

— Конечно. — Лоуренс, продолжая курить, подмигнул ей и поставил на стол серебряную пепельницу, неведь откуда взявшуюся.

Официантка отошла, сбита с толку, — очередная жертва Контроля. Лоуренс повернулся к Шайлер.

— Ты выполняла упражнения, которые я тебе показывал?

Сосредоточивалась, чтобы отыскать мой дух?

— Да, конечно, — с легким нетерпением отозвалась Шайлер.

Тут подал голос Оливер:

— Телепатические послания — они ведь зашифрованные. Не мог ли кто-то... ну, я не знаю... перехватить их? Или каким-то образом стереть?

— Это не так работает, — возразила Шайлер. — Это же не письма в электронной почте. Такие сообщения передаются напрямую от сознания к сознанию. С ними ничего такого не сделаешь. Правда, дедушка?

— Я в этом не уверен. Возможно, молодой человек, вы и правы, — задумчиво произнес Лоуренс и сделал глоток из своего бокала. — Использование телепатии зависит от способности вампира достучаться в духовный мир, который люди именуют паранормальным. Исток нашей силы пребывает на великом рубеже, в том месте, где обычные границы между материальным и духовным мирами истаивают.

— А Корковадо — пересечение этих миров? — спросила Шайлер.

— Да, — ответил дедушка.

Морщины на его лице проступили отчетливее.

— А Кингсли? Ты его видел? — продолжала Шайлер.

— Мы поддерживаем контакт.

— Так значит, он тоже не исчезал.

Вид у Лоуренса сделался озадаченный.

— Нет, не исчезал. Мы все это время на связи с ним.

Шайлер покачала головой.

— Просто... мы слыхали... — слабо произнесла она, — что вы с Кингсли... ну, не важно.

Лоуренс осушил бокал. Вид у него был по-прежнему недоумевающий.

Оливер извинился и отошел от стола, чтобы ответить на

звонок по мобильному, и Шайлер решилась задать дедушке вопрос, беспокоивший ее уже не одну неделю. Но ответ оказался совсем не тот, на который она надеялась.

Лоуренс приподнял брови и взглянул на внучку в упор.

— Такого способа не существует. Даже если предположить, что Джек разорвет узы, ему это ничем не поможет. Это нарушение наших законов. Нарушение кодекса вампиров. Если его близняшка будет требовать выполнения обязательств, состоится суд. Если его признают виновным, то осудят и сожгут. Если же он предпочтет бежать, вместо того чтобы принять приговор, тогда собственная двойняшка должна будет привести его к расплате.

У Шайлер перехватило дыхание.

— Но Аллегра... она же жива.

— Аллегра все равно что умерла от собственной руки. Чарльз убедил всех, что нельзя приводить приговор в исполнение, пока она без сознания. Но как только очнется, она тут же станет подвластна закону, как и он.

— Тогда почему он продолжает надеяться, что однажды она очнется? — спросила Шайлер, вспомнив, как Чарльз стоял на коленях у постели ее матери.

— Чарльз отказывается признать их разрыв. Но ему придется это сделать. Если Аллегра очнется, Комитет потребует суда.

— Но ведь ты же регис. Ты можешь спасти ее! — воскликнула Шайлер, подумав: «Ты можешь спасти Джека».

— Действие кодекса распространяется на всех Шайлер. Даже на твою мать, — произнес Лоуренс, и Шайлер готова была поклясться, что в голосе его прозвучало страдание.

— Значит, Джек так или иначе лишится жизни.

Лоуренс кашлянул и выбил пепел из трубки в пепельницу.

— Если он разорвет узы, то, даже если ему каким-то образом удастся избежать суда, дух его умалится. Для нас не существует смерти, но он будет полностью осознавать свое бессилие. К счастью, он никогда не испытывал искушения

нарушить свои обеты. Аббадон любит пофлиртовать, но по сути своей он верен. Он не станет так легко разрывать связь с Азраилом. Но, Шайлер, скажи мне, чем вызван этот интерес?

— Мы проходили это на последнем занятии на собрании Комитета, дедушка.

Так вот почему Джек вечно не хотел разговаривать об этом! Потому, что способа избавиться от уз не существует... Он солгал ей. Солгал из любви. Для них двоих надежды нет. Он подвергает себя риску, сопротивляясь неизбежному.

Мими была права. Мими сказала правду.

Без заключения уз Джек никогда не станет тем вампиром, каким ему предназначено быть. Он будет лишь половинкой себя, ослабленной и испорченной. Это будет тянуться медленно, на протяжении столетий, но это произойдет. Его дух умрет. А если эта кончина и не постигнет его, тогда до него доберется закон. Мими выследит его. Совет приговорит его к сожжению. Любя Шайлер, он рискует самой своей душой. Чем дольше они продолжают встречаться, тем большей опасности он себя подвергает.

Этому необходимо положить конец.

Шайлер с тоской вспомнила их последнюю встречу. Тот волшебный вечер, полный искусства и поэзии. То, каким красивым и смелым выглядел Джек, когда говорил о разрыве уз. Что он готов рискнуть ради того, чтобы быть с ней. Шайлер снова пришла на ум картина Шиле. Недаром полотно производило на нее такое впечатление. Двое влюбленных, обнимающихся словно в последний раз. Подобно «Разрыву» Анны Секстон, история Шайлер была одной из историй о разбитом сердце.

Не будет больше ночей у камина. Не будет книг, подсунутых ей под дверь. Не будет больше тайн.

Прощай, Джек.

Шайлер знала, что она должна сделать, как бы ни было тяжело. Пусть даже после этого ей больше не захочется жить.

Ей придется солгать.

Солгать, чтобы освободить его.

Архив аудиозаписей

Хранилище истории

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Только для Альтитронуса

Личное дело Корделии ван Ален

Расшифровка разговора, состоявшегося 25.12.98

Корделия ван Ален: Подойди ко мне, дитя. Ты знаешь меня?

Джордан Ллевеллин: Вы Серафиэль.

КвА: Прекрасно.

ДЛ (детский голос изменяется): Я — Пистис София. Хранитель. Дух, рожденный с открытыми глазами, пришедший на свет в полном сознании. Почему ты пробудила меня?

КвА: Потому что я боюсь.

ДЛ: Чего ты боишься?

КвА: Того, что мы потерпели неудачу. Что битва в Риме была фарсом. Что наш величайший враг все еще ходит по земле — но я не знаю, где именно. Ты — Джордан Ллевеллин. В этом цикле ты — дочь Форсайта Ллевеллина. Если мои подозрения верны, ты будешь нашей первой линией обороны.

ДЛ: Что я должна делать?

КвА: Смотреть, слушать и наблюдать.

ДЛ: А потом?

КвА: Если то, чего я боюсь, правда, ты должна будешь завершить то, что мы не доделали в Риме. Но я не смогу помочь тебе. Я связана кодексом. Сегодня мы разговариваем в последний раз.

ДЛ: Я понимаю, крестная.

КвА: Удачи тебе, дитя. Прими мое благословение в пути.

Быть может, оно сбережет тебя. Фацио валитурус фортис. Будь сильной и храброй. До новой нашей встречи.

ДЛ: До встречи в следующей жизни.

Глава 36

Боль.

Жгучая боль.

Как будто кто-то приложил к ее сердцу раскаленную кочергу. Жгло нестерпимо. Она чувствовала, как ее кожа краснеет, потом чернеет, чувствовала запах дыма, поднимающегося от обугливающейся плоти. Это совсем не походило на нападение в Хранилище. Этого ей не пережить. Блисс вырвалась из миазмов сна, вынуждая себя пробудиться. Проснись! Проснись! Чувство было такое, словно ее душат и рвут на части одновременно. Но она собрала все свои силы, сколько их было, и ей удалось оттолкнуть боль. Раздался грохот и крик. Блисс заморгала и села на диване. После возвращения с пляжа она прилегла немного вздремнуть в номере. Девушка все еще пыталась понять, что же происходит, когда дверь распахнулась и на пороге появились родители.

Блисс разглядела в темноте Джордан. Девочка лежала на полу бесформенной кучей, а в руках у нее было что-то яркое, сверкающее.

Родители быстро, почти профессионально оценили ситуацию — как будто ожидали чего-то подобного.

— Скорее, Боби Энн, она все еще оглушена. Накладывай заклинание, — приказал Форсайт и принялся увязывать младшую дочь в тюк из гостиничных простыней и одеял.

— Что происходит? Что вы делаете? — спросила еще не до конца пришедшая в себя Блисс.

Все происходило слишком быстро, и она не могла ничего осознать.

— Смотри, — произнес Форсайт, забрав из руки Джордан небольшой клинок и сунув его жене. — Она залезла в сейф.

Блисс пыталась отыскать в происходящем хоть какой-то смысл, но ей было так дурно, что мыслить логически не получалось никак. Она что, сходит с ума или Джордан

действительно только что пыталась убить ее?

Когда мачеха положила ладонь ей на лоб, Блисс вздрогнула.

— Она горячая, — сообщила Боби Энн мужу. Потом она подняла рубашку Блисс и осмотрела ее грудь. — Но я думаю, с ней все в порядке.

Форсайт кивнул; он, встав на колени, рвал простыню на полосы, чтобы обвязать одеяло, в которое была завернута Джордан.

Подумав, что боль мог причинить ей изумруд, Блисс взглянула на грудь. У нее было такое ощущение, будто камень прожег ей кожу, оставив след, словно от клейма. Но когда она прикоснулась к изумруду, тот был таким же прохладным, как и всегда. И кожа под ним была гладкой и целехонькой. Потом девушка поняла. Изумруд спас ее от оружия, которым ей только что пытались пронзить сердце.

— Да, она в порядке, — объявила Боби Энн, проверив зрачки и пульс Блисс. — Хорошая девочка. Ты нас немного напугала, — произнесла она, похлопав по карманам в поисках пачки «Мальборо лайт».

Боби Энн прикурила и затянулась с такой силой, что сигарета на глазах превратилась в длинный столбик пепла. Блисс заметила, что мачеха безукоризненно накрашена для торжественного мероприятия и что родители одеты в парадные вечерние туалеты.

— Что происходит? Почему Джордан напала на меня? — спросила Блисс, повернувшись к отцу, когда к ней наконец-то вернулся голос.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы ответить. В сенате Форсайт Ллевеллин считался представителем умеренных, охотно организующим переговоры, чтобы привести враждующие группировки к согласию. Его спокойное техасское обаяние было очень кстати во время партизанских сражений в Законодательном собрании.

Блисс видела, что он теперь намерен очаровать ее.

— Золотце, ты должна понять, что Джордан не такая, как мы, — произнес Форсайт, увязывая узел, в котором находилась

его младшая дочь. — Она не одна из нас.

— Не одна из нас? Что ты имеешь в виду?

— Ты все поймешь со временем, — заверил ее Форсайт.

— Но мы вынуждены были взять ее! У нас не было выбора! — выпалила Боби Энн с внезапно прорвавшейся горечью в голосе. — Нас заставила Корделия ван Ален, эта старая ведьма, которая вечно вездесует!

— Джордан не из нашей семьи, — добавил отец.

— Да о чем вы говорите?! — воскликнула Блисс.

Это было уже чересчур. Все эти тайны и бесконечная ложь — ее уже тошнит от всего этого! Ее тошнило оттого, что от нее все скрывают.

— Я все знаю про Аллегру! — внезапно объявила девушка, с вызовом глядя на родителей.

Боби Энн посмотрела на мужа. На лице ее было написано: «Я же тебе говорила!»

— Что ты знаешь про Аллегру? — с невинным видом поинтересовался Форсайт.

— Я нашла вот это. — Блисс достала из кармана и показала им надписанную фотографию. Она все это время не расставалась с ней. — Ты солгал мне. Ты сказал, что мою мать звали Шарлотта Поттер. Но никакой Шарлотты Поттер вообще не существовало.

Форсайт заколебался.

— Нет... но это не то, о чем ты думаешь.

— Тогда расскажи мне все.

— Это сложно, — вздохнул Форсайт. Он устремил взгляд на панораму за окном, не желая встречаться взглядом с Блисс. — Однажды, когда ты будешь готова, я расскажу тебе. Но не сейчас.

От этого можно было сойти с ума. Отец снова делал то же самое — уворачивался от ее вопросов и все замалчивал. Скрывал от нее правду.

— А как насчет Джордан? — спросила Блисс.

— Не волнуйся. Она больше не причинит тебе вреда, — успокаивающе произнес Форсайт. — Мы отправим ее в безопасное место.

— Вы отошлете ее в «Переходный период»?

— Да, что-то в этом роде, — отозвался отец.

— Но почему?

— Блисс, лапочка, ее лучше убрать, — сказала Боби Энн.

— Но...

Блисс окончательно перестала что-либо понимать. Ее родители говорили о Джордан, словно это была собака, которую отсылают в деревню, или вообще неодушевленный предмет.

Но Блисс вынуждена была признать, что эти странные семейные взаимоотношения были не то чтобы новыми. Она вспомнила, что Боби Энн никогда не говорила о Джордан с любовью и всегда давала понять, что предпочитает Блисс, хотя та не была ее ребенком. И что отец всегда держался на расстоянии от своей странной младшей дочери.

Когда Блисс была помладше, ей нравилось, что родители относятся к ее сестре с безразличием. Теперь же она поняла, что их отношение на самом деле было ненормальным.

Ее родители ненавидели Джордан.

Всегда ненавидели.

Глава 37

— Звонили из гостиницы, — сообщил Оливер, вернувшись к столику. — Кто-то выехал, и у них освободился номер. Они спросили, хочу ли я его занять. Так что у тебя теперь есть своя комната, — с бесстрастным видом добавил он.

— Спасибо, — отозвалась Шайлер, изо всех сил стараясь говорить так, как будто ничего не произошло, как будто на месте сердца у нее не возникла дыра.

Но она выбросила всякие мысли о Джеке из головы. Потом... она будет скорбеть потом.

— Лоуренс, а почему тогда Совет приехал сюда? — спросил Оливер. — Из-за Левиафана?

— Совет здесь? — мгновенно отреагировал Лоуренс.

— Ой, я забыла тебе сказать. Да, они здесь. Все до единого, — сообщила Шайлер. — Думаю, приехали вчера вечером.

Лоуренс принялся обдумывать последнюю информацию, допивая попутно содержимое бокала. Рядом с ним мгновенно, как будто сама была вампиром, возникла официантка с новым коктейлем.

— Еще пинаколады? — спросила она, указав на полупустые бокалы с липкой и сладкой желтой жидкостью.

Оливер кашлянул.

— Мне виски, пожалуйста.

— Мне тоже, двойное, — быстро добавила Шайлер, решив рискнуть последующими проявлениями недовольства со стороны дедушки. — Кто такой Левиафан? — спросила она, повернувшись к Оливеру.

Бар начал заполняться загорелыми туристами, зашедшими на часы скидок, а оркестр принялся наигрывать зажигательную самбу.

— Если бы ты выполняла домашние задания, внучка, так

знала бы ответ на этот вопрос, — поддел ее Лоуренс.

— Левиафан — это демон, — объяснил Оливер.

— Один из самых сильных среди Серебряной крови, — добавил Лоуренс. — Брат самого Князя тьмы. Его правая рука.

Шайлер содрогнулась.

— А он тут при чем?

Лучше бы эта музыка не играла так громко! Веселая, жизнерадостная мелодия слишком разительно контрастировала с мрачной темой их разговора.

— Корковадо — тюрьма Левиафана, — пояснил Лоуренс. — Это единственное место на земле способное удержать его. Он был слишком силен, чтобы его можно было убить, и слишком укоренился на земле, чтобы его можно было отослать обратно в преисподнюю. Когда его схватили, то заключили в скалу под статуей Искупителя. Его повергла твоя мать.

Так вот что Лоуренс скрывал от нее в ночь своего отъезда! Скрывал, чтобы защитить ее от правды, и не сказал всего о Корковадо. Левиафан. Вот что означала та нутряная ненависть, которую она ощутила на показе мод. Если бы она уделяла больше внимания книгам, могла бы вычислить это раньше. Но ее мысли были заняты другим...

— Да. В вечер землетрясения — это был он, — подтвердил Лоуренс. — Именно в нем причина того, что Корковадо охраняет элита венаторов. Мы всегда держали здесь сильный отряд.

— Теперь я понимаю, — отозвалась Шайлер. — В смысле — почему ты сюда приехал.

Лоуренс кивнул.

— Когда Кингсли принес известия о странных исчезновениях в Рио, я слегка занервничал. После землетрясения же я понял, что мне придется взять дело в свои руки и позаботиться, чтобы укрепления Корковадо оставались надежны. Я дал зарок не покидать этот город, пока не буду уверен, что угроза — если таковая существует — не ликвидирована.

Затем, несколько недель назад, венаторы подтвердили, что

Яна, пропавшая молодая девушка-вампир, просто сбежала на каникулы со своим парнем, как и предполагала ее мать. Тем временем команда Кингсли, обшарив чуть ли не все Анды, отыскала Альфонсо Альмейду, пропавшего патриарха южноамериканского клана. Не считая того, что из-за своего неумения ориентироваться по карте он заблудился и обморозился, с ним все в порядке. Потому, как я тебе говорил в своих сообщениях, все было спокойно. Никакого прорыва.

— А Левиафан? — спросил Оливер.

— Заключен навеки, насколько я могу судить, — с облегчением произнес Лоуренс.

— Но как же тот сигнал?.. А землетрясение? — возразила Шайлер, пытаясь перекрыть шум толпы и неослабевающий рокот барабанов самбы.

— Не более чем внешние признаки его попыток вырваться из цепей. Ничего такого, к чему Левиафан не пробовал бы прибегнуть прежде. Но тщетно. Корковадо будет стоять вечно.

И Лоуренс пристукнул по столу бокалом, словно бы для того, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— Тогда почему Совет думает, что Корковадо в опасности? — спросила Шайлер.

— Так вы из-за этого сюда приехали?

Шайлер кивнула.

— Я не знаю. Но у Нэн, должно быть, имеются какие-то причины. Регент никогда не будет действовать без серьезного основания. — Лоуренс допил коктейль. — Тогда опять же, возможно, Кингсли прав, — негромко произнес он, словно разговаривая сам с собою.

— Кингсли! — не выдержав, взорвалась Шайлер. — Как ты можешь доверять ему?! Ты же сам говорил, что нельзя доверять блестящему фасаду. Все эти Кингсли — скользкие типы.

— На самом деле Кингсли доказал, что его преданность Совету выше чувства долга. Не говори о нем так непочтительно, внучка, — строго произнес Лоуренс.

— Чем доказал — фокусом, который выкинул в Хранилище?

— Кингсли лишь делал то, что ему было сказано. Он выполнял приказы своего региса.

— Ты хочешь сказать, что Чарльз велел ему призвать Серебряную кровь?!

От возмущения Шайлер чуть не рассмеялась. Михаил — архангел. Он не может пойти на такое предательство!

— У всего есть свои причины. Возможно, даже у внезапного наплыва старейшин в этот город, — предположил Лоуренс.

— Знаете, семейство Альмейда дает сегодня вечером званый ужин, — вмешался в разговор Оливер. — Для всего Совета. — Юноша взглянул на часы. — Думаю, он уже начался.

Лоуренс жестом велел официантке подать счет.

— Прекрасно. Возможно, там мы и найдем все ответы. В любом случае, приемы у Альмейда отличные.

Глава 38

В дверь резко, отрывисто постучали, и Блисс заметила, что родители при этом звуке так и подскочили. Форсайт быстро подошел к двери и глянул в замочную скважину.

— Все в порядке, — объявил он, отпирая дверь.

В комнату размашистой походкой вошла суровая и элегантная женщина с белой прядью в волосах цвета воронова крыла. Ее сопровождали двое слуг.

Блисс всегда немного побаивалась стража Катлер. Именно эта старейшина проверяла ее разум — не был ли он извращен Серебряной кровью. Девушка до сих пор помнила тревожное ощущение, возникавшее, когда тебя изучали и судили.

— Где хранитель? — спросила Нэн Катлер.

Боби Энн указала на сверток, лежащий в дальнем углу комнаты.

— Вы погрузили ее в стазис?

Форсайт кивнул.

— Да. Она проснется не скоро.

— Мы застукали ее вот с этим, — сообщила Боби Энн, передавая оружие Джордан стражу.

— Нам нужно изыскать способ уничтожить его. Использовать это для нас слишком опасно, — сказал Форсайт. — Я думал, что заклинания будет достаточно, чтобы держать его в сейфе, но, очевидно, она смогла обезвредить его. Чересчур умная.

— Если способ его уничтожить вообще существует, — сказала Нэн. — Черный огонь его не берет.

— Вы сможете с этим управиться? — спросил Форсайт.

— За вами не следили? — пожелала немедленно узнать Боби Энн.

Блисс увидела, как мрачная страж покачала головой.

— Нет, за мной никто следить не станет. Мы об этом позаботимся. На самом деле — просто поразительно, что она ждала так долго, прежде чем предпринять этот шаг. Но не беспокойтесь, я позабочусь, чтобы она больше не представляла для нас угрозы. — Нэн с отвращением взглянула на тюк из одеяла. — Корделия ван Ален действовала слабоумно, как всегда, когда решила, что если она пошлет в вашу семью хранителя, это что-то решит.

— Так значит, она подозревала? — спросила Боби Энн.

— Конечно подозревала! — огрызнулся Форсайт. — Вы ее недооценивали, Нэн. Она была сообразительна. Она понимала: что-то назревает.

— В таком случае жаль, что ее маленькая убийца оказалась так же неэффективна, как и сама Корделия.

Нэн подала знак, и ее слуги подняли сверток и вынесли его из комнаты.

Блисс понятия не имела, о чем они говорят, но отчаянно пыталась разобраться. Что подозревала Корделия ван Ален?

— Нам нужно торопиться, — сказала Боби Энн мужу. — Ужин начинается через час.

Форсайт кивнул.

— Что происходит? Куда вы идете? — спросила Блисс, пытаясь удержать слезы бессилия. — Куда они понесли Джордан?

Блисс пыталась понять, что же толкнуло ее сестренку на подобное безумие. Но родители отказывались что-либо ей объяснять или говорить, кроме своих загадочных комментариев. Они отправились на большой ужин к семейству Альмейда, как будто вообще ничего не произошло. Боби Энн даже сказала Блисс, что она может заказать в номер все, что угодно.

Ей пришлось смириться с этим.

Джордан исчезла. Ее младшая сестра, всегда следовавшая за ней по пятам, пытавшаяся подражать каждому ее шагу. В пять лет Джордан мечтала о пышных вьющихся волосах, как у сестры, и заставляла служанок завивать ее упрямые прямые

пряди, чтобы только походить на Блисс. Джордан, которая в детстве звала ее «Бисс», потому что не выговаривала букву «л». Джордан, всего лишь на днях предлагавшая ей шоколад и утешение. На глаза Блисс навернулись слезы.

Она поняла, что никогда больше не увидит Джордан.

«Отчего ты плачешь?» — спросил чей-то негромкий сочувственный голос.

«Мне печально».

«Джордан пыталась причинить вред Блисс».

«Я знаю. Но она была моей сестрой. Моим другом».

«Разве друзья причиняют вред?»

Блисс внезапно вспомнила, каково это — чувствовать, что тебя словно разрывает надвое. Никогда в жизни ей еще не бывало настолько больно. Джордан действительно сделала это. Она целила ей в сердце. Она пыталась убить Блисс тем оружием — ярким, золотистым, похожим на меч.

Но он отличался от меча, который отец хранил в своем кабинете. Тот меч, который Форсайт использовал во время нападения на Хранилище — когда Серебряная кровь убила Присциллу Дюпон, — был тускло-золотым. А клинок, которым воспользовалась Джордан, излучал ярко-белый свет.

Нэн Катлер сказала, что его невозможно уничтожить, и Блисс внезапно вспомнила слова Мими: «Меч правосудия пропал». Неужели отец держит у себя меч Михаила? Единственное на свете оружие, способное убить Люцифера? Меч архангела? А если так, почему Джордан использовала этот меч против нее? Блисс почувствовала приближение пульсирующей головной боли.

«У меня нет выбора», — сказала сестра сегодня днем.

Почему нет выбора?

Постепенно Блисс перестала тосковать по Джордан. Она начала радоваться, что ее забрали. Куда бы ее ни отправили, Джордан это заслужила. Блисс надеялась, что это будет темная, глубокая подземная тюрьма, где Джордан сможет целую вечность размышлять о своих преступлениях.

«Превосходно!» — произнес голос на краю ее сознания. Теперь Блисс узнала его. Он походил на голос того джентльмена в белом костюме. Того самого, который назвал ее дочерью.

А потом снова оказалось, что она смотрит, но не видит. У нее снова случилось помрачение сознания. Да, вот прямо сейчас. Девушка попыталась совладать со зрением, побороться с накатывающим помрачением, но все тот же голос в голове произнес: «Пусти!»

И Блисс сдалась.

И обнаружила, что сдача принесла ей истинное облегчение.

Глава 39

Мими решила надеть на этот прием великолепное маленькое платье для коктейлей, от Валентино. Оно было черно-белым, открытым, с тесным корсажем, подчеркивающим тонкую талию девушки. Широкий черный пояс и эффектный кружевной бант приносили намек на девичью беззаботность. Мими купила это платье прямо на показе мод кутюрье и прихватила с собой в Бразилию, поскольку знала, что ей предстоит ожесточенное состязание со всеми этими Альмейда, да Лима и Рибейро — раздражающе красивыми бразильянками со сногшибательными гардеробами.

Но Мими до сих пор не понимала, что они все делают в Рио. Ну да, конечно, это как-то связано с Лоуренсом. И кажется, с Кингсли — насчет этого она не была уверена. Нэн Катлер, эта морщинистая ведьма, поддерживала неопределенность. Но таков уж был обычай Совета: не задавать вопросов своим лидерам. Нэн Катлер была Регентом, и если она желает, чтобы старейшины находились в Бразилии, они будут там.

Группа охранников забрала Мими из гостиницы и отвезла на просторную виллу. Девушка усмотрела некую иронию в том, что, хотя из обширного поместья хозяев вечера открывался превосходный вид на город, вид из жалких лачуг, с риском для себя лепящихся к скалам, был, вероятно, еще лучше.

Мими ожидала большей суматохи и была удивлена, обнаружив, что приглашены лишь ее сотоварищи, члены Совета. Бразильцы обычно устраивали грандиозные вечеринки с приглашенными исполнителями самбы и с весельем на всю ночь. Но сегодняшний прием был скромным, и Мими вежливо побеседовала о том о сем с несколькими стражами и с устрашающей супругой Альфонсо Альмейды, доньей Беатриче, прежде чем занять свое место за столом.

Подали первое блюдо, теплый грибной суп, который представлял собой мясной бульон с овощами, налитый поверх горки грибов. Мими нерешительно попробовала его. Суп был великолепен.

— Ну так все-таки, Эдмунд, как вы насчет того, чтобы возглавить комитет по подготовке к весеннему празднику?

Мими надеялась встретить на этой вечеринке богатый выбор знойных бразильских мужчин, но раз их тут не оказалось, она решила взяться за некоторые незавершенные дела Комитета.

— А что, подруга мэра вам уже отказала? — осведомился Эдмунд, промокая уголки губ салфеткой.

Мими скривилась.

— Мы ее не спрашивали. Вы что, серьезно предлагаете ее? Эту замухрышку? Кроме того, она совершенно не интересуется балетом, как вам известно.

Эдмунд Эрлих усмехнулся, пригубил вино — и внезапно поперхнулся. Мими подумала было, что у него вино попало не в то горло, но тут изо рта Эрлиха хлынула кровь. Мими закричала. Главу стражей закололи ударом в спину. Сидевшая слева от Мими София Дюпон рухнула в свой суп; в поясницу у нее был всажен серебряный кинжал.

Потом свет погас и зал затопила темнота.

«Это ловушка!» — подумала Мими с каким-то сверхъестественным спокойствием и нырнула под стол, прежде чем нож, нацеленный ей в сердце, вонзился в спинку ее стула.

Серебряная кровь!

Да, конечно. Но Альмейда... они же из королевского рода! Как они могли стать предателями?

Бой был бесшумным и быстрым. Не прозвучало ни крика, ни вопля — лишь звук, от которого волосы вставали дыбом: бульканье крови ее товарищей-стражей. Совет был перебит.

Мими попыталась собраться с мыслями, вспомнить, что ей известно о способах сражения с ними. Боже милостивый, она уже несколько столетий не сталкивалась с этими тварями! Блисс рассказывала, что в тот вечер, когда произошло нападение на Хранилище, она видела призрачную фигуру, у которой были серебряные глаза и красные зрачки. Но Серебряная кровь могла принимать любой облик по собственному выбору, чтобы

замаскировать истинный.

Мими приказала себе думать и вспоминать. И в ответ воспоминания хлынули в разум потоком образов, от которых она чуть не закричала. Бег сквозь темный лес, ветви деревьев царапают кожу, шлепанье подошв кожаных сандалий по грязной тропе, всплеск адреналина, что побуждает ее бежать со всех ног, спасая собственную жизнь... но нет, это она преследователь. А тварь убегает от нее. Она видит на коже твари светящуюся во тьме метку Люцифера.

Мими вернулась в настоящее. Хотя в комнате царила непроглядная темнота, зрение вампира позволило ей увидеть, как Дэшиела ван Хорна закололи ударом в сердце, как из Кашинга Карондоле досуха выпили кровь, как Серебряная кровь похватала старших стражей. Комната заполнилась яростными сосущими звуками — это вампиры-хищники расправлялись со своими жертвами.

Покончив с ними, Серебряная кровь приняла их облик. Вампира, носившего имя Доротеи Рокфеллер, более не существовало. Ее место занял ходячий труп с мертвыми глазами.

Слишком многие из старейшин оказались медлительны и потеряли форму. Слишком давно они не тренировались. Они забыли, как сражаться. Мими, дрожа, взялась за меч, который был сейчас размером с иголку; она спрятала его в свою расшитую блестками вечернюю сумочку. Это был ее единственный шанс выбраться отсюда живой. Но врагов было слишком много. Она не сумеет прорубить себе дорогу на волю. Не сейчас. Господи, сколько же их! Кто бы мог подумать, что их так много! Откуда они только взялись? Надо спрятаться. Это ее единственная надежда выжить.

Мими медленно пробралась через обеденный зал к коридору и принялась искать выход. Пока что ее побег остался незамеченным. Правда, она еще и не сбежала.

Тут раздался холодный, беспощадный голос:

— Азраил!

Мими развернулась и увидела Нэн Катлер, направившую меч ей в лицо. Страж сбросила свой облик старой ведьмы: она выглядела такой же юной, как Мими, и беспредельно сильной.

Ее белые волосы теперь отливали золотом, а единственная черная прядь превратилась в блестящий вороной поток.

— Ты!.. — вырвалось у Мими.

Но ведь Катлеры были одним из изначальных семи семейств! Одним из старейших и самых уважаемых. Нэн Катлер носила имя Харбона. Ангел уничтожения. Во времена первой инквизиции, когда Михаил командовал небесным воинством и безжалостно истреблял их врагов, вампиров-ренегатов, они сражались плечом к плечу.

— Но почему?! — спросила Мими.

Она стремительно развернулась и выхватила свой меч, отбив клинок Нэн. Вместо ответа Нэн нанесла удар и располосовала воздух на том месте, где только что стояла Мими.

Ее глаза вспыхнули.

— Тебе вовсе не обязательно умирать, — одновременно с выпадом произнесла Нэн.

Мими с ворчанием отбила удар и контратаковала.

— Ты можешь присоединиться к нам. Присоединиться к своим братьям и сестрам, которые до сих пор ведут правый бой.

«Эта дура что, в самом деле думает, что я перейду на их сторону? После всего, что мы с Аббадоном пережили, чтобы спасти тот хрупкий мир, обретенный здесь, на земле?» — подумала Мими.

— Ты — одна из нас. Ты не принадлежишь свету. Это не истинная твоя природа, Несущая Смерть.

Мими решила не отвечать и вместо этого сосредоточилась на поиске слабых мест Нэн. Комнату, в которой они сражались, начало заволакивать черным дымом.

«Они подожгли дом!» — в панике подумала Мими.

Подожгли его черным огнем, единственным, что могло уничтожить сангре азул, бессмертную Голубую кровь, текущую в их жилах. Уничтожить кровь — это означает уничтожить вампира. Память будет утрачена навеки. Вот истинная смерть для их народа.

Нэн полоснула Мими по руке. Ее клинок наконец-то пролил первую кровь.

«Ах ты, сука! Больно же!»

Мими забыла про страх и метнулась вперед, не думая о собственной безопасности. Она издала боевой клич, что всплыл в ее памяти лишь в это мгновение. Тот самый клич, которым Михаил поднимал свое воинство в бой.

— Некси инфиделес! — взревела Мими. — Смерть неверным! Смерть предателям!

Сейчас она была Азраил, золотая и устрашающая. Ее лицо, волосы и меч пылали ослепительным светом.

Могучим ударом она рассекла лжестража надвое. И, пошатнувшись, отступила. Черный дым заполнял ее легкие. Ей необходимо выбраться отсюда. Мими ощупью нашла дорогу ко входной двери и распахнула ее — как раз в тот момент, когда с другой стороны к ней подошел черноволосый мужчина. В мгновение ока он приставил к горлу Мими нож.

У Мими упало сердце.

Ее взял в плен Кингсли Мартин.

Изменник, продавшийся Серебряной крови.

Она обречена.

Глава 40

Лоуренс настоял, что сам поведет машину, и пока они ехали по темному извилистому шоссе, Шайлер невольно обратила внимание на крохотные мерцающие огоньки на склоне горы и на то, насколько они красивы.

— Угу, только там, наверное, трущобы, а значит, электричество подключено кое-как. И является потенциальным источником пожарной опасности, — заметил Оливер.

Шайлер вздохнула. В этом городе смешалось все: нищета и богатство, преступность и беззаботность туризма, образовав пьянящую, головокружительную смесь. Здесь невозможно было восхититься красотой и не заметить рядом уродства.

После одного особенно крутого поворота Лоуренс внезапно резко свернул на обочину и тяжело осел на сиденье.

— Дедушка! — вскрикнула встревоженная Шайлер.

Она увидела, как глаза Лоуренса задвигались из стороны в сторону, словно во сне. Но он не спал, он принимал сообщение. К тому моменту, как это завершилось, лицо Лоуренса сделалось мертвенно-бледным. На мгновение Шайлер показалось, что он сейчас потеряет сознание.

— В чем дело? Что случилось?

Дедушка развернул носовой платок и прижал ко лбу.

— Это был Эдмунд Эрлих — перед своим уходом. Весь Совет перебит. Тех, кого не сожгли, забрали.

— Все мертвы?! — ахнула Шайлер. — Но как?! Почему?.. — Она сжала руку дедушки. — Что значит — они все мертвы?

Она обернулась на заднее сиденье, к Оливеру, ища поддержки. Но Оливер потрясенно молчал, и на лице его застыло выражение беспомощного замешательства.

— Оказалось, что Альмейда принадлежат к Серебряной крови, — произнес Лоуренс, запинаясь, что было ему совершенно несвойственно. — И нынче вечером они раскрыли

карты. Я подозревал это — потому и задержался в Рио дольше, чем планировал, но Альфонсо прошел испытание. У него не было Метки. Меня одурачили. — Лоуренса трясло. — Но у них была помощь. Эдмунд сказал, что Нэн Катлер — одна из них.

Шайлер прикусила губу.

— Нэн Катлер! — Голос Лоуренса звучал словно у смертельно раненого. — Во время кризиса в Риме она внесла неоценимый вклад в разгром Серебряной крови. Она долгие годы хранила верность Совету, и это обмануло меня. Моя вина. Я был слишком самоуверен и доверчив, вместо того чтобы соблюдать осторожность.

Внезапно Лоуренс развернул машину, заставив ехавший навстречу автомобиль резко свернуть, чтоб избежать столкновения.

— Кингсли был прав — я слишком полагался на бывшее служение, — произнес Лоуренс, утопив педаль, и машина рванулась вперед.

— Куда мы?

— На Корковадо.

— Сейчас? Почему?

Лоуренс стиснул руль.

— Нападение на Совет может означать только одно: Серебряная кровь намеревается освободить Левиафана.

Они остановились у подножия горы, откуда начинался подъем к статуе Искупителя, и выскочили из машины. На парковке было пусто и тихо; лишь подсвеченная прожекторами статуя высилась над ними.

— Замаскируйся! — приказал Лоуренс Шайлер. — А ты останься здесь, — велел он Оливеру.

— Я не могу! — призналась Шайлер. — У меня не получается мутацию!

Лоуренс уже принял облик того парня с орлиным носом и величественной осанкой, в виде которого он впервые встретился с Шайлер на венецианской биеннале.

— Еще как можешь! — отозвался он, с легкостью перемахнув через ограду.

— Дедушка, я не могу! Я не в состоянии превратиться в туман или в животное! — повторила Шайлер, следуя за ним.

— А кто говорит, что ты это можешь? — поинтересовался Лоуренс, пока они бежали по зигзагообразным лестничным пролетам вверх, к статуе.

Шаги их были почти что неслышимы.

— Я тебя не понимаю!

— Скорее всего, ты такая же, как я. Я тоже не могу превращаться в облако или животное. Но при этом я могу менять свой облик на другой, но человеческий. Попробуй!

Шайлер попробовала. Она закрыла глаза и сосредоточилась на том, чтобы сменить только свои черты, а не перевоплощаться полностью. Несколько секунд спустя она обнаружила, что успешно превратилась в типичного тучного аргентинского туриста, приехавшего сюда отдохнуть.

Они добрались до вершины горы и остановились под статуей. Вблизи никого не было. Кругом царили тишина и спокойствие.

Не в первый раз за этот вечер Шайлер задумалась над тем, что будет, если ее дедушка потерпит поражение. А вдруг они приехали не туда? Почему он привез их именно в это место? Зачем?

— Возможно, мы опоздали. Или они не придут. Нам стоит отправиться в особняк Альмейда и посмотреть, может...

— Тихо! — скомандовал Лоуренс.

Шайлер умолкла.

Они обошли основание статуи по периметру. Ничего. Они были здесь одни. Шайлер начала впадать в панику. Почему они здесь, когда их сородичей убили где-то в другом месте? Им нужно вернуться. Они совершили серьезную ошибку. Девушка прошла вдоль северо-восточной стороны; она уже была уверена в том, что предположение Лоуренса оказалось ошибочным. Здесь нечего...

— Шайлер! Берегись!!! — раздался отчаянный крик Оливера.

Он тайком поднялся на гору следом за ними, не желая оставаться в стороне.

Шайлер подняла взгляд. Прямо перед ней стоял мужчина в белом костюме, и золотой меч в его руках был нацелен ей в грудь. Девушка поднырнула под клинок и сильно ударилась о землю, и в тот же самый миг Лоуренс выхватил собственный меч из потайных ножен под пиджаком.

Два меча скрестились со звоном, один — огненно-золотой, второй — льдисто-серебряный, и звон их эхом разнесся по долине под горой.

Глава 41

— Проклятый предатель! — прошипела Мими.

— Положи оружие, Азраил, — негромко произнес Кингсли, продолжая удерживать нож у ее горла.

— Меня ты так просто не возьмешь, как остальных! — с ненавистью бросила девушка.

— Ты о чем? — резко спросил Кингсли. — Я увидел с улицы черный дым. Господи, что здесь произошло?

— Это ты все подстроил! И нечего изображать невинность! Все знают, что ты собой представляешь на самом деле, Кроатан! — бросила Мими, пронзив собеседника взглядом, полным безграничного отвращения.

— Я понимаю, что тебе трудно в это поверить, но мне самому вот только-только удалось избавиться от редкостно паршивого заклинания стазиса, — мрачно произнес Кингсли. — Я заехал за Альфонсо, чтобы вместе с ним отправиться, как обычно, поиграть в гольф — и внезапно очутился в ловушке в собственной же машине. Как только мне удалось высвободиться, я пришел сюда предупредить остальных.

Мими фыркнула. Ну просто чудесная история! Опять этот Кингсли строит из себя жертву! Видите ли, его незаконно удерживали — ага, как же! Да ему ничего не стоило выйти из дома через черный ход и подойти к главному!

Хотя... а что он выиграет, сохраняя ей жизнь? Почему он ее попросту не прикончил на месте? Перерезал бы горло, да и покончил со всем одним махом.

— Где Лоуренс? — Кингсли закашлялся. Несколько взрывов встряхнули землю у них под ногами. — Я пытался отправить ему сообщение, но не сумел его отыскать.

— Его здесь нет, — сказала Мими, заметив, что Кингсли опустил оружие.

Она могла бы убить его сейчас, пока он утратил бдительность. Но вдруг он говорит правду? Или его поведение

просто еще одна часть расставленной ловушки?

Прежде чем она успела принять какое-то решение, раздался грохот и появился Форсайт Ллевеллин. Он нес безвольно обвисшее тело жены. Одежда его была опалена, а на лбу зияла глубокая рана. Так значит, уцелел еще и он. Мими почувствовала себя чуть лучше. Может, найдутся и другие выжившие. Но куда ушли твари Серебряной крови? После того как она прикончила Нэн Катлер, прочие словно исчезли в дыму.

— Все прочие мертвы, — сообщила Мими Форсайту. — Остались только мы. Я видела смерть Эдмунда, Дэшиела, Кашинга — всех... И Регента.

— Нэн мертва? — в ужасе переспросил Форсайт Ллевеллин.

— Она была одной из них, — пояснила Мими. От дыма у нее начали слезиться глаза. — Я убила ее, защищаясь.

— Ты...

— Идем. Надо поскорее убраться отсюда, — скомандовал Кингсли и внезапно выдернул Мими и Форсайта из дверного проема.

Через секунду балки обрушились, объятые пламенем. Если бы Кингсли желал ей смерти, он уж точно не стал бы этого делать.

— Спасибо, — поблагодарила Мими, пряча меч — он снова сделался размером с иголку — обратно в сумочку, которая каким-то чудом осталась при ней.

Кингсли не ответил. Он смотрел куда-то поверх плеча Мими, и лицо его закаменело. У Форсайта Ллевеллина тем временем сделался совершенно потерянный вид. Он сидел посреди улицы, обхватив голову руками.

Мими обернулась взглянуть, на что там смотрит Кингсли. Величественная вилла, построенная еще в восемнадцатом веке, превратилась теперь в гигантский огненный шар. Это был крематорий. Серебряная кровь вернулась. Вампиры получили удар в самое сердце Комитета.

Вторая Великая война началась.

Глава 42

Шайлер услышала донесшиеся издали ворчание, крики и лязг металла.

«Очнись. Очнись, дитя».

Голос звучал у нее в голове. Послание. Она уже слышала этот голос прежде.

Шайлер открыла глаза. Перед ней стояла ее мать. Аллегра ван Ален была облачена в белоснежное одеяние, а в руках у нее был золотой меч.

«Это мне?»

«Все, что было моим, по праву твое».

Потрясенная Шайлер взяла меч. Едва лишь она сделала это, мать исчезла.

«Аллегра, вернись!» — позвала Шайлер. Внезапно ее охватил страх. Но отчаянный крик Оливера вернул ее к действительности.

Она подняла голову и увидела, что Лоуренс сошелся в яростной схватке со своим противником. Его меч упал на землю. Над ним возвышался белый сияющий силуэт. Сияние слепило глаза — как бывает, если взглянуть прямо на солнце. Это был Несущий свет. Утренняя звезда. У нее кровь застыла в жилах.

— Шайлер! — раздался хриплый голос Оливера. — Убей его!

Шайлер вскинула материнский меч и увидела, как тот сверкает в лунном свете: длинный, бледный, смертоносный луч. Вскинула и направила на врага. Разбежалась что было сил и ударила в сердце.

И промахнулась.

Но она дала Лоуренсу возможность снова подхватить оружие, и его клинок достиг цели, вонзившись в грудь врага. Кровь хлынула потоком.

Они победили.

Шайлер с облегчением опустилась на землю.

Но тут внезапно раздался оглушительный раскат грома — словно небо раскололось. А затем статуя развалилась надвое. Основание ее рассыпалось вдребезги. Раздался низкий рокот, и земля задрожала под ногами. А потом треснула.

— Что это?! — вскрикнула Шайлер.

Из расщелины в земле вырвалось черное пламя, и в небо взмыл могущественный демон, и глаза его были красными, с серебряными зрачками. Он расхохотался и пылающим копьем пришил лежащего Лоуренса к земле.

Глава 43

Демон исчез. Туман рассеялся, и Шайлер, спотыкаясь, подошла к тому месту, где лежал дедушка, совершенно неподвижный, с широко открытыми глазами.

— Дедушка!.. — вскрикнула Шайлер. — Оливер, сделай что-нибудь! — взмолилась она, пытаясь остановить поток темно-сапфировой крови, что струилась из рваной раны в груди Лоуренса.

— Слишком поздно, — прошептал Оливер, опускаясь на колени рядом с Лоуренсом.

— Что ты говоришь?! Нет... нужно собрать в сосуд... для следующего цикла. Отвезти кровь в клинику.

— Копье Левиафана отравлено. Оно разъедает кровь, — объяснил Оливер. — В нем черный огонь. Лоуренс ушел навсегда.

Лицо юноши было искажено горем.

— Нет! — выкрикнула Шайлер и разрыдалась.

Тут с другого склона горы послышался стон. Обернувшись, они обнаружили, что тело мужчины в белом костюме стало изменяться. Черты его растаяли, расплылись — и на месте золотого мужчины возник обычный парень в черной кожаной куртке.

Парень с черными волосами.

— Это не Серебряная кровь, — сказал Оливер.

— Наверное, он был одержим, — отозвалась Шайлер.

Оливер подошел к Дилану и бережно закрыл ему глаза. Шайлер заметила, что Оливер тоже плачет.

— Да, — кивнул Оливер.

— Пустота... это было алиенари, — произнесла Шайлер, осознав, как сильно они ошибались.

Оливер снова кивнул.

— Старый трюк Серебряной крови. Дилана замаскировали под самого Люцифера, и в результате Лоуренс убил сородича. Невинного.

Теперь кивнула Шайлер.

— Я это чувствовала, Оливер, — и Лоуренс, должно быть, тоже. Что-то было не так. Свет слепил. На него просто невозможно было смотреть. Это было сделано специально, чтобы отвлечь нас, чтобы мы не смогли рассмотреть, кто находится перед нами. Образ Люцифера был таким мощным, что сбил нас с толку. Мне надо было применить анимаверто.

— Они очень тщательно продумали свой план. Смерть Дилана освободила Левиафана. Державшие его оковы могли разрушиться лишь тогда, когда кто-то из Голубой крови совершит тягчайшее из преступлений — убьет своего соплеменника. Это есть в книгах, — сказал Оливер.

— Дедушка... — негромко позвала Шайлер, взяв Лоуренса за руку.

Они слишком мало пробыли вместе. Он еще столькому не успел научить ее! А затем она в последний раз услышала в сознании голос Лоуренса.

«Слушай. Я был недостойн этой задачи. Я ничему не научился за столько столетий. Я не нашел Князя тьмы. Я не хранитель. Спроси у Чарльза... спроси его про Врата... про наследие ван Аленов и Пути мертвых. Должна быть какая-то причина, из-за которой Серебряной крови так легко удалось преодолеть границу между мирами».

— Какие врата? Что за тропы?

«Ты — дочь Аллегры. Твоя сестра станет нашей смертью. Но ты — наше спасение. Ты должна взять меч матери и убить его. Я знаю, что ты восторжествуешь».

Это были последние слова Лоуренса.

Глава 44

Темная кровь. Кровь была повсюду. У нее на лице. В глазах. На руках. На одежде. Потом кровь начала медленно исчезать; по мере ее соприкосновения с прохладным ночным воздухом металлический оттенок стал белеть, а потом она вовсе истаяла. Кровь вампира...

Блисс уставилась на собственные руки. Что произошло? Она не могла ничего вспомнить. У нее опять случился провал в памяти. Или все-таки нет? Воспоминания потоком хлынули обратно.

Она увидела себя сидящей в автомобиле вместе с родителями, увидела, как они кивают ей. Они ожидали, что она будет сопровождать их. Как странно. Все равно что очутиться в фильме. Блисс все видела, но не могла ни шевельнуться, ни сказать хоть слово. Это за нее делал кто-то другой.

Кто-то внутри ее тела.

Тот самый мужчина в белом костюме.

Да.

«Я — это ты. Ты — это я. Мы — единое целое, дочь моя».

Они приехали в большой особняк, расположенный на вершине горы. Блисс помнила, как она пряталась в тени, пока не пробил час. Она в безграничном ужасе смотрела на разворачивающееся перед ее глазами убийство. На бойню, которую учинила собственными руками. Она была заключена внутри собственного тела, беспомощная и скованная, а другой перехватил власть над этим самым телом. Внутри Блисс ярилась, плакала и кричала. Но бесполезно. Она не имела ни малейшей возможности остановить себя.

Постепенно девушка начала вспоминать, что происходило во время ее помутнений сознания. Начала осознавать правду.

Это она напала на Дилана в тот вечер в «Банке». Она хотела выпить его, но что-то — некое остаточное влечение к

нему — остановило ее, и потому вместо него она забрала Эгги. Она дважды пыталась забрать Шайлер. Именно поэтому Бьюти, бладхаунд Шайлер, рычала на нее — хотя Шайлер и не знала истинной природы Блисс, собака ее знала. Потом она напала на Корделию и почти забрала ее, но ее остановил Дилан.

Дилан был проблемой. Он знал, но не знал. Именно потому его память постоянно была такой взбаламученной. Он знал правду, как бы Блисс ни пыталась вычистить ее из его сознания.

Когда он вернулся в первый раз, чтобы предупредить ее о Серебряной крови, это привело к той кровопролитной сцене в ванной. Блисс помнила его пропитавшуюся кровью кожаную куртку, царапины у себя на лице и синяк на шее. Но Дилан сбежал, и ей пришлось отправить других выследить его. Но венаторы добрались до него раньше. Оливер ошибался. Венаторы не принадлежали к Серебряной крови. Они отпустили Дилана, когда выяснили, что он невиновен.

И он воспользовался свободой, чтобы вернуться к ней.

Глупый, глупый мальчишка.

«Я знаю, кто Серебряная кровь, — сказал ей Дилан в тот вечер, когда он влетел в окно, разбив его вдребезги. — Это ты».

И тогда Блисс изменила его воспоминания. Заставила Дилана думать, что это была Шайлер.

Кто-то внутри ее заплакал тихо и печально.

«Я любила его. Я любила Дилана».

Мы никого не любим.

Никого, кроме себя.

Форсайт все это знал. Именно поэтому Блисс не могла заставить себя спросить его про Дилана, ведь подсознательно она знала, почему отец скрывает все это от нее. Потому, что часть ее сознания не могла принять того, кем она являлась на самом деле.

Блисс видела, как она покинула горящий дом и села в машину, в которой лежало тело, засунутое в чемодан. Это был Дилан. Она отвезла его на склон горы, где уже ждали Лоуренс

и Шайлер. Отвезла на Корковадо, чтобы принести в жертву. И там придала ему нужный облик.

Она привезла его на смерть.

Удар нанес Лоуренс, но убила Дилана она.

Так же как и многих других.

Блисс слышала голоса всех, кого она забрала. Они все были здесь, у нее в голове — кричали и рыдали.

Тихо!!!

Блисс поняла, что Нэн Катлер была во всем этом замешана. Нэн, тот самый страж, что проверяла, нет ли на шее Блисс метки Люцифера. Именно она во время расследования опровергла подозрения в адрес Блисс. Внезапно Блисс посетила одна мысль. Она подобрала волосы сзади и потрогала шею. И сразу же нащупала то, что искала. Девушка повернулась к зеркалу и увидела его. Маленький шрам в форме звезды, заклеивший ее как собственность дьявола.

«Но почему?» — спросил все тот же тихий, печальный голос. Он принадлежал той, кто называла себя «Блисс». Неужто она все еще здесь?

«Да», — отозвался тихий голос. Голос Блисс Ллевеллин. А до нее — голос Мэгги Стэнфорд. Всегда одно и то же. В каждом цикле. Они никогда не желали принять правду о своем наследии.

«Я не знала. Я не хотела этого».

«Неважно, чего ты хочешь. Теперь соберись и иди к своим друзьям. Не все прошло по плану. У нас потери. Мы снова должны выжидать подходящий момент».

«Я теперь знаю, кто ты, — сказала «Блисс». — Ты — Люцифер. Несущий свет. Утренняя звезда. Бывший Князь небес».

Ее истинный и бессмертный отец.

Глава 45

Лоуренс был мертв. Шайлер казалось, что от горя у нее сейчас разорвется сердце. Как такое могло произойти? О чем говорил Лоуренс? Ее сестра? Кто это? Что это?

Горную вершину озарили первые отблески зари. По ступеням кто-то поднимался.

— Кто-то идет, — предупредил Оливер.

— Это всего лишь Блисс, — сказала Шайлер, когда подруга приблизилась к ним. — Слава богу, что с тобой все в порядке.

— Моя сестра мертва. Моя мачеха — тоже. Где отец — я не знаю, — произнесла Блисс странным сдавленным голосом. — Там был черный дым. Совет... они... их... Что здесь произошло? — спросила она, увидев распростертые тела Лоуренса и Дилана. — Это... О господи!

Шайлер ухватила Блисс за талию и прижала к себе; та разрыдалась, уткнувшись подруге в плечо.

— Мне ужасно жаль...

Блисс высвободилась из объятий Шайлер и опустилась на колени рядом с телом парня, которого любила. Она прижала его к себе. По лицу девушки ручьем текли слезы.

— Дилан... нет... — прошептала она. — Нет...

— Мы ничего не смогли поделать... произошла ошибка, — произнесла Шайлер, пытаясь что-то объяснить. — Лоуренс...

Но Блисс не слушала ее. Она утерла слезы рукавом.

— Я отнесу его вниз, — сказала она и подняла тело Дилана.

Он был таким легким, почти невесомым. Это было все равно что обнимать воздух. От него ничего не осталось. Блисс зашагала вниз по склону одна, давась рыданиями.

Шайлер смотрела на них и тоже плакала. Она не сумела спасти Дилана. Сегодня она потеряла двоих друзей.

— Все будет хорошо, вот увидишь, — произнес Оливер, присел рядом и принялся перевязывать ей раненую руку полосой ткани, оторванной от рубашки.

Шайлер взглянула на него. Увидела, как искажено печалью его красивое лицо, как темно-каштановые волосы падают на лоб, где тоже зияет рана. Добрый, нежный, чудесный Оливер. И вдруг Шайлер осознала, как чудовищны были ее иллюзии. Она обманывала их обоих, словом и делом.

Потому что она любила его. Она всегда его любила. Она любила и Оливера, и Джека — обоих. Они оба были частью ее. Она отрицала свою любовь к Оливеру, чтобы позволить себе любить Джека. Но теперь многое прояснилось.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю, — улыбнулся Оливер и продолжил бинтовать ей рану.

Эпилог

Две недели спустя

Так значит, здесь было их жалкое любовное гнездышко. Мими вошла в неосвещенную квартиру. Она нашла в комнате у Джека незнакомый ключ. Она подозревала, от чего этот ключ, и знала, что Джека не придется долго ждать.

Дверь бесшумно отворилась, и вошел Джек.

Мимихватило одного взгляда на лицо брата, чтобы узнать все, что ей было нужно. Она мысленно улыбнулась. Так значит, маленькая полукровка в конце концов разорвала связь.

— Ты выиграла, — негромко произнес Джек.

Он посмотрел на Мими с такой лютой ненавистью, что она чуть не съежилась под его взглядом. Но она не слабачка. Она — Азраил, а Азраил не пугается, никого, даже Аббадона.

— Я ничего не выиграла, — холодно отозвалась Мими. — Не забывай, пожалуйста, что почти все старейшины мертвы, что Князь тьмы вновь набирает силу, а то, что осталось от Совета, возглавляет сломленный мужчина, который привык прежде быть самым сильным из всех нас. Однако же, дорогой, тебя, похоже, волнует лишь одно — что ты больше не сможешь забавляться со своей игрушкой.

Вместо ответа Джек метнулся через комнату и с силой ударил Мими по лицу, так, что она полетела на пол. Но прежде чем он успел нанести второй удар, Мими вскочила и так ему врезала, что он, задохнувшись, отлетел к окну.

— Ты этого хотел? — прошипела она, ухватив Джека за воротник рубашки.

Лицо его побагровело.

— Не доводи меня, а то ведь уничтожу, — с насмешкой произнес Джек.

— Попробуй, золотце.

Джек вывернулся из захвата и переброшил Мими через себя,

так что она улетела в другой конец комнаты. Мими взметнулась с пола, стиснув кулаки и оскалившись. Они столкнулись в прыжке, и Джек схватил ее за горло и стиснул. Но Мими ударила его по глазам ногтями, острыми, как когти, и, извернувшись, очутилась сверху и приставила меч к его горлу.

«Сдавайся!» — мысленно велела Мими.

«Никогда!»

«Ты мой!»

«Ошибаешься!»

Мими швырнула его в противоположный угол. Оба были в кровоподтеках. Блузка Мими была разорвана надвое, а рубашка Джека лишилась воротника.

Джек атаковал снова и на этот раз прижал Мими к полу. Мими ощущала у себя над ухом его горячее дыхание. Она чувствовала, как его тело дрожит от напряжения, и почти видела красную ауру его гнева.

— Ты этого хочешь, — лукаво произнесла Мими. — Ты хочешь меня.

— Нет.

— Да.

Джек завернул ей руки за спину, уперся коленями ей в бедра и так стиснул запястья Мими, что на них расплылись синяки. Теперь отпечатки его пальцев останутся на ее теле на несколько недель.

На мгновение Мими вправду сделалось страшно. Перед ней был Аббадон Жестокий. Ангел разрушения. Он мог уничтожить и ее — и уничтожит, если так будет нужно. Если он того пожелает. Ему уже доводилось уничтожать миры. Он опустошил рай во имя Утренней звезды.

Мими задрожала от его хватки.

Вся его нежность, вся доброта, все великолепие его любви всегда доставались другой. Он обожал Габриэлла, боготворил ее, писал в ее честь стихи и пел песни. А для Шайлер были книги, любовные записки, нежные поцелуи и тайные встречи у

камина.

Но для своего близнеца, Азраила, у него не было ничего, кроме его гнева и неистовства. Его силы и разрушения. Он берег лучшее в себе для тех, кто этого не заслуживал. Он никогда не показывал свое истинное лицо этим проклятым дочерям света. Для Азраила же оставались только тьма и уничтожение.

Насилие и резня.

Война и грабеж.

Слезинка скатилась по ее щеке и блеснула в свете луны.

Но в тот самый миг, как Мими решила, что погибла, Джек принялся целовать ее с такой силой, что от его поцелуев у нее заныли губы и шея. В ответ Мими запустила пальцы ему в волосы и изо всех сил притянула к себе.

Любовь. Она так близка к ненависти, что иногда их и не различишь.

Но так уж это повелось у них двоих.

Любовь и ненависть.

Жизнь и смерть.

Радость и боль.

В конце концов он так и остался лежать на ней, погрузившись в сон без сновидений. Она убрала ему волосы со лба и негромко позвала его по имени. Аббадон Невероятный. Названный так потому, что его мятущаяся натура маскировала холодный, яростный гнев.

Разрушитель миров и владыка ее сердца.

Когда-нибудь он поблагодарит ее за то, что она спасла ему жизнь.